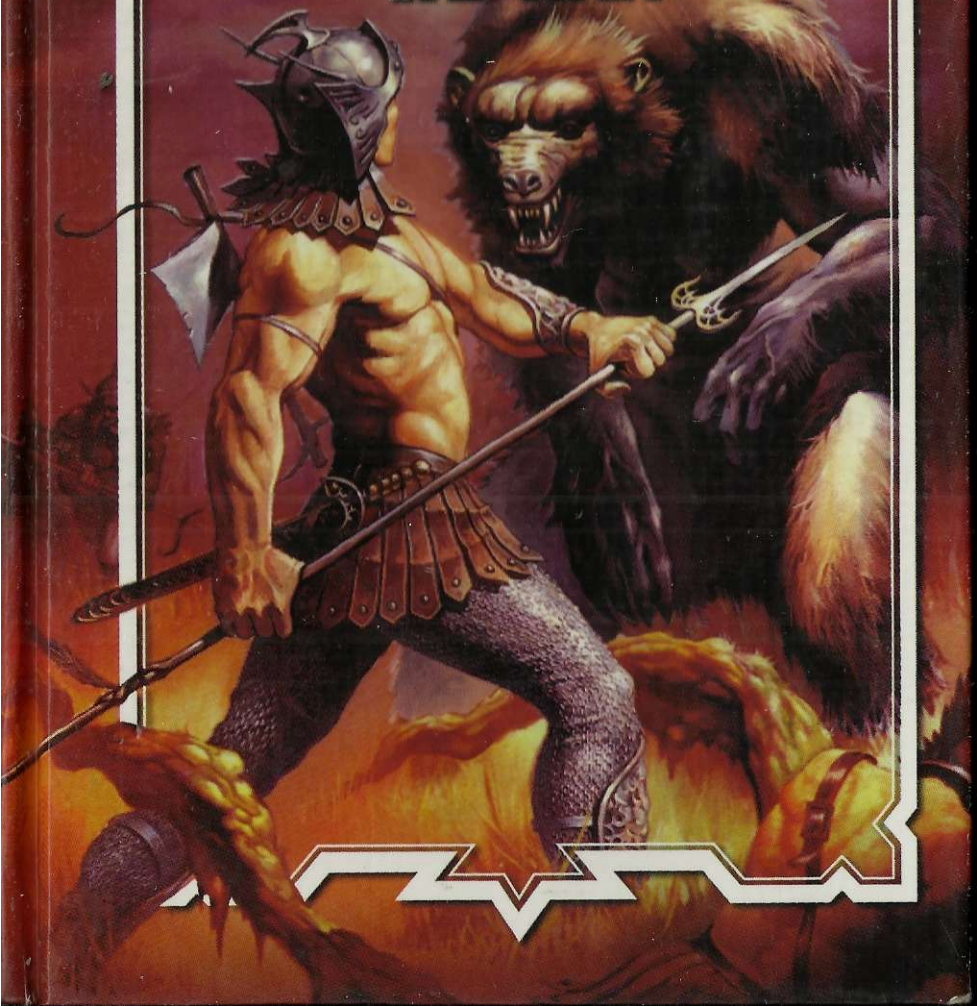

КОНАН

КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ 1

КОНАН
И БОГИ
ТЪМЫ 2

КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА 3

КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ 4

КОНАН
И ПОБЕДИТЕЛИ
ПЕЩЕР 5

КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ 6

КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА 7

КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ 8

КОНАН
ПРИНИМАЕТ
ВОЙ 9

КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ 10

КОНАН
И ДАР
МИТРЫ 11

КОНАН
И НОЧНЫЕ
КЛИНКИ 12

КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ 13

КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЯДУЩЕГО 14

КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ 15

КОНАН
И ПСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО) 16

КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗАА
(НЕ ИЗДАНО) 17

КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА 18

КОНАН
И ГОРОД
ПЛЕНЕННЫХ
ДУШ 19

КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ 20

КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА 21

КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО 22

КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО 23

КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА 24

КОНАН
БАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ 25

КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ 26

КОНАН
И ПЛЕННИКИ
БЕЗДНЫ 27

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ 28

«Великий

КОНАН

КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Санкт-Петербург • Москва • 2000

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

*Серия основана в 1993 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

**К64 Конан и жрец Тарима: Роман и повесть. — М.:
СПб.: «Северо-Запад Пресс», ООО «Издательство АСТ»,
2000. — 448 с.**

ISBN 5-93698-012-X («Северо-Запад Пресс»)
ISBN 5-17-001060-5 (ООО «Издательство АСТ»)

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1992
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

Глава первая

А какому ослу только в голову пришло, что быть караванщиком — хорошее дело? Исмаил поскреб затылок и пригубил вино. Он-то знал точный ответ. Этим ослом был он сам. Двадцать зим назад Исмаил продал свою захудалую посудную лавку в Аграпуре и начал водить купеческие караваны в закатные страны.

Видно, злой демон нашептал ему тогда эту мысль! С тех пор спокойная жизнь кончилась, а седых волос в бороде прибавилось изрядно.

За это время Исмаил твердо убедился: помогает караванщику один Эрлик, да и то если ничем другим не занят. Остальные же будто нарочно всячески мешают и вредят мирному путнику, которому и нужно-то всего ничего: доставить товар да выручить хоть немного денег. Торговцы животными так и норовят всучить больных верблюдов и старых лошадей; купцы-наниматели сначала обхаживают, как родного отца, вручая свой то-

вар, а потом отказываются платить вторую половину суммы, придравшись к какому-нибудь пятнышку на тюках с грузом; пограничные досмотрщики сплошь мздоимцы и лиходеи, причем повсюду — от Турана до Зингары. В городах караван поджидают воры, в горах — разбойники, на море — пираты, а охрана, которая никогда не бывает трезвой, смела лишь при торге за вознаграждение, в иных же случаях она думает прежде всего о спасении собственной шкуры...

Исмал глубоко вздохнул и снова почесал затылок. Вот и сейчас его караван застрял в заморийском городишке Шусфе, что у самой коринфийской границы, а все почему? Потому что вчера нанятые им еще в Аграпуре охранники с пьяных глаз передрались с местными головорезами из-за какой-то девицы. Теперь трое из них лежат с переломанными костями на постоялом дворе, один сбежал, справедливо опасаясь расправы за убийство, еще двое — в местной тюрьме, а начальник охраны клянется, что он тут ни при чем и ребята просто погорячились. Вдобавок появились слухи о разбойничьей шайке, что хозяйничает в Карпашских горах... Еще с утра Исмал пытался нанять кого-нибудь из шусфийцев, но те, понимая отчаянное положение караванщика, запросили такие деньги, что Исмал только крикнул и прекратил переговоры, поминая всех известных ему богов и демонов.

Теперь он сидел в единственном на весь город постоялом дворе и с тоской оглядывал посетителей, надеясь, что у Эрлика сегодня немного дел

и он, вспомнив о бедном караванщике, ожидающем его помощи в захудалом Шусфе, пошлет ему людей для пополнения поредевшей охраны.

А выбор у Исмала был небогат. Кроме него в зале шусфийского постоялого двора «Усталый путник» (надо заметить, остановиться в подобном заведении мог только очень усталый и потерявший всякую надежду добраться до места назначения человек) находились трое коринфийцев, направлявшихся по своим делам в Арэнджун, бродячий знахарь с донельзя тощим и унылым учеником, подвыпивший сказитель и приехавшие недавно двое мужчин с девицей. Вот на них-то, точнее, на одного из них, и был обращен внимательный взгляд Исмала.

Человек, заинтересовавший караванщика, был молод, высок и казался необычайно сильным. Его лицо ясно указывало на принадлежность к варварскому народу и должно было, по мнению Исмала, отпугнуть любого разбойника, также как и внушительный двуручный меч, который виднелся за спиной приезжего. Глядя, как варвар одним духом осушил здоровенную чашу с вином, караванщик еще больше укрепился в мысли, что надо поговорить с ним договориться.

На спутников варвара Исмал бросил единственный взгляд и тут же забыл о них. Средних лет мужчина с залысинами и жиденькой бородкой, крепкий и малорослый, походил на обыкновенного писца, а длинный узкий меч на его боку выглядел игрушечным. Женщина казалась довольно молодой и миловидной, но ни один ува-

жающий себя мужчина не променял бы даже ласкового взгляда полногрудой черноокой туранки на эту худенькую бледненькую мышку.

Приняв решение, Исмаил встал и подошел к столику, за которым сидел могучий воин с друзьями.

— Доброго здравия благородным путникам! — вкрадчиво начал он, обращаясь преимущественно к варвару. — Позволено ли будет скромному караванщику из Аграпура угостить вашу компанию тем, что послал нам Эрлик в этом недостойном заведении?

— Заведение действительно так себе, — отозвался варвар, тряхнув при этом спутанной черной гривой. — Но даже здесь Эрлик не оставил нас и послал отличное туранское вино... — Гигант выразительно постучал по пустому глиняному кувшину.

Исмаил тихо крикнул. Он-то надеялся, что кисловатое местное пойло вполне удовлетворит неприязнительный вкус варвара. Пришлось подзвать хозяина и, скрипя зубами, заказать для всех дорогого красного вина, попавшего на этот шусфийский постоялый двор исключительно для того, чтобы разорить почтенного караванщика.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что варвар прозывается странным именем Конан, родом он из Киммерии и сейчас сопровождает в Немедию свою спутницу. Скромно молчавший друг киммерийца по имени Мораддин оказался ни больше ни меньше как бывшим воином гвардии самого Владыки Илдиша. («И кого только не

берут в армию султанапурского правителя...» — подумал Исмаил.) Худенькая девушка представилась как Ринга из Зингары и при этом ожгла караванщика неожиданно твердым и пронизательным взглядом желтовато-карих глаз, какой больше приличествует закаленному в опасностях мужчине, нежели хрупкой и изящной женщине явно благородного происхождения.

Побеседовав с новыми знакомыми о погоде и дорожных происшествиях, Исмаил наконец перешел к делу.

— Так, значит, уважаемые путники следуют в славную Немедию, да продлятся бесконечно годы ее достойного короля Нимеда?

— Верно, — подтвердил варвар, понимая, к чему клонит караванщик.

— Мой караван идет в Нумалию через Дарем. — Исмаил важно пригладил бороду и ласково посмотрел на черноволосого гиганта: — Быть может, почтеннейшие согласятся присоединиться к нам, что согреет мое сердце радостью и сделает их путешествие более легким и приятным?

— Охрана нужна? — спросил варвар.

— О, алмаз на челе Эрлика, ты верно понял мысль недостойного... — начал было караванщик, но варвар перебил его, задав второй, самый важный, вопрос:

— Сколько заплатишь?

— Подожди, Конан, — решительно вмешалась девушка, и Исмаил в который раз подивился распушенности нравов в странах заката, где женщине, пусть даже и благородной, дозволялось вме-

шиваться в серьезную мужскую беседу.— Мы не собирались наниматься ни в какую охрану! Нам нужно спешить в Бельверус, а караван идет медленно.

Заметив, что слова спутницы заставили варвара задуматься, Исмаил быстро проговорил:

— Я готов заплатить двадцать золотых: десять сейчас и десять по прибытии в Нумалию.

— По двадцать мне и моему другу,— уточнил киммериец, а молчаливый Мораддин лишь удивленно поднял узкие брови.— Тогда будет, о чем говорить.

Исмаил кивнул, решив про себя, что в случае нападения варвару придется драться и за себя, и за своего малорослого товарища.

— Оставь эту затею, Конан,— с едва заметной досадой произнесла девушка.— Из-за каких-то двадцати золотых...

— Да что ты в этом понимаешь, женщина?! — возмутился варвар, наклоняясь к ней.— У тебя дом в немедийской столице, титул и куча денег, ты никогда не знала голода и нищеты! Так какое ты имеешь право помешать нам честно заработать немного золота, раз уж подвернулась такая возможность?

— В Бельверусе ты получишь гораздо больше. Но мы не должны медлить.— Девушка в раздражении забарабанила пальцами по глиняной чаше.

Звук получился странный: точно ударили не ногтями, а медной монетой. Исмаил невольно опустил взгляд на руки девушки, но она уже перестала стучать и сжала кулаки.

— Получу ли я что-нибудь в вашем Бельверусе, одному Митре известно.— Варвар явно начал злиться.— Пока ты лезешь из шкуры вон, помогая властям наводить порядок, обещания так и сыплются, а как все закончится — прогонят в шею, хорошо если еще в темницу не решат бросить. Караванщики, конечно, тоже жулье, но с ними хотя бы знаешь, чего ожидать. Не то что от твоих баронов и королей!

— У тебя на уме одни деньги, Конан,— холодно сказала девушка и отбросила за спину две толстые темно-каштановые косы, отчего вплетенные в них украшения жалобно звякнули.

— Откуда тебе знать, что у меня на уме? Тебя только мой меч интересует! — рявкнул киммериец.

Исмаил невольно вздрогнул, решив, что гордой кареглазой девице сейчас не поздоровится. Но та, похоже, ничуть не испугалась вспышки ярости своего могучего спутника и лишь слегка усмехнулась.

— Послушай, Конан, мы должны проводить госпожу Рингу...— тихо и рассудительно заговорил было Мораддин, снизу вверх глядя на своего друга, но ему не дали закончить.

Громкий выкрик варвара разбудил дремавшего за соседним столиком сказителя, который, вспомнив, что ему надо заработать пару монет на выпивку, нетвердой походкой направился к сидевшей рядом компании.

— Почтенные месьюры! — Сказитель обвел путников мутным взглядом и остановил его на Мо-

раддине.— Я странствую по городам и селениям, веселя их обитателей песнями и балладами. Немало их хранит моя память, и не сыщется по обе стороны Карпашских гор певца, коий... Коих... Которых...— Сказитель с тоской моргнул и спросил прямо: — Что вам спеть-то?

— Знаешь, любезный, мы вовсе не нуждаемся в увеселении...— вежливо произнес Мораддин, но сказитель, лишь утвердившийся в своем заблуждении, что именно его песен месьюрам и не хватает, рванул струны и заголосил на весь постоянный двор:

— В белосте-е-енном Хоарезме; что ласка-а-аем синим морем, рос цветок мужской улады с нежным именем Зуле-е-ейна...

Голос сказителя был на редкость неблагозвучен, а его инструмент не настраивали, наверно, лет десять.

— Всеблагая Иштар, этого еще не хватало!

Девушка с каштановыми косами в сердцах ударила ладонью по столу, и Исмалу почудилось, будто ее ногти на миг стали раза в два длиннее обычных человеческих, словно вдруг из ножен высунулись пять острых кинжалов. Караванщик на всякий случай осенил себя охранным знаком, но зингарка вновь сжала руку в кулачок, и теперь ее ногти выглядели не более устрашающе, чем у любой аграпурской модницы.

— Любезный, мы же тебе сказали, что...— Терпеливый Мораддин сделал вторую попытку.

— ...Но эмир сластолюби-ивый, разлучив Зулейну с ми-илым...— безжалостно продолжал ска-

зитель,— в свой гарем ее запря-а-атал, чтобы честь ее девичью...

— Вот про это, пожалуйста, поподробнее,— заинтересовался варвар, приготовившись слушать.

— Я его сейчас убью! — зашипела зингарка, и было непонятно, о ком она — о сказителе или своем черноволосом спутнике.

Мораддин поднялся из-за стола и взглянул в упор на разошедшегося певца.

— Любезный, ты нас утомил,— очень тихо произнес туранец, и сказитель мигом умолк, потому что даже хмельной угар и упоение собственным искусством не помешали ему увидеть в глазах низенького вежливого путника, что чужая смерть для него — зрелище заурядное и даже приевшееся. Следовательно, одним неудачливым певцом больше, одним меньше — для этого спокойного месьюра значения не имело. Исма, которого невольно пробрал озноб от этого взгляда, решил, что поторопился с выводами о ненадежности армии государя Илдиза, в которой служат такие воины.

— Вот и все веселье,— проворчал варвар, когда протрезвевший сказитель убрался восвояси.— Мрачные у меня попутчики — даже песен не любят...

— Так что, уважаемый месьюр с друзьями присоединится к моему каравану? — напомнил о себе Исма, выразительно звякнув увесистым мешочком с монетами на поясе.

— Благодарим за предложение, почтенный караванщик,— вместо гиганта ответил его малорос-

лый друг, — но тебе придется подыскать других охранников. Нам нужно спешить.

Исмал и Конан одновременно открыли было рты, но Мораддин посмотрел в глаза сначала одному, потом другому, и оба промолчали. Худенькая девушка торжествующе улыбнулась, обнажив остренькие белые зубки.

Исмал понял, что настала пора откланяться. В этой мысли его особенно укрепила мерзкая звериная мордочка с красноватыми глазами, внезапно выглянувшая из складок плаща спокойного коротышки. Ушастый невиданный зверек истошно заверещал, повернув голову к караванщику.

Вернувшись за свой столик, Исмал решил про себя: а может, и к лучшему, что он не смог нанять этих людей. Не слишком-то уютно ехать в такой компании, где лишь один нормальный человек, да и тот — варвар.

* * *

Почтенный караванщик был прав лишь наполовину. Конан из Киммерии был не только единственным нормальным, но и вообще единственным человеком в этой маленькой компании.

Мораддин, сын Гроина, был полукровкой. Его мать была бритункой, а отец происходил из рода подземных карликов-рудознатцев, которые звали себя гномами и селились в туннелях под Кезаньскими горами и Граскаалем. Как-то, расчувствовавшись, Мораддин поведал своему другу-северянину романтическую историю любви бритунской селянки и молодого гнома.

Доставшийся в наследство от отца небольшой рост Мораддин с лихвой окупал безупречным владением любым оружием. Впрочем, даже оно не всегда требовалось полукровке, знавшему тайные приемы, с которыми даже безоружный человек становится крайне опасным. Благодаря этому, а также несомненному уму и спокойному ровному нраву карьера Мораддина в особых частях армии владыки Илдиза была чрезвычайно успешной до тех пор, пока щепетильность и честность гнома не помешали этому. По навету сослуживцев удачливый сотник гвардии султана-пурского владыки превратился в обыкновенного надзирателя на рудниках, куда туранские власти ссылали преступников. Нетрудно догадаться, что именно там и состоялось его знакомство с Конаном.

Киммериец попал на рудники в самый разгар своих поисков магического сосуда Нейглама, святыни гномов и предмета вожеления некоторых весьма высокопоставленных людей. Неравнодушный к чаяниям народа своего отца, Мораддин помог бежать варвару, но с условием, что найденный Конаном Нейглам будет возвращен тем, кто имеет на него законные права. Сам Мораддин также покинул теплое, но безрадостное место надзирателя, забрав из рудников на память о честной службе лишь маленького любимца — летучую мышшь-альбиноса, обладающую весьма строптивым норовом и на редкость противным голоском. Сколько раз за прошедшее время гном пожалел о том, что связался с Конаном, ведомо лишь ему,

но даже после возвращения магического сосуда гномам Мораддин и северянин не расстались, а вместе покинули пределы Турана и отправились на поиски новых неприятностей на свою голову.

Ринга, уроженка Рабирийских гор, что располагались на самой границе между Зингарой, Аргосом и Пуантенем, человеком не была вовсе. Она принадлежала к загадочному и почти исчезнувшему племени гулей, которые отличались от людей наличием длинных когтей, втягивавшихся при необходимости, и острых зубов, а также тем, что для поддержания жизни им требовалась свежая кровь, желательна человеческая. Жизнь гулей длилась намного больше, чем жизнь людей, и Ринге, которая выглядела очень юно, на самом деле было не меньше сотни лет. Вдобавок девушка-гуль обладала странным и редким умением — даром Сторожа. Хозяин, имевший такого раба, мог спать спокойно: Сторож слышал даже во сне, лезут ли в дом воры, умел отвести глаза грабителю или убийце, мог заставить человека испугаться собственной тени или выронить оружие в самый неподходящий миг.

Но Ринга не была рабыней. Напротив, в Немедии она занимала прочное положение в обществе, имела немало привилегий и ни в чем не нуждалась. Всего этого она добилась в тайной службе Немедии, где необычайные способности девушки-гуля нашли достойное и щедро оплачиваемое применение. Ринга обрела место среди людей, отказавшись от привычек и традиций собственного народа и употребляя в пищу лишь кровь животных.

В захолустном заморийском городишке Дэлiramе, где и произошла встреча Ринги с двумя странниками, она выполняла очередное задание немедийских властей и умело воспользовалась помощью недогадливых приятелей, которых обманули ее скромная внешность и тихое поведение. Под ее незаметным руководством Конан и Мораддин проделали существенную часть работы, призванной раскрыть торговые махинации с запрещенным порошком серого кхитайского лотоса, о чем они узнали лишь в самом конце. Теперь Ринга следовала в Бельверус с докладом об успешно выполненной миссии, и варвар с гномом сопровождали ее: Мораддин — в расчете на достойное место на королевской службе, Конан — с надеждой на щедрую награду.

Но даже обещанное вознаграждение не излечило уязвленную душу варвара, который до сих пор не мог прийти в себя от мысли, что его, бывшего вора, пирата и наемника, обвела вокруг пальца какая-то девчонка.

Избавившись от настырного караванщика, Мораддин спокойно вернулся к прерванной трапезе. Мышь устроилась на плече хозяина, победоносно взирая оттуда блестящими глазками на окружающих. Конан заскучал. Они собирались выехать завтра с рассветом, а потому гном, который на собственном опыте знал, каково это — выгонять рано утром в дорогу обозленного спросонья варвара, строго следил, чтобы тот не засиживался допоздна. Сыграть в кости здесь также было не с кем. Впрочем, денег у Конана было немного, а

единственную драгоценность — маленький мешочек с порошком лотоса, спасенный им от сожжения в Дэлираме, надо было еще кому-то продать.

От нечего делать киммериец принялся разглядывать посетителей. Его внимание привлекла хорошенькая девушка, по-видимому недавно спустившаяся в общий зал постоялого двора.

Она сидела в самом углу, торопливо расправляясь с едой, и вид у нее был крайне измученный и растерянный. К ее боку прижалась девочка лет пяти, белокурая и голубоглазая. Богатая одежда ребенка явно указывала на то, что это не простые путники.

Конан поискал взглядом слуг, мужа или приятеля молодой женщины, но никто из присутствующих даже не смотрел в их сторону. Похоже, они ехали одни, что было очень странно.

Одинокую симпатичную девушку заметил не только Конан. К ее столику развязной походкой приблизился один из коринфийцев — самый молодой и, должно быть, самый наглый. Девушка испуганно взглянула на мужчину и судорожно прижала к себе ребенка.

— Что, красotka, скучаем? — небрежно спросил коринфиец, облачаясь на стол и нависая над девушкой.

Та что-то тихо ответила, умоляюще глядя на непроститого кавалера. Девочка исподлобья взглянула на мужчину и скривила пухлое личико в презрительной гримаске.

— Может, отпавишь эту крошку ее нянюшке, а мы с тобой займемся чем-нибудь более ин-

тересным? — не унимался парень, явно убежденный, что только полная дура не согласится на такое предложение.

Девушка вновь что-то убедительно заговорила, но ее задрожавшие губы ясно показывали, что мужество вот-вот покинет ее, а сил поставить нахала на место у нее нет.

В другое время Конан предоставил бы право спасти девицу Морадину, который просто создан для того, чтобы совершать благородные поступки, однако сейчас у варвара имелась своя причина вмешаться. Должен же он показать этой желтоглазой, когтистой и клыкастой интриганке, что на ней свет клином не сошелся и многие женщины будут рады вниманию северянина. Pokосившись на разрезавшую жареное мясо Рингу, Конан поднялся и, пройдя через зал, оказался за спиной настойчивого ухажера.

— Ты что, приятель, не видишь — ты не нравишься госпоже. Так что отойди-ка подальше и не надоедай, — миролюбиво заметил варвар, хлопав парня по плечу.

— Это кто здесь такой смелый, что... — запальчиво начал было коринфиец, но, обернувшись и увидев черноволосого гиганта, чьи мышцы внушительно вырисовывались под курткой, а размер кулака вызывал уважение у любого драчуна, радушно улыбнулся. — А, ну так бы сразу и сказал, что это твоя подружка, — и пошел прочь.

Конан ощутил невольное сожаление: он-то надеялся слегка поразмяться, но этот сопляк, видимо, не собирался составлять ему компанию.

По-прежнему прижимая к себе ребенка, девушка растерянно смотрела на варвара, раздумывая, не безопасней ли было договориться с коринфийцем.

— Если этот недоносок обидел тебя, госпожа, я еще могу догнать его и поучить хорошим манерам,— предложил киммериец, любезно улыбаясь девушке.

— Я думаю, не стоит.— Она наконец разжала объятия, и девочка ловко выскользнула у нее из рук и с интересом уставилась на варвара.— Наверно, он уже все понял.

— В таких, как он, понимание приходится вбивать кулаком. Иначе они не понимают,— рассудительно заметил киммериец.— Меня, кстати, зовут Конан из Киммерии.

— Ильма,— представилась девушка, с неуловимым кокетством поправив густые каштановые волосы.— А это моя дочь Ния.

— И в кого она такая беленькая? В папу? — Конан знал, что доверие матери можно завоевать, лишь изобразив интерес к ее чаду. Но Ильма, вместо того чтобы пуститься в долгий и полный подробностей рассказ о своей дочурке, лишь молча кивнула.

А девочка, спрыгнув со скамьи, подошла к усевшемуся на табурет Конану и потребовала:

— Дай кинжал посмотреть!

На поясе варвара в кожаных ножнах висел небольшой, но изящный кинжал — подарок шейха оазиса Баргэми. Клинок обладал некими магическими свойствами, о которых сам Конан посто-

янно забывал, используя колдовское оружие преимущественно для резки жаркого.

— Э... Кинжал? — растерялся киммериец.— Тебе нельзя, еще поранишься. Девочки должны играть в куклы.

— Вот сам и играй,— посоветовала малышка.— А я хочу кинжал.

— Ния! — прикрикнула на нее Ильма.— Веди себя прилично и не приставай к посторонним!.. Она такая избалованная,— смущенно сказала девушка, обращаясь к Конану.

— Да, если б у нас в Киммерии ребенок посмел так разговаривать со старшими, седмицу бы сесть не смог,— ухмыльнулся варвар.

— А если б у нас в Немедии кто-то не дал мне кинжал, папа так бы его наказал, что этот человек потом мне бы целый мешок кинжалов принес! — сообщила девочка, строго глядя на киммерийца круглыми голубыми глазами.

— Ния, да замолчишь ты наконец? — Ильма дернула девочку за руку так, что бедняжка чуть не упала.

Ния показала Конану язык и вновь устроилась рядом с матерью.

— И где же ваш грозный папа? — невзначай поинтересовался варвар.— Неужели он отпустил такое сокровище без охраны и провожатых?

— На нас напали... В горах... — пробормотала Ильма и поежилась.— Все мои спутники погибли, удалось бежать только нам с Нией...

— Кто напал? — удивился Конан. Боги, неужели Карела Рыжий Ястреб вернулась домой и те-

перь вместе со своими головорезами околачивается где-то поблизости? Только этого не хватало...

— Не знаю... Какие-то разбойники, наверно... — Хорошенькое лицо девушки опять приобрело испуганно-измученное выражение. — Я совсем не представляю, что мне делать...

— Присоединяйтесь к какому-нибудь каравану и возвращайтесь домой, — посоветовал Конан. — Тут как раз есть караван, направляющийся в Немедию.

— Мы не можем в Немедию! — вскрикнула Ильма. — Нам надо в Коф!

— Караваны в Коф ходят через Арэнджун, — пожал плечами Конан. — Но ехать так далеко женщине без спутников опасно, особенно в Заморе.

— Нам надо в Коф, — повторила девушка, умоляюще глядя на северянина, словно в его силах было доставить их туда.

— В таком случае нам не по пути, — развел руками Конан и почти искренне добавил: — А жаль...

Тут северянин буквально почувствовал обжигающий взгляд Ринги, упершийся в его спину. Представив выражение ревности и досады на узком точеном личике девушки-гуля, Конан испытал прямо-таки наслаждение. Изобразив торжествующую улыбку, он медленно обернулся к своей спутнице, и ухмылка на его лице увяла. Потому что внимательный взгляд рабирийки был направлен совсем не на бывшего возлюбленного и даже не на его миловидную собеседницу. Во все глаза Ринга смотрела на ребенка.

Глава вторая

ергал заберу всех женщин, а рабирик — в особенности!

С крайне мрачным выражением лица Конан трясся в седле позади каравана, глотая поднятую медлительными вьючными лошадьми дорожную пыль. Сейчас варвар был готов отправить всю прекрасную половину человечества куда подальше, не думая о том, сколько трудностей при этом возникнет у большинства взрослых здоровых мужчин. Впрочем, киммерийца можно было понять. Сначала эта вздорная девица Ринга, воспользовавшись поддержкой Мораддина, лишила Конана двадцати золотых, не позволив наняться в охрану каравана. А посреди ночи та же Ринга подняла Конана с постели и заставила тащиться на постоялый двор, чтобы сообщить Исмалу, что они с радостью будут сопровождать его караван и согласны на любые условия. В результате пронырливый караванщик снизил их плату вдвое, но рабирийка и глазом не моргнула, хотя Конан уже

готов был разобраться с мошенником по-своему. И теперь Ринга ехала бок о бок с невозмутимым, как всегда, гномом впереди каравана, слегка опасаясь, впрочем, приближаться к разгневанному ее неожиданными сменами настроения варвару.

— Ты чем-то расстроен, Конан?

Звонкий девичий голос вывел северянина из мрачной задумчивости. Рядом с ним на каурой смирной лошадке ехала Ильма, искоса поглядывая на Конана.

Молодая женщина вместе с дочкой присоединилась к каравану перед самым его отбытием из Шусфа. Видимо, поняла, что до Кофа ей одной не добраться, или ее в этом убедила вездесущая Ринга. По крайней мере, Ильма изменила свое решение после продолжительной беседы с рабирийкой, невесть как сумевшей втереться к ней в доверие. Правда, в этом девушке-гулю не было равных, в чем Конан убедился на собственном горьком опыте.

— Нет. Киммерийца не так легко вывести из себя всякой ерундой,— хмуро сообщил Конан, хлестнув поводом по крупу ни в чем не повинной лошади, на которую, впрочем, это не произвело особого впечатления.

— Да, порой всякие чересчур много воображающие о себе особы бывают совершенно несносны,— заметила Ильма, чисто женским чутьем догадавшись, какого ответа от нее ожидают.

От ее слов на душе у Конана потеплело, и он мысленно позволил Нергалу оставить избранных представительниц противоположного пола в этом

мире. Варвар покосился на маячившую впереди спину Ринги и подмигнул Ильме. Та захихикала.

Сейчас Ильма была совсем не похожа на ту испуганную и измученную девушку, с которой Конан познакомился в «Усталом путнике». Казалось, все свои страхи и тревоги она оставила в Шусфе и теперь выглядела легкомысленной и веселой, словно освободилась от тяжелого груза. Она без умолку болтала, смеялась, кокетничала со всеми мужчинами и вообще вела себя не так, как подобает знатной замужней даме. Больше она напоминала Конану обычную городскую девицу — горничную или служанку в таверне, с которой так приятно скоротать вечерок-другой, чтобы после спокойно о ней позабыть.

Пару раз Конан из чистого любопытства попытался расспросить Ильму о ее жизни в Бельверусе, но девушка отвечала неохотно, и варвар так ничего толком и не узнал.

Зато рассказы киммерийца о приключениях, выпавших на его долю, Ильма слушала затаив дыхание, и польщенный Конан все чаще замечал в ее карих глазах нечто большее, чем просто восхищение его храбростью.

«Если так пойдет и дальше, то папаша белокурой крошки вскоре пожалеет, что так надолго отпустил от себя красотку-супругу». Эта мысль очень скрашивала Конану скучное и ничем не примечательное путешествие с караваном Исма-ла. Быть может, это произошло бы даже очень скоро, но походная жизнь в окружении множества людей не располагала к уединению, о чем вар-

вар слегка сожалел, поглядывая на стройную и соблазнительную фигуру молодой немедийки.

...Двигаясь размеренно и неторопливо, караван перевалил через Карпашские горы и, покинув небезопасную для мирных путников Замору, оказался в гостеприимной Коринфии. Как ни странно, никакие разбойники не покушались на перевозимый Исмалом товар, и обрадованные такой удачей караванщики подстегивали тяжело нагруженных лошадей, стремясь побыстрее добраться до приграничного коринфийского города Эдеса.

Утонувший в пыльной зелени Эдес казался таким же захолустным и унылым, как и оставленный несколько дней назад Шусф. Караванщики вяло переругивались с разомлевшими от жары и вина досмотрщиками, которые лениво осматривали товар. Один из ревностных стражников заикнулся было, чтобы Конан и Мораддин предъявили и свои личные вещи, но киммериец в ответ лишь молча поиграл мускулами и, дернув за рукав начавшего было открывать седельную сумку законопослушного гнома, потащил его искать местный постоялый двор. Ринга со скучающим видом сидела в тени раскидистого дерева, сворачивая в трубочку пергамент, подтверждавший ее принадлежность к тайной немедийской службе и освобождавший рабирийку от любых досмотров. Ильяма с дочерью скромно пристроились поблизости.

Осмотр каравана близился к концу, когда вдали на дороге, извилистой лентой уходившей к Карпашским горам, за клубилось пыльное облако. Вскоре стал виден отряд всадников, во весь опор

скачущих в сторону Эдеса. Караванщики встревоженно загудели. Взглянув на растерянное лицо начальника эдесской приграничной службы, Исмаил приказал своим людям собрать товары и лошадей и занять круговую оборону, проклиная при этом неизвестно где шлявшихся варвара и его друга.

Всадников было немного, человек двенадцать, но в них с первого взгляда можно было угадать людей, привыкших использовать силу. Они мало походили на обычных карпашских разбойников и выглядели, скорее, как наемники, которые во множестве бродили в поисках заработка по дорогам от Западного океана до моря Вилайет. Впрочем, такие отряды частенько не брезговали нападением на караваны, когда не могли найти богатого нанимателя. Поэтому Исмаил лишь крепче сжал в руке изогнутую дедовскую саблю и поручил свою душу Эрлику.

Пока эдесские стражники суетливо бегали по двору, разыскивая кто оружие, кто укрытие, а их начальник срывал голос, выкрикивая бесполезные команды, неизвестные всадники уже осаживали лошадей прямо посреди всеобщей суматохи. Их командир, высокий мужчина с залихватски закрученными рыжими усами, спрыгнул с коня и направился напрямик к Исмаилу, не обращая ни малейшего внимания на смотревшее ему в грудь острие сабли.

— Нам известно, что с вашим караваном следуют немедийская женщина с ребенком, — холодно сказал рыжеусый. — Где они?

Исмал поднял саблю повыше и неловко попытался ткнуть ею в бандита.

— Да убери ты свою железку, — поморщился тот. — Твои товары нам даром не нужны. Мы ищем только женщину и ребенка. Выдашь их нам — поедешь дальше целым и невредимым.

Исмал задумался. С одной стороны, госпожа Ильма заплатила за свое место в караване достаточную сумму, чтобы надеяться на его честность. К тому же краем уха он слышал, что она принадлежит к бельверусской знати, и если Исмал отдаст госпожу каким-то лихим людям, то ее разгневанные родственники могут сильно осложнить жизнь простого туранского караванщика. Но, с другой стороны, ее могущественные родственники Эрлик знает где, а разбойник — вот он, рядышком, топорщит свои рыжие усы, а на боку у него добрый меч, и владеет он им куда лучше, чем Исмал своей старой саблей... А деньги госпожи он, в конце концов, может пожертвовать одному из бельверусских храмов Митры. Эрлик не обидится, он поймет.

— С нами действительно едет некая госпожа с дочерью, о храбрейший воин, — степенно заговорил Исмал, сделав знак своим людям опустить оружие; те охотно выполнили его приказ. — Не знаю, они ли вам нужны, но...

Исмал обернулся, чтобы указать рыжеусому на дерево, под которым он недавно видел Ильму, но там уже никого не было, и караванщик растерянно замолчал.

— Ну?! — грозно воскликнул предводитель отряда.

— Они были там, но сбежали, — быстро ответил Исмал, ткнув пальцем в сторону дерева и про себя надеясь, что женщина успела хорошенько спрятаться и ему не придется ее предавать и мучиться после угрызениями совести.

Рыжеусый махнул рукой своим людям, и те рассыпались в разные стороны в поисках беглянки.

Начальник приграничной службы робко приблизился к командиру отряда и попытался было выяснить, в чем дело, но, поймав взгляд холодных светлых глаз рыжеусого, счел за благо не вмешиваться.

Вскоре послышался женский визг, свидетельствующий о том, что немедийку все-таки нашли. Один из подчиненных рыжеусого выволок рыдающую Ильму, другой разбойник тащил под мышкой белокурую девочку, мрачно глядевшую из-под его руки.

— Да, это они, — только и сказал командир отряда, мельком взглянув на женщину и ребенка.

Ильма тщетно озиралась по сторонам в поисках подмоги. Все лишь отводили глаза, не решаясь спорить с уверенными в себе наемниками. В чужие дела влезать — себе дороже, а кто не усвоил эту мудрость, давно прогуливается по Серым Равнинам.

— Сотник Ригел, давно ли ты променял службу при дворе на плащ наемника? — раздался вдруг спокойный женский голос.

Командир отряда заметно побледнел и, растерянно заморгав рыжими ресницами, оглянулся.

Мягкой походкой к нему приближалась изящная невысокая женщина.

— Госпожа Ринга? — Самоуверенности в рыжеусом поубавилось. — Никак не ожидал встретить тебя здесь...

— Но все-таки встретил, — жестко прервала его девушка, и Исмаил лишь восхищенно крикнул, любуясь вытянувшейся физиономией рыжеусого. Тому явно хотелось выругаться, но он не решался.

— Никогда не поверю, что ты добровольно покинул теплое место в Бельверусе. — В голосе Ринги появились вкрадчивые нотки. — Быть может, тебе наконец припомнили тот небольшой промах, допущенный в деле Кернера?..

— Думаю, нам стоит поговорить с глазу на глаз, — нервно сказал Ригел и махнул рукой своим людям, чтобы те отошли подальше.

До Ринги донеслось: «И что это сотник тратит время с какой-то девкой?» — «Болван, ты что, не понял? Это же ищейка из тайной службы. Так что придержи язык, если дорожишь своей шкурой!» Девушка победно усмехнулась и привычным жестом откинула назад роскошные косы.

— Могу сообщить тебе, госпожа, что мы получили приказ разыскать эту женщину с ребенком и доставить в столицу, не показывая при этом своей принадлежности к немедийской армии. — К Ригелу вернулось прежнее самообладание. — Больше я ничего сказать не могу. Даже тебе, уважаемая Ринга. — Сотник вежливо улыбнулся.

— Не можешь, потому что не знаешь. — Ответная улыбка девушки была не менее вежливой. —

Исполнителям вроде вас обычно не сообщают и трети всех сведений.

— Я знаю достаточно, чтобы выполнить приказ, — обиделся Ригел.

— А ты уверен, что этот приказ уже не выполнен? — невинно поинтересовалась Ринга.

Сотник сдвинул редкие рыжеватые брови.

«Хитрая стерва!» — подумалось ему.

«Рыжий осел!» — мелькнуло в голове девушки.

— Если госпожа имеет в виду, что она... — осторожно начал Ригел.

— Имеет, — любезно прервала его Ринга. — Если бы в Бельверусе надеялись только на военных, Немедии давно пришел бы бесславный конец. Поиски были поручены не только тебе, дорогой Ригел, и случилось так, что мы справились с этим лучше.

«Наглая выскочка!» — сказали глаза сотника.

«Безмозглый вояка!» — ответил взгляд Ринги.

— Но я гонялся за этой девкой, Сет ее заberi, целую седмицу! — в сердцах воскликнул сотник. — Почему теперь я должен отдавать ее тебе?

— Потому что мои полномочия гораздо значительней твоих, месьор Ригел. — Рабирийка протянула ему пергамент. — Можешь убедиться. Надеюсь, печать тебе знакома? Впрочем, у меня есть еще кое-что... — И девушка показала несколько оропевшему сотнику тяжелый золотой перстень-печатку с крылатым драконом — символ высшей военной власти в Немедии.

«Чтоб тебя демоны сожрали!» — злобно подумал Ригел.

— И тебе того же, милейший, — от всей души пожелала Ринга.

— Ладно, на сей раз твоя взяла, — неохотно признал Ригел. — Надеюсь, в Бельверусе ты, господа, объяснишь, почему я вернулся ни с чем?

— Охотно, — весело проговорила девушка. — Я думаю, тебя и твоих людей даже наградят за проявленное усердие. А теперь отпусти своих пленников — и расстанемся по-доброму.

Быть может, сотник действительно расстался бы с Рингой по-доброму.

Но ему помешали. Внезапно деревянная ограда, окружавшая постоялый двор, где находилась приграничная служба, грозно затрещала, и во двор лихо прыгнул Конан, воинственно размахивая мечом.

* * *

Поплутав по пыльным кривым улочкам Эдеса и не встретив никого, кроме тощего облезлого пса, Конан и Мораддин набрали наконец на небольшую таверну, в которой было совершенно пусто.

— Я начинаю думать, что этот городишко населен призраками, — пробурчал Конан.

На их продолжительный стук отозвался хозяин заведения, ни на миг не прекращавший зевать. Даже появление посетителей не вдохнуло жизнь в его сонные маленькие глазки.

— Мяса нет, вино вчера кончилось, кухарка сегодня не работает... — с ходу начал хозяин, привалившись к стойке и вяло почесывая круглый живот.

— Подожди, любезный, — прервал его Мораддин. — Можно ли переночевать в твоём заведении?

— Отчего ж нельзя? — лениво ответил хозяин. — Только у меня всего одна свободная комната, две другие заняты. И потом, вина нет, мясо...

— Я понял. — В голосе туранца прозвучал отенок раздражения. — И сколько кроватей в этой комнате?

— А кто его знает? — пожал плечами таверщик. — Раньше было две. Так их, может, уже сломали... И вина у нас нет...

— Пошли отсюда! — заявил Мораддину выведенный из себя Конан. — Найдём что-нибудь получше.

— А вот это вряд ли, — покачал головой хозяин. — Кроме моей таверны, в Эдесе других заведений нет. Была ещё одна, так её два года назад сожгли.

— Если она была похожа на твою, я очень даже могу понять поджигателей, — пробормотал киммериец.

— Ладно, мы согласны на эту комнату, — решил Мораддин. — Пусть там приберут. Мы скоро вернёмся... Здесь есть где пристроить наших лошадей?

— На заднем дворе — конюшня. Только там прошлой зимой крышу разобрали, а новую так и не собрались положить... — Хозяин зевнул и с хрустом расправил плечи.

— Эй, подожди, — встревоженно обратился Конан к другу. — Ты что, собираешься тут ночевать?

Мало того, что это опасно для жизни, как же мы поместимся все в одной комнате?

— Одну ночь придется потерпеть, — миролюбиво ответил Мораддин. — Не впервой ведь. Ринга ляжет на кровати, а мы с тобой бросим жребий, кому спать на полу.

— А если этот жребий достанется мне? — с упреком сказал Конан. — И потом, нас же не трое, а четверо. — И, встретив недоуменный взгляд Мораддина, киммериец пояснил: — Не можем ведь мы бросить госпожу Ильму на том мерзком постоялом дворе с грубиянами-караванщиками! Так что нам нужны две комнаты.

— О, действительно, о госпоже Ильме и ее дочери я и не подумал, — смутился туранец и одобрительно улыбнулся: — Я считал, Конан, что хорошо знаю тебя, но сейчас ты меня удивил. Не предполагал, что ты можешь так заботиться о чужой женщине...

Будь Конан на это способен, он бы покраснел, потому что сейчас им руководила вовсе не бескорыстная забота о хорошенькой немедийке.

— Тогда нам с тобой придется переночевать на постоялом дворе, а Ринга и госпожа Ильма займут эту комнату, — подытожил Мораддин.

— Ну нет, — возмутился Конан. — Тащиться ночью через весь город...

— Зачем тебе куда-то тащиться ночью? — удивился гном.

Конан вздохнул. Он уже знал, что умный и безжалостный Мораддин в некоторых вопросах был не по возрасту наивен.

— Кто занимает две другие комнаты? — деловито обратился Конан к уже успевшему задремать хозяину.

— Одну — какой-то жрец из Хаурана, другую — шадизарский купец, — лениво ответил он.

— Я уверен, они здорово скучают в этой дыре и будут только рады поселиться в одной комнате и поболтать по душам, — ухмыльнулся киммериец. — Пожалуй, я подброшу им эту мысль.

— Ну-у... — начал было Мораддин, но его стремительный друг уже взбегал по немилосердно скрипящей лестнице наверх, где ничего не подозревавшие жрец и торговец еще наслаждались скромным отдыхом. Вскоре там раздался грохот, что-то разбилось и пару раз кто-то позвал на помощь. Мораддин бросил извиняющийся взгляд на тавернщика, но тот даже с некоторым интересом прислушивался к происходящему наверху.

— Они с радостью согласились пожить вместе, — сообщил Конан спускаясь. — Я даже помог купцу перенести вещи. — Конан дружески хлопнул хозяина по мясистому плечу. — Теперь у тебя две свободные комнаты и ты можешь сдать их нам.

Конан возвращался в наилучшем расположении духа. Все устроилось замечательно: они с Ильмой будут ночевать в соседних комнатах. Осталось только спровадить куда-нибудь Мораддина или Рингу, а также отделаться от девчонки, и тогда...

Внезапно гном ощутимо ткнул варвара в бок, заставив того остановиться. Сквозь неплотно

пригнанные доски ограды, окружавшей постоялый двор, было видно, как какие-то подозрительные люди, загнав в угол перепуганных караванщиков и местных служителей закона, шныряют повсюду с явным намерением кого-то найти.

— Что-то случилось, пока нас не было,— встревоженно сказал Мораддин.

— Сам вижу,— пробурчал Конан.— Интересно, кого они ищут. Не нас ли?

— Я бы не удивился,— со вздохом проговорил туранец, уже привыкший к тому, что с Конаном всегда надо ожидать худшего, и внимательно оглядел двор.

— Их двенадцать человек. Все вооружены,— подсчитал Мораддин.— Правда, они пока никого не убили... Подожди-ка здесь, я подберусь к воротам и попробую разузнать, что там происходит. Может, все еще и обойдется.

Туранец удалился, ступая мягко, точно кошка, а Конан, привалившись плечом к забору, принялся наблюдать. Вдруг послышался женский визг, и киммериец увидел Ильму, которую бесцеремонно тащил за собой один из незнакомцев. Другой нес ее маленькую дочку.

Конан нахмурился. Он так славно все устроил, раздобыл две комнаты, а теперь девушку, ради свидания с которой все и затевалось, уводят у него прямо из-под носа! Зря он, что ли, так старался, перепугал ни в чем не повинного старика-жреца и маленького, полунищего торговца? Конан почувствовал, что в его душе закипает гнев на этих невесть откуда взявшихся чужаков, кото-

рые решили расстроить его намечавшееся любовное приключение. Появление Ринги, вступившей в беседу с рыжеусым надменным мужчиной, повидимому главарем этих людей, несколько не утешило Конана. Кто знает, какие коварные замыслы лелеет рабирийка в отношении соперницы!

— Пока там Мораддин вынюхивает да разузнает, я, пожалуй, останусь без девушки,— пробормотал киммериец.

С оглушительным гиканьем он перемахнул через деревянный забор, едва не повалив его, и в несколько прыжков оказался посреди врагов. Кажется, Ринга что-то кричала ему, но киммерийцу было некогда прислушиваться. Свалив ударом меча одного из оторопевших похитителей и кулаком разбив переносицу другому, Конан схватил взвизгнувшую Ильму за руку и поволок ее за собой к лошадям. Девушка вырывалась и что-то кричала. До Конана не сразу дошло, что она зовет своего ребенка.

— Кром! Чуть не забыл!

Отпустив Ильму, Конан бросился к человеку, державшему Нию. Тот в растерянности топтался на месте, не зная, что ему делать — увозить девочку или помочь своим соратникам в схватке с варваром. Конан разрешил его сомнения, нанеся противнику точный удар в челюсть и выхватив из обмякших рук непривычно тихую Нию. Выполнив задуманное, Конан готов был отступить, но ему не позволили. Оправившиеся от первого потрясения чужаки уже выхватили из ножен оружие и стягивались кольцом вокруг киммерийца.

Правда, их было всего семеро, но они считали, что этого достаточно, и Конан был склонен с ними согласиться.

— Стой здесь! — Он поставил девочку на землю и прижался спиной к росшему посередине двора раскидистому дереву.

Взревев, дабы поднять боевой дух, киммериец обрушил меч на первого, кто осмелился сделать выпад в его сторону. Противник парировал удар, но его клинок переломился у эфеса, и, пока враг с удивлением рассматривал зажатую в ладони филигранную рукоять, Конан беспрепятственно отправил его на встречу с Нергалом. Остальные шестеро были более осторожны и кружили возле киммерийца, точно собаки возле медведя, ожидая, когда варвар ослабит бдительность и можно будет нанести удар. Конан уже решил было начать атаку, когда позади одного из его противников зловеще блеснуло узкое лезвие. Парень даже не успел ничего понять, как присоединился к своему неудачливому товарищу. Пятеро оставшихся обернулись, но Мораддин нанес очередной неметный удар, и их стало на одного меньше.

— Конан, бери ребенка и беги к лошадям!

Не заставив себя долго упрашивать и зная, что гном способен постоять за себя, киммериец подхватил Нию, послушно стоявшую все на том же месте, и помчался к коновязи, где Ринга торопливо отвязывала их скакунов, а очень бледная Ильма нервно всхлипывала. Подсадив немедийку на лошадь и вручив ей ребенка, Конан вскочил на коня и, взяв в руку повод лошади Мораддина,

галопом пронесся через двор к тому месту, где гном сражался с наседавшими врагами. Ловко отбив удар, туранец быстро взобрался в седло, и вся четверка устремилась к распахнутым воротам.

— Ведьма, ты мне за это заплатишь! — с ненавистью крикнул вслед удалявшимся путникам рыжеусый, благоразумно воздержавшийся от участия в драке.

Хотя всадников никто не преследовал, они остановили коней, лишь отъехав на порядочное расстояние от Эдеса. Конан открыл было рот, чтобы задать вопрос, но натолкнулся на яростный взгляд желто-карих глаз рабирийки.

— Ты, проклятый варвар, недоумок, глупец! — зашипела Ринга, и на ее скулах вспыхнули алые пятна. — Тебе бы только мечом махать! Зачем ты влез в это дело?!

— Попридержи язык! Пользуешься тем, что я не дерусь с женщинами. Но для тебя готов сделать исключение! — Конан не на шутку разозлился.

— Я еще слишком вежлива с тобой! Ты заслуживаешь словечек и похлеще! — гневно закричала девушка. — Ты хоть иногда думаешь головой, прежде чем лезть в драку? Ты все испортил!

— Испортил?! Я рисковал жизнью, чтобы спасти вас, и в ответ слышу только брань и упрёки! — возмутился киммериец. — И что, интересно, я испортил? Или ты хотела, чтобы эти ублюдки забрали Илью с ребенком?

— Ах, так ты нас спас? Может, тебе сначала стоило бы поинтересоваться, грозит ли нам что-

нибудь? — насмешливо произнесла Ринга. — Я поговорила с предводителем этого отряда, который оказался моим старым знакомым, и он согласился отпустить Ильму и девочку. Мы могли совершенно спокойно ехать куда нам заблагорассудится, пока ты не вмешался, Нергал тебя заberi! — Девушка сердито взглянула на Конана. — Теперь, когда вы без всякой причины напали и убили нескольких немедийцев, нас могут обвинить в убийстве и казнить на одной из площадей Бельверуса! И попутал же меня демон связаться с такими недоумками! — с отчаянием воскликнула Ринга.

— Откуда мне было знать, что среди твоих знакомых встречаются даже разбойники и похитители людей! — раздраженно бросил киммериец. — Да и что ты так взвилась? Ну, обвинят в убийстве, и что с того? Если бы я каждый раз терял сон, когда лишу кого-то жизни или когда на меня выточит зуб местная стража, я бы уже давно не мог спать спокойно! Но как видишь, пока все обходится.

— Когда-нибудь не обойдется, — мрачно пообещала Ринга. — Я поспособствую!

— Послушайте, не ссорьтесь, — примирительно заговорил Мораддин. — Конан действительно хотел как лучше. Не его вина, что он немного поторопился...

— Немного! — скривила узкие губы Ринга.

— Мне вот что интересно, — продолжал гном. — Кто были эти люди, и зачем они охотились за госпожой Ильмой? — Туранец вопросительно по-

смотрел на немедийку, прижимавшую к себе ребенка.

Та бросила взгляд на Рингу и растерянно улыбнулась.

— Это люди ее отца, — пояснила рабирийка. — Он ищет свою дочь с внучкой... Ильма, ты не против, если я расскажу? — спросила Ринга и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Обычная история. Отец решил выдать замуж дочь, не считаясь с ее чувствами. Просьбы и слезы не помогли, и тогда она задумала бежать к родственникам в Коф, чтобы ненавистный брак не состоялся. В горах нанятых ею слуг перебили люди, посланные стариком по следу дочери, и Ильма не знала, что делать. Так получилось, что я знакома с ее отцом, да и ее видела несколько раз на придворных балах...

Тут Ильма хихикнула, но, смутившись, опустила голову.

— В Шусфе мы с ней узнали друг друга, и я решила помочь девушке, — закончила Ринга.

— Почему же мы везем госпожу Ильму обратно в Бельверус? — удивился Мораддин. — Разумней было бы помочь ей добраться до Кофа...

— Я знаю, что делаю, месьор, — важно произнесла рабирийка. — Я сумею спрятать Ильму в Бельверусе так, что даже отец не найдет ее. А потом, глядишь, все уладится, и не придется ехать в далекий Коф.

— Ну и правильно, — одобрил Конан, подумав, что старик, решивший приискать строгого мужа для бойкой дочки, которая прижила на стороне ребенка, в чем-то прав.

Мораддин задумчиво покачал головой, но если у гнома и возникли какие-то сомнения, он ни словом о них не обмолвился.

— Ну так что, в Бельверус? — нетерпеливо спросил киммериец.

Ринга ожгла варвара сердитым взглядом и вонзила шпоры в бока лошади.

Глава третья

Бельверус, крепкостенный и многолюдный! Не одну сотню лет лелеешь ты корону Немедии и внушаешь трепет и друзьям, и врагам силой и грозностью своей. Суровы Немедийские горы, и суров облик твой, город, построенный из серого гранита и белого мрамора!

Впрочем, столь цветисто обратиться к столице Немедии мог только путешественник из стран Восхода, обладающий поэтическими наклонностями и сытым желудком. Сами немедийцы относились к Бельверусу с прохладцей, ибо славился он грязными улицами и ловкими карманниками, а также тем, что там проживают самые спесивые вельможи, самые грубые сборщики налогов и самые дорогие шлюхи во всей Немедии.

Конану ранее доводилось бывать в Бельверусе. Четыре года назад, когда он промышлял контрабандой, его наняли некие высокопоставленные особы, дав ему щекотливое поручение, которое нельзя было доверить законопослушным гражда-

нам. Правда, к его выполнению Конан подошел по-своему, что совсем не оценили наниматели. В итоге расстались они, не испытывая друг к другу дружеских чувств.

— Ох, наконец-то я смогу принять ванну и выспаться в мягкой постели без клопов! — простонала Ринга, когда они миновали ворота города. — Больше всего во время моих заданий меня угнетает жизнь без всяких удобств.

— Я слышал, высокорожденные, если им золотой горшок не подадут, и облегчиться не могут? — насмешливо поинтересовался Конан.

Ильма прыснула в кулачок, а Ринга нахмурилась и бросила на девушку сердитый взгляд.

— Есть вещи, которые неотесанному дикарю вроде тебя не понять, — холодно произнесла рабирийка. — Говорят, варвары и моются-то лишь тогда, когда вынуждены реку вброд переходить.

— Что ж, придется поискать здесь реку, — хмыкнул Конан.

Мораддин вздохнул. Всю долгую дорогу от Дэлирама до Бельверуса Ринга и Конан постоянно старались уязвить друг друга, порой переходя на откровенную ругань, что отнюдь не облегчало жизнь их спутникам.

Гном-полукровка никак не мог понять, каким образом нежные взаимоотношения рабирийки и варвара так быстро переродились во взаимную вражду. Сам туранец нисколько не обиделся на девушку-гуля, которая хитро использовала двух друзей в своих интересах. Видимо, гордость гномов не ранил обман.

— Скоро мы доедем до твоего дома, Ринга? — как ни в чем не бывало спросил Конан. — А то у меня живот подвело, как есть охота. Надеюсь, твой повар прилично готовит?

— Прилично. Только тебя это не касается, — не без злорадства заметила Ринга.

— Это почему? — поднял брови варвар.

— Потому что вы остановитесь на постоялом дворе, — сообщила рабирийка. — Или ты надеялся, что я приглашу вас в гости после того, что вы натворили в Эдесе? Я в Бельверусе на хорошем счету и не хочу иметь неприятностей с законом.

— Вот, значит, как, — зловеще протянул Конан. — Когда тебе это было надо, ты не возражала, чтобы мы шли против закона. А теперь, оказывается, такие разбойники, как мы, недостойны водить компанию с честной дамой! Да уважай я закон, ты бы и сейчас сидела в той клетке! Оттуда я тебя вытащил не так давно, чтобы ты уже забыла об этом!

— Не сердись, Конан, ты не так понял Рингу. — Мораддин положил руку на плечо друга. — В Эдесе мы действительно погорячились, и теперь нам лучше затаиться и не привлекать к себе внимания. Двое таких бродяг, как мы с тобой, в квартале знати будут выделяться, как ястребы в курятнике. Следовательно, лучше нам устроиться на постоялом дворе, среди обычных людей.

— Это я и имела в виду, — согласилась Ринга. — А на будущее, Конан, когда тебе захочется подражаться, сначала сосчитай до десяти и подумай, нужно ли это... А, вот здесь вы и поселитесь!

Постоялый двор назывался очень необычно: «Королевский плот». Говорили, что хозяин, движимый верноподданническими чувствами, соби­рался назвать свое заведение «Королевский оплот», да ему не разрешили, ибо королевским оплотом является доблестная немедийская гвардия, а никак не грязная таверна. Но вывеска была уже готова, и владелец постоялого двора, чтобы не заказывать новую, просто стер в надписи одну букву, изменив название на вполне невинное, хотя и бессмысленное.

— Мой дом находится отсюда довольно близко, и я могу быстро найти вас в случае необходимости и при этом не видаться с тобой слишком часто, Конан,— сообщила Ринга.— Ну, вы пока отдыхайте, а мы с Ильмой поехали...

— Как с Ильмой? — заволновался киммериец.— Ты собираешься забрать ее с собой?

— Не беспокойся. Я знаю несколько надежных мест, где можно спрятать ее и ребенка,— ответила Ринга и повернулась к девушке.

Ильма покорно наклонила голову, но украдкой бросила из-под темных ресниц призывный взгляд на варвара. Это вдохновило киммерийца, и он поспешил воспротивиться замыслу рабирийки.

— Послушай, Ринга, так ли ты уверена в надежности этих мест? — убедительно заговорил Конан.— По-моему, самое безопасное место — там, где есть два таких добрых меча, как мой и Мораддинов. Никто не будет искать знатную даму на дешевом постоялом дворе, а если и попытается, мы доходчиво объясним соглядатаю, что он ошибся.

Ринга на несколько мгновений задумалась, сдвинув тонкие, изящно выгнутые брови, и наконец кивнула:

— Хорошо, пусть Ильма и девочка остаются с вами. Но вы отвечаете за них головой! — Ринга твердо взглянула в глаза варвара и гнома.

— Не тревожься, женщина,— поморщился Конан.— С нами она будет в полной безопасности. Тебе ли об этом не знать. Как за крепостной стеной.

— Во всякой стене есть ворота,— туманно ответила Ринга и, кивнув на прощание, подхлестнула свою усталую лошадь.

— О Иштар, какая спесь! — развела руками Ильма, когда рабирийка отъехала на порядочное расстояние.— Даже королева Рэлея держится гораздо скромнее.

— Ты знакома с королевой Немедии? — удивился Мораддин.

— Да, и очень близко,— не без гордости сообщила девушка.— Она очень благородная и добрая дама, всегда приветливая даже со слугами. Однажды она подарила мне свое платье...— Ильма внезапно вспыхнула и замолчала, поймав испытующий взгляд слегка раскосых глаз Мораддина.

— Что, твой старик и нарядов тебе не покупал? — добродушно усмехнулся Конан.— Ничего, вот дадут мне обещанную награду, пойдем с тобой в лавку, выберешь любое платье!

Ильма ответила варвару признательной многообещающей улыбкой, и Конан погрузился в приятные мечты, поэтому договариваться с хозя-

ином «Королевского плота» о комнатах и обеде пришлось не столь охочему до плотских утех и до отвращения вежливому Мораддину.

Ильма осталась в своей комнате укладывать усталую и потому раскапризничавшуюся Нию, а Конан и Мораддин спустились в общий зал. На хозяина постоянного двора гном произвел неизгладимое впечатление, усилившееся после знакомства с его мышью, поэтому обед был обильный и вкусный.

В дальнем углу зала небольшая компания азартно резалась в кости, оттуда доносились радостные выкрики вперемешку с ругательствами. Насытившийся Конан все чаще поглядывал в ту сторону, побрякивая истощившимся за время пути кошельком. Перехватив направленный на игроков взгляд киммерийца, Мораддин привычно вздохнул и принялся подсчитывать, сколько дней они смогут продержаться вдвоем на его деньги. Но судьба, явившаяся в виде обтрепанного однорукого нищего, который просил милостыню у посетителей «Королевского плота», спасла друзей от разорения.

— Конан! — вдруг радостно воскликнул нищий, приближаясь к столику варвара и гнома. — Снова в наши края? Давно о тебе здесь не слыхивали!

Киммериец уставился на калеку непонимающим взглядом.

— Не узнаешь? — догадался нищий. — Я же Недотепа Берт. У Карелы работал, неужели не помнишь?

Лицо Конана выразило попеременно напряженную работу мысли, попытку вспомнить и, наконец, радость узнавания.

— Недотепа! — заорал варвар, заставив обернуться к ним всех сидящих в зале. — Ну конечно! Мог заговорить зубы любому стражнику, пока ребята перетаскивали товар... Правда, тогда у тебя были обе руки.

— Увы, да, — вздохнул Берт, вытянув обмотанную тряпками культю. — Во время одного дельца мне не повезло. Пришлось уйти из шайки и заняться более спокойным ремеслом. — Недотепа одернул пыльную хламиду и церемонно сообщил: — Теперь я состою в гильдии нищих Бельверуса.

— Неплохо, — одобрил Конан.

— Да, место денежное, — подтвердил Берт. — А ты чем занимаешься?

— Да тем, что подвернется, — честно ответил варвар. — Познакомься, это мой друг Мораддин, сын Гроина, из Турана. Весьма достойный человек, в гвардии Владыки Илдиза служил. — Конан похлопал по плечу гнома, скорбно взиравшего на очередного подозрительного друга киммерийца.

— Друзья Конана — мои друзья, — торжественно провозгласил Берт. — Запомни, Мораддин, если что — обращай к нам. Помощь всего Сообщества обещать не могу, но мои друзья всегда тебя поддержат.

— Очень любезно с твоей стороны, — выдавил туранец, которому физиономия нищего живо напомнила его недавнее ремесло надзирателя.

— Конан, а помнишь Карелу? Вот девка была! И, не в обиду тебе будь сказано, не слишком тебя жаловала,— доверительно произнес Недотепа.

— Да и я ее тоже,— прорывал варвар.— В делах она толк знала, но слишком много о себе мнила, а это могло привести к большим неприятностям.

— И привело,— кивнул Берт.— Угрозило ее перейти дорогу Большому Эрдеку. А он парень горячий. И неприятностей от него столько имеешь, сколько сотня стражников за год не доставит. Пришлось сворачивать дела.— Недотепа выразительно развел руками.— Хотя мы ее предупреждали...

— Женщину предупреждать бесполезно, пока сама не нарвется,— хмыкнул Конан.— А помнишь, Берт...

И приятели погрузились в воспоминания, от которых за лигу пахло разбоем, контрабандой и прочими противными закону приключениями. Мораддин рассеянно поглаживал выползшую на его плечо мышь и вспоминал сытую и спокойную жизнь на рудниках.

— Знаешь, Конан, дела наши в последнее время не очень,— неожиданно посетовал Недотепа.

— Это почему? — поинтересовался варвар.

— Да в Бельверусе что-то странное происходит,— принялся охотно объяснять Берт.— Тюрмы переполнены; казни, почитай, каждый день; на главные посты Немедии поставили каких-то безвестных людишек. Даже военачальника Хертена, которого народ так любил, обвинили в изме-

не и прилюдно голову снесли... Ну, и все в том же духе.

— Похоже на то, что творилось в Турае,— со знанием дела сказал Мораддин.— Владыка Илдиз тоже так иногда поступал. После раскрытия заговора или поражения в войне.

— Вот-вот,— закивал Берт.— Но у нас-то войны не было, да и в заговор с трудом верится. Все вроде нормально шло, а тут король Нимед направо и налево своих самых преданных людей в чем попало обвинять начал. И пошло... Теперь любого по доносу схватить могут как заговорщика — и поминай как звали. Ну, народ и забеспокоился. Боятся люди... А раз боятся — подают нам меньше. Мы ведь от перемен в политике тоже зависим,— вздохнул Недотепа.— А недавно, представьте, королеву в темницу заточили! Нимед, понятно, ей всегда изменял, но чтоб жену да в Каземат — это слишком! Объявлено было, что она хотела мужа отравить и сама на трон усесться. Только кто в это поверит? Королева Рэлея — тихая да скромная женщина, нищим всегда щедро подавала. Такая худого не замыслит.

— А может, ваш Нимед... того? — Конан выразительно постукал себя по голове.— С правителями это нередко бывает.

— Да непохоже,— пожал плечами Берт.— Он тут на днях с речью к народу обращался, призвал его быть верным короне и искоренять мятежников — так вроде такой же, как и раньше, совершенно нормальный. Правда, он всегда мастак говорить был, а в этот раз все мямлил да

мьялся. Ну это и понятно. Несладко ему, когда сын помер.

— Как умер? — удивился Мораддин.

— А вот так! — развел руками Недотепа. — Уже всем объявили и траурные ленты во дворце развесили. Говорят, заговорщики из клана королевы отравили наследника. Да только зачем? А я вот что думаю. — Берт перешел на доверительный шепот: — Небось парнишка от простуды какой скончался: без матери-то кто за ним последит? А король наш под это дело неуютных-то и уберет! Ох, чую, будет еще казней в Бельверусе... — покачал головой бывший разбойник.

Заказав вина, Конан остался обсудить со старым товарищем былые подвиги, а Мораддин поднялся наверх. Проходя мимо комнаты Ильмы, гном, словно повинувшись внезапной мысли, подошел к двери и осторожно постучал. Никто не отозвался. Мораддин толкнул дверь, и она с тихим скрипом отворилась. Девушки в комнате не было, лишь на столе горела толстая восковая свеча в дешевом подсвечнике.

— Ильма, ты идешь? — раздался с кровати сонный детский голос. — Ильма, мне холодно! И вообще, мне надоело путешествовать! Когда мы вернемся к маме?

Мораддин тихо притворил дверь и, кивнув сам себе, неспешно зашагал к своей комнате.

* * *

Три дня Конан и Мораддин безвылазно просидели в «Королевском плоте», охраняя Ильму и де-

вочку. На второй день явилась Ринга, сообщила, что была в Вертрауэне с докладом о происшедших в Дэлираме событиях, и там действия девушки-гуля и ее помощников всемерно одобрили. Потом рабирийка туманно намекнула на ожидающую их большую честь и уехала. Конан, радостно потирая руки, принялся прикидывать размер предполагаемой награды, намереваясь в счет нее сыграть несколько партий в кости с завсегдатаями «Королевского плота». А Мораддин задумался, почему это у Ринги такой усталый и озабоченный вид и какую новую интригу затеяла неугомонная рабирийка.

Утром четвертого дня, когда Конан, позевывая от скуки, вгонял свой магический кинжал в порядком уже истыканную столешницу, а гном ползал по полу, катая на спине визжавшую от восторга Нию, дверь их комнаты распахнулась.

— Собирайтесь скорее, мы едем во дворец! — скомандовала Ринга.

Конан поднял голову и оторопел. Он привык видеть Рингу в простом платице или в мужском дорожном костюме, а теперь девушка-гуль предстала перед ним в немыслимо дорогом придворном наряде. Тяжелое платье из роскошной аквилонской парчи, вышитой вручную знаменитыми шамарскими швеями, сияло золотыми нитями и самоцветами; в такт дыханию переливалось алмазное ожерелье, при виде которого у любого во-ра загорелись бы глаза; высокую затейливую прическу украшал оправленный в золото гребень из панциря черепахи. Все это превратило искатель-

ницу приключений из Дэлирама в величественную королеву. Конан покосился на Мораддина и испытал облегчение, увидев, что тот потрясен не меньше.

— Поторопитесь, во дворце ждать не любят, — сказала Ринга и, насладившись произведенным впечатлением, кокетливо наклонила голову, отчего тяжелые алмазные серьги в ее ушах качнулись и брызнули ослепительными искрами.

— А с кем мы будем встречаться во дворце? — спросил гном и поднялся с пола, невзирая на решительные протесты Нии.

— Нас удостоит аудиенции король Немедии! — торжественно сообщила Ринга и, покосившись на Конана, добавила: — Так что кое-кому неплохо хотя бы вымыться и причесаться.

Заехав по пути в дом Ринги и оставив там Ильму с ребенком под присмотром дюжих привратников, что показалось Конану совершенно излишним, они втроем проследовали во дворец немедийских правителей.

Суровый каменный замок когда-то был центром небольшой крепости Бельверус, призванной защищать подходы к плодородным долинам, если враг сумеет прорваться через перевалы Немедийских гор. Королевские мастера старались всю, отделявая внутренние помещения дворца по последней моде и пытаясь сделать большие мрачные залы роскошными, а комнаты — уютными, но старый замок сопротивлялся этому, как покрытый шрамами седой вояка, на которого пытаются натянуть шитый золотом яркий камзол лакея.

Зодчие давно предлагали Нимеду пристроить ко дворцу новое крыло, более удобное и современное, как это сделал отец нынешнего короля Зингары, но Нимед не соглашался. «Народ не будет уважать правителей, которые из страха перед сквозняками отказались от традиции предков», — гордо говорил молодой король. Ну, традиции традициями, а вечный насморк обитателей дворца давно уже вошел в поговорку у жителей столицы.

Затянутые в мундиры стражники распахнули перед каретой Ринги дворцовые ворота. Длинная, усаженная причудливо подстриженными деревьями аллея вела к парадному входу в замок, который мрачной громадой возвышался над ухоженным парком. Стараясь хоть немного скрасить суровость древнего строения, придворные садовники разбили вокруг множество ярких цветников и понатыкали затейливых фонтанчиков. По дорожкам гуляли разряженные вельможи и дамы, и привыкшая к хмурым воинам крепость недоуменно прислушивалась к взрывам легкомысленного смеха. Впрочем, сейчас смех звучал приглушенно: при дворе был траур по скончавшемуся маленькому принцу.

Вывалившись из кареты, Конан прежде всего принялся разминать затекшие в тесноте ноги, которые всю дорогу варвар поджимал под себя из опасения испачкать платье рабирийки. Ринга, ожидавшая, что киммериец поможет ей выйти, застыла с протянутой рукой и растерянным лицом. Положение спас Морадин, быстро выскочивший вслед за другом и подавший руку девушке.

— Ну ты и варвар! — возмущенно сказала Ринга Конану. — Тебя опасно даже пускать в королевские покои.

— И не пускайте, — согласился киммериец. — У меня свои будут. Мне предсказали, что я стану королем.

— И ты в это веришь? — удивилась девушка.

— Мало ли что может случиться в жизни, — пожал плечами Конан.

По широкой каменной парадной лестнице Ринга и ее спутники поднялись на второй этаж, где у огромных украшенных гербом королевского рода дверей застыли высоченные гвардейцы с непроницаемыми лицами. Конан решительно шагнул в ту сторону.

— Не сюда, — остановила его Ринга. — Нас примут в другом месте.

— Поскромнее? А то слишком много чести? — усмехнулся варвар, но девушка просто подтолкнула его в направлении уходящего вбок коридора, вход в который охраняли каменные статуи каких-то воинов, выражением лиц удивительно похожие на солдат у дверей.

Пройдя по коридору несколько шагов, Ринга остановилась у задрапированной двери. Возле нее кроме гвардейцев, казавшихся родными братьями тех, предыдущих, стоял бледный вельможа с завитыми длинными волосами.

— Ах, госпожа Ринга! Его Величество сейчас занят, тебе придется подождать, — томно протянул он и окинул взглядом ее спутников, задержавшись на Конане. — А кто это с тобой?

— Мои друзья, месьор Юлих, — высокомерно ответила девушка. — Его Величество знает о них и сам пожелал видеть этих людей.

— Как Его Величеству будет угодно, я лишь спросил. — Юлих замолчал и поднес к носу тонкий кружевной платочек.

Ринга со скучающим видом отвернулась к окну, составленному из цветных стекол, Мораддин стал рассматривать мозаичную картину на потолке, а Конан привалился плечом к витой полуколонне, выступавшей из стены. Юлих, потеряв платком нос, принялся в упор рассматривать киммерийца. Сначала Конан не обращал на него внимания, но вскоре ему это надоело и он грозно взглянул на вельможу.

— Ах, что за суровость! — восхитился Юлих и танцующей походкой направился к варвару. Подойдя, он прикоснулся тонким пальцем к бугрившимся под тканью куртки мускулам киммерийца: — Какая сила! — Он улыбнулся. — Ты не здешний?

— Из Киммерии, — буркнул варвар.

— Ах, как интересно! — Юлих подался вперед, обдав Конана ароматом благовоний. — У вас на родине, кажется, очень жарко?

— Просто пекло, — заверил Конан и на всякий случай отошел подальше.

Разочарованный вельможа вздохнул и повернулся к неподвижным гвардейцам.

Неожиданно дверь королевских покоев отворилась и оттуда вышла заплаканная дама в накинутом на голову темном шарфе — знаке скорби. Натолкнувшись на Юлиха, который брезгливо от-

страгивая, женщина пошатнулась и, всхлипывая, побрела по коридору.

— Госпожа Тана,— окликнула женщину Ринга и участливо спросила: — Что случилось?

— Ах, милая Ринга, ты не представляешь.— Слезы градом катились по лицу госпожи Таны, смывая пудру и румяна.— Три дня назад казнили моего мужа, — преданнейшего королю человека — ты же знаешь! А теперь забрали сына. Сей-тор никогда не занимался политикой, он простой воин! Я на коленях умоляла короля поверить мне и отпустить сына, но Его Величество отказал мне. Завтра моему мальчику отрубят голову на площади Трех Ворот!.. — Женщина зарыдала в голос.— О Митра, что же происходит?!

Ринга хотела было что-то сказать, но от двери раздался тягучий, как патока, голос Юлиха:

— Его Величество ожидает госпожу Рингу и ее спутников!

Ринга торопливо и слегка смущенно погладила Тану по рукаву платья и, расправив плечи, стремительной походкой вошла в королевские покои. Мораддин и Конан последовали за ней.

Тщательно отделанная и ставшая оттого уютной комната предназначалась, по-видимому, для частных бесед правителя с придворными. Стены были завешаны ткаными гобеленами — эта мода пришла недавно из соседней Аквилонии. С потолка на витом шнуре спускалась люстра, украшенная выточенными из горного хрусталя подвесками, которые блестели в пламени ароматных свечей, словно капельки росы. На низком моза-

ичном столике стояли графин с вином и фигурная серебряная ваза с фруктами. В широком мягком кресле с удобной высокой спинкой сидел король и, слегка прищурившись, разглядывал вошедших. Позади него возвышались двое вельмож, у ног на скамеечке притулился карлик с огромной головой и печальными глазами.

Нимед был молод, но уже имел репутацию сильного и умного правителя. Король Аквилонии Вилер как-то заметил, что, имея он такого сына, как Нимед, ему было бы легче умирать. При этом Вилер с отвращением взглянул на своего молодого племянника Нумедидеса, наследника трона, чьи способности внушали дядюшке серьезные опасения за судьбу Аквилонии.

Ринга, Конан и Мораддин поклонились.

— Приветствую тебя, госпожа Ринга, и вас, месьоры,— любезно сказал король.— Мне доложили, что вы оказали большую услугу Немедии, помешав негодяям-торговцам ввозить к нам ядовитый порошок лотоса. Заморийские власти никогда не были способны навести у себя порядок, и этим приходится заниматься нашим подданным, что они делают просто блестяще.

Ринга вновь поклонилась, Мораддин незаметно толкнул Конана, который, засмотревшись на вытканную на гобелене картину весьма фривольного содержания, перестал следить за речью короля.

— Впрочем, госпожа Ринга, кажется, не раз уже справлялась с самыми сложными заданиями,— продолжил Нимед.— Просто не верится,

что такая молодая и прелестная девушка оказала столько неоценимых услуг нашему королевству... Месьор Трент!

Король обернулся к одному из ведьмож и сделал знак рукой. Тот выступил вперед и торжественно открыл небольшой бронзовый ларчик. Там, на бархатной белой подушечке, лежала подвеска — огромный алый рубин, оправленный в золото и обрамленный маленькими блестящими самоцветами.

— Орден Чести даруется мужчинам, но мы решили сделать исключение, — проговорил Нимед. — Твои заслуги, госпожа Ринга, требуют достойного вознаграждения.

Король поднялся с кресла, вынул из ларца орден-подвеску и, подойдя к Ринге, самолично подал его девушке.

Конан взглянул на рабирийку. Лицо девушки гуля выразило изумление, потом растерянность, но Ринга быстро взяла себя в руки и смиренно произнесла:

— Получая столь высокую награду из твоих рук, мой король, я осознаю, как много мне еще предстоит совершить, чтобы оправдать такую милость.

Нимед вежливо улыбнулся девушке и перевел взгляд на ее друзей.

— Из доклада госпожи Ринги явствует, что без вашей помощи она не справилась бы, — сказал король. — Я рад познакомиться с людьми, так самоотверженно защищавшими интересы Немедии, не будучи на королевской службе... Откуда вы

родом, уважаемые месьоры? — любезно спросил Нимед, взглянув на гнома.

— Морадин, сын Гроина, из Турана, если угодно Вашему Величеству, — представился спутник Конана. — Сотник гвардии Владыки Илдиза... В отставке.

— Султанапурский правитель умеет подбирать людей, — кивнул Нимед и без особого интереса спросил: — А почему ты оставил службу, месьор Морадин?

— Семейные обстоятельства, Ваше Величество, — ответил полукровка.

Король перевел взгляд на варвара.

— Конан из Киммерии, — сказал тот и, подумав, добавил: — Наемник.

Нимед пошевелил губами, придумывая для Конана какой-нибудь вопрос, однако, так и не придумав, снова уселся в кресло и произнес:

— Хотя вы и не являетесь подданными немедийской короны, но вы славно послужили ей и имеете право на награду. Что бы вы хотели получить из моих рук, месьоры?

У Конана загорелись глаза, и он открыл было рот, но Морадин быстро и незаметно наступил ему на ногу и, поклонившись, проговорил:

— Мы помогали госпоже Ринге не из расчета на награду, а из любви к порядку и справедливости. Все, что преподнесет нам Его Величество, будет для нас величайшей милостью.

Взгляд киммерийца выразил большое разочарование. Король кивнул и сделал знак второму вельможе. Тот вынес два парадных меча в кожа-

ных ножнах, рукояти которых были украшены серебряной насечкой, а на конце набалдашников переливались вправленные в металл изумруды. Мораддин с поклоном принял клинок, и Конан был вынужден сделать то же самое.

— Надеюсь, эти мечи в ваших руках еще послужат славе Немедии, месьюры,— произнес король слова, положенные по ритуалу, и добавил: — А это вам на расходы. Думаю, в дороге уважаемые месьюры поиздержались.

Все тот же вельможа протянул Конану и Мораддину кожаные мешочки с королевским вензелем, в которых что-то многообещающе позвякивало.

— Благодарю всех за честную службу,— сказал Нимед, и в его голосе явственно слышалось нетерпение.

Ринга, Конан и Мораддин в последний раз поклонились и быстро покинули королевские покои.

— Ну и зачем мне эта игрушка? Этим прутиком даже драться толком нельзя! — раздраженно воскликнул Конан, выйдя из дворца. — Мораддин, что за чушь ты нес перед королем? Надо было денег попросить или поместье, на худой конец.

— Никто бы тебе поместье не дал,— спокойно ответил гном. — То, что король Нимед сказал о награде, просто ритуальная фраза. Я и ответил как положено.

— Нергал вас всех заберите с вашими ритуалами,— буркнул варвар. — Ничего по-простому сделать не могут, ни наградить, ни наказать по-

человечески — И, открыв врученный кошелек, киммериец принялся изучать его содержимое.

Ринга молча шла впереди к своей карете, бездумно теребя в руках громадный орден. Внезапно она остановилась, обернулась к Конану и Мораддину и медленно произнесла:

— Можете считать, что я сошла с ума, но человек, с которым мы разговаривали,— не король Нимед!

* * *

— То есть как не Нимед?! — опешил Конан. — Его же называли «Ваше Величество»! И потом, вы ведь с ним давно знакомы. Неужто ты сразу не могла сообразить?

— Ты не понял. Этот человек выглядит в точности как король Нимед, но это не он! — Ринга с несчастным видом взглянула на своих друзей. — Я и сама не понимаю, как такое может быть.

— Тогда ты действительно сошла с ума,— сочувственно вздохнул киммериец.

— Что ты имеешь в виду, Ринга? Объясни,— попросил Мораддин.

— Понимаете, я знаю Нимеда еще с пеленок, он сидел у меня на коленях, когда мы с его отцом обсуждали дела,— горячо заговорила раб-рийка. — Я была на его коронации и сопровождала его невесту к алтарю. Можно считать, что мы с Нимедом друзья, если вообще можно назвать короля другом: Мне знакомы его излюбленные фразы, его манера взмахивать правой рукой, его смех, его привычка морщить лоб и грызть ногти.

Человек же, который давал нам аудиенцию, ведет себя совсем иначе. Он, безусловно, пытается подражать ему, и довольно умело, но близких людей этим не проведешь. А то, как он разговаривал со мной, только укрепило мои подозрения. Нимед прекрасно осведомлен, что я не человек, знает мой возраст и мог восхититься моей молодостью лишь в шутку. Он никогда не стал бы держаться со мною так официально. Он вообще не слишком церемонится в близком кругу. К тому же наш король еще по-юношески любознателен, и он обязательно расспросил бы нас обо всех подробностях заварушки в Дэлираме. А этот человек с трудом выдавил из себя пару замечаний!

— Да, интересно,— пробормотал Мораддин.— Но, может, король Нимед изменился за последнее время? Я слышал, у него несчастье. Умер сын...

— Умер сын? — Ринга странно посмотрела на гнома.— Конечно, горе меняет человека, но настолько? И потом, есть еще кое-что, изумившее и насторожившее меня больше всего.— Девушка нервно сцепила руки.— Дело в том, что король Нимед уже награждал меня Орденом Чести! Это было года два назад. Тогда возникли некоторые разногласия с Офиром, и я... Впрочем, неважно. Я, правда, не носила его на балах и приемах: он такой аляповатый и совсем не идет к моим платьям. Но не мог же король забыть об этом награждении!

— Если бы это был не Нимед, неужели остальные придворные не заметили бы подмены? — резонно возразил Конан.— Хотя бы королева!

— Королева в тюрьме,— напомнила Ринга.— К тому же в Немедии последнее время творятся странные дела. В Вертрауэне все вверх дном. Кого-то казнили, кто-то бежал, остальные стремятся убедить друг друга, что они всемерно верны короне. Повсюду доносы и страх. Короля Нимеда никто не назвал бы мягким правителем, но вести себя в собственной стране, точно в завоеванной непокорной провинции...— Рабирийка покачала головой.— Это на него не похоже. И эта странная история с заговором королевы и смертью наследника...

— Как бы то ни было, Нимед там сидел или не Нимед, но нас он наградил, и мы можем ехать восвояси,— хмыкнул Конан, пряча мешочек с монетами.

— Мы должны разобраться, что здесь произошло,— убежденно сказала Ринга.— Я чувствую чей-то темный замысел, направленный против Немедии.

— Вот и разбирайся,— посоветовал киммериец.— У тебя здесь дом, положение при дворе, деньги. Есть ради чего стараться. А мы уже однажды помогли Немедии и получили лишь никчемную железку да горсть монет. Впредь будем умнее.

— Но это же не охота за контрабандистами в захолустном заморийском городишке! — Ринга почти умоляюще взглянула на двух искателей приключений.— Быть может, это самое значительное дело в вашей жизни!

— Конечно. Если за это нам отрубят голову,— презрительно заметил варвар.

— Гибнут невинные люди! Кто-то ведь должен это остановить! — воскликнула девушка. — Я не могу обещать большую награду, но не все же измеряется деньгами, в конце концов!

Конан лишь пожал плечами, не желая вступать в бесполезный спор. Ему доставляло удовольствие в общении с Рингой изображать из себя корыстного наемника, искателя приключений, которого в жизни не интересует ничего, кроме золота и выпивки. Это не имело ничего общего с действительностью. Варвар никогда не отказывался от вина, любил пожить на широкую ногу, но мог бы с легкостью обойтись без всего этого. А уж менее всего он ценил деньги! Честь, дружба, верность — таковы были его истинные ценности, впитанные с молоком матери. Однако если надменной рабрийке хочется считать его тупым, бесчувственным грабителем, — дело ее. Он, Конан, не собирался лезть из кожи вон, чтобы ее разубедить.

— Я с тобой, Ринга, — вдруг сказал Мораддин со свойственным ему ледяным спокойствием. — Можешь рассчитывать на меня во всем. Я не уеду, пока мы не распутаем это дело или не убедимся, что с вашим королем все в порядке.

Конан с подозрением уставился на друга, а Ринга в порыве благодарных чувств кинулась гному на шею и запечатлела на его губах горячий поцелуй, вызвав на смуглых щеках неустрашимого туранца слабый румянец.

— Но, Мораддин... — с нажимом начал киммериец. Однако бывший воин Илдиза перебил его.

— Я сказал, — холодно и твердо произнес он, и Конан замолчал, понимая, что переубедить принявшего решение туранца невозможно.

— Что ж, тогда я, пожалуй, тоже могу повременить с отъездом, — небрежно проговорил киммериец, помахивая врученным ему мечом. — Ведь влипнете тут без меня в какие-нибудь неприятности, это уж наверняка. Да и интересно, что здесь случилось, в вашей Немедии...

— Вот и славно, — как ни в чем не бывало сказала Ринга. — Я тут поговорила кое с кем и выяснила, что весь этот кошмар с заговорами и казнями начался примерно три седмицы назад. А перед этим король куда-то уезжал дня на два, никого не оповещая, даже советников. После чего все и изменилось. Думаю, надо начинать с этого происхождения.

— И как же мы узнаем, куда он уезжал? — поинтересовался Конан. — Может, вернемся во дворец и спросим его самого?

— Плоха была бы тайная служба Лаварона, если б там не знали, куда ездит их король, — усмехнулась девушка. — А я, как никак, там не последнее лицо...

— Я смотрю, у вас в Немедии и чихнуть лишний раз нельзя, чтобы об этом не стало известно в Вертрауэне, — пробормотал варвар.

— И куда же ездил король? — вернулся к теме разговора Мораддин.

— К даме сердца, — ответила Ринга и по-матерински улыбнулась. — Молодой он еще, наш государь... Насколько мне известно, последняя его

любовница — некая девица Эле, родом из Офира. Король подарил ей небольшой домик близ Бельверуса, где и происходят их свидания. Нимед старается скрывать свои сердечные связи, но мыто прекрасно о них осведомлены.

— А королева знает? — поинтересовался Конан.

— Да, но что она может поделывать? — развела руками девушка. — Именно поэтому я до сих пор и не вышла замуж. Лучше вовремя бросить мужчину, чем видеть, как он тебе изменяет.

— Я сильно сочувствую мужчине, который решился бы тебе изменить, — пробормотал Конан.

— И как же мы поступим теперь? — вновь напомнил о деле Мораддин.

— Отправимся к милейшей Эле и выьем из нее все, что она знает, — жестко ответила Ринга, и ее маленькие острые зубки блеснули в недоброй улыбке.

* * *

Конан, Ринга и Мораддин выехали из Бельверуса около полудня. Ровная, хорошо наезженная дорога пролегла по берегу небольшой чистой речки, берущей свое начало в Немедийских горах. Их покрытые лесом вершины темнели на фоне ослепительно синего неба и казались совсем близкими.

По обеим берегам реки утопали в садах загородные дома знати и богатых горожан. Путников то и дело обгоняли повозки, влекомые сытыми холеными лошадьми. По реке на плоскодонных лодочках катались дамы, прикрываясь от солнца

разноцветными накидками. Из-за высоких каменных оград доносились хохот и музыка: утомившиеся от дел хозяева и гости отдыхали и развлекались. Здесь почти не встречались крестьяне или простые бельверусцы: все в этом месте принадлежало избранным.

Домик королевской возлюбленной находился в стороне от дороги, почти скрытый от назойливых глаз тенистой рощей. Сам дом был небольшой, хотя и уютный с виду, зато окружающая его каменная стена и крепкие ворота ясно говорили: здесь не любят незваных гостей. Из сада доносилось негромкое журчание фонтана, где-то тоненько таякала собачонка — других звуков Конан и его спутники не слышали.

— Ну что, полезли? — Киммериец привычным взглядом окинул стену в поисках выбоин.

— Еще не хватало! — возмутилась Ринга. — Я, как никак, имею отношение к тайной службе, а это кое-что значит даже для любовницы короля.

Спешившись, Ринга подошла к воротам и решительно постучала по ним кулачком. Не дождавшись ответа, девушка вновь постучала, на этот раз каблуком своих высоких сапог для верховой езды, однако результат был тот же. Подошел Конан, загрохотал по воротам рукоятью меча — не потому, что надеялся на ответ, а так, для порядка. Обитатели дома упорно не отзывались.

— Похоже, никого нет, — сказал Мораддин.

— Не может быть! — удивленно пробормотала рабирийка. — Даже если сама Эле уехала, остались бы слуги...

— Придется приехать еще раз,— развел руками гном.

— Ну вот еще! — Киммериец привычным жестом засунул меч в заплечные ножны. — Тащить-ся по такой жаре и ничего не узнать? Вы как хотите, а я полез. Глядишь, найду что-нибудь интересное.

С этими словами варвар разбежался, подпрыгнул и повис на руках, уцепившись за верх ограды. Конан подтянулся, перемахнул через стену и скрылся из виду. Вскоре треск кустов возвестил о благополучном приземлении варвара по ту сторону ограды.

Ринга и Мораддин переглянулись.

— Твоего приятеля просто невозможно научить осторожности,— сердито сказала девушка и добавила: — Хотя иногда он бывает прав.

— Эй, вы еще здесь? — раздался приглушенный голос Конана. — Я нашел в саду два свежих трупа. Открыть вам ворота. Или вы предпочитаете через стену?

— Нашел время для шуток! — раздраженно фыркнула Ринга. — Открывай немедленно!

Послышался грохот отодвигаемого засова, и ворота распахнулись.

Привязав лошадей, Ринга и Мораддин вошли в сад, где их поджидал Конан.

Первый труп они увидели сразу. Немолодая женщина, одетая как служанка, лежала навзничь на посыпанной гравием дорожке. Похоже, она пыталась убежать, но арбалетный болт настиг ее у самых ворот.

— Я обошел весь сад, он небольшой,— заговорил киммериец. — Там, за домом, есть потайная калитка. Сейчас она распахнута, и неподалеку лежит второй мертвец, судя по всему, садовник или конюх.

Мораддин наклонился над женщиной.

— Труп еще не успел окоченеть,— пробормотал он. — Убийцы могут быть где-то рядом.

— Во всяком случае, в саду их нет,— уточнил Конан. — Правда, я слышал отдаленное ржание коней где-то в роще, за калиткой.

Только сейчас Ринга заметила, что варвар держит в руках меч.

— Думаю, надо зайти в дом,— решила девушка. — Хотя, боюсь, нас уже опередили...

Входная дверь была полуоткрыта, около нее жалобно тявкала маленькая пушистая собачонка с алым шелковым бантом на шее. Конан, Мораддин и Ринга осторожно вошли в дом и наткнулись на третью жертву. Тело молодой девушки перегораживало ведущую наверх лестницу. На светлом платье напротив сердца расплылось алое пятно.

— Знатоки своего дела, заberi их Нергал,— пробормотал Конан.

— Это Эле? — негромко спросил Мораддин.

— По-моему, нет. Служанка, наверно,— шепотом отозвалась Ринга.

Внезапно тишину прорезал женский визг, доносившийся из верхних покоев. Не стовариваясь, Конан и Мораддин помчались по широкой деревянной лестнице наверх. Пробежав через анфила-

ду комнат, друзья ворвались в небольшую уютную спальню. Широкая кровать под балдахинном, тяжелые шторы, создающие приятный полумрак даже в полдень, ароматические курильницы и висевшие на стенах гобелены соответствующего содержания не оставляли сомнения, что эта комната предназначена для более приятного времяпрепровождения, чем сон.

За роскошной кроватью пряталась молодая женщина, которая от ужаса визжала не переставая. В дрожащей руке она сжимала бронзовый подсвечник, но было ясно, что это оружие ей не слишком поможет в борьбе с ее противниками. На нее не торопясь наступали двое мужчин с обнаженными кинжалами; третий, с арбалетом на боку, со скучающим видом стоял поодаль, разглядывая рисунок на большой фарфоровой вазе.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, — покачал головой Мораддин, и его меч со свистом вонзился в бок мужчины с кинжалом. — Как нехорошо обижать женщин, — продолжил гном и, уклонившись от брошенного в него ножа, вспорол живот второму незнакомцу.

Конан тем временем схватился с арбалетчиком, который успел вытащить из ножен меч. Оружием тот владел мастерски, и, когда первое изумление прошло, вокруг Конана заплесало отточенное лезвие, отбить которое было не так-то просто.

Мораддин мягким движением опустил клинок в ножны и подошел к бледной от страха женщине. Та неуверенно занесла над головой подсвечник, плохо соображая, что делает.

— Не бойся, госпожа. Мы не причиним тебе вреда, — спокойно сказал Мораддин, и женщина, всхлипнув, выронила свое оружие.

Позади них раздался грохот — это Конан своротил тяжелый столик с нефритовой столешницей, уклоняясь от удара противника.

— Ты госпожа Эле, так? — уточнил гном, окинув быстрым взглядом возлюбленную короля.

Она была невысока, полновата, светлые волосы обрамляли простое лицо заурядной горожанки, а серые глаза под белесыми бровями говорили, скорее, о доброте и покорности, чем об уме или хитрости.

— Да, — бесцветным голосом ответила женщина, бездумно теребя трясущимися пальцами оборку на лифе платья.

В дальнем углу комнаты что-то разбилось — это Конан швырнул в своего врага так понравившуюся тому фарфоровую вазу, но промахнулся.

— Я Мораддин из Турана, — представился гном. — Мы приехали сюда, чтобы кое о чем тебя расспросить, и, кажется, успели вовремя. Хотя твоим слугам повезло меньше.

— Значит, они убили и Кэрин? — прошептала Эле и прижала ладони к задрожавшим губам. — Бедная девочка. Она так и не вернулась в свою Бритунию...

Послышалось невнятное проклятие незнакомца — он запутался в тяжелой гардине.

Воспользовавшись этим, Конан прыгнул вперед, намереваясь прикончить врага, но тот ловко перекатился по полу, успев разрубить мечом ме-

шавшую ему ткань, и лезвие варвара ударило в пол.

В комнату стремительной походкой вошла Ринга и, бросив взгляд сначала на трупы, потом на сражающихся, подошла к Мораддину и его собеседнице.

— Успели — это хорошо, — проговорила девушка, и непонятно было, похвала это или просто мысль вслух. — Тебе повезло, Эле. Благодарю этих двух месьюров.

Из глаз Эле потекли слезы. Она благодарно посмотрела на Мораддина и обернулась в сторону Конана, который, сжав зубы, отводил от себя меч противника.

— Спасибо, месьюры, — послушно сказала женщина, вытирая слезы.

— Не за что, — прохрипел Конан, отбрасывая назад смертоносное лезвие.

— Я из тайной службы короля, мое имя Ринга, графиня Эрде, — сообщила рабирийка. — Я хочу кое о чем расспросить тебя, Эле. Ты должна все честно нам рассказать — ради нашего повелителя.

— С ним что-то случилось? — встрепелась Эле. — Он не приезжал ко мне так давно... Я не знаю, что и думать.

— Возможно, с ним действительно что-то случилось... — начала Ринга, но тут сзади вновь раздался грохот.

Это незнакомец задел мечом небольшой ореховый комод, и с него посыпались серебряные статуэтки. Одна из них подкатилась под ноги Конану,

тот наступил на нее, поскользнулся и от души выругался.

— Здесь совершенно невозможно разговаривать на важные темы, — поморщилась Ринга и крикнула варвару: — Ты что, до сих пор не можешь с ним справиться?

— Молчи, женщина, чтоб тебя забрал Сет! — яростно воскликнул Конан и со злостью обрушил меч на противника.

Тот не ожидал столь бешеной атаки и, не сумев отбить удар, рухнул на пол с развороченной грудью, забрызгав кровью затянутые светлой тканью стены. Эле взвизгнула и закрыла лицо руками.

— Совершенно незачем было его убивать! — укоризненно сказала Ринга. — Теперь мы не сможем узнать, кто их послал.

Словно не слыша ее, Конан вытер пот со лба и обернулся к Мораддину:

— Слушай, приятель, будь ты неладен, не мог помочь, что ли?

— Зачем? — искренне удивился туранец. — Настоящий воин обидится, если ему придут на помощь в схватке с единственным противником.

— Думаю, я бы как-нибудь стерпел эту обиду, — пробормотал варвар, проклиная про себя глупые правила воинов Илдиза.

Покровительственно полюбив потрясенную Эле, Ринга увела ее в соседнюю комнату и усадила в кресло.

Мораддин занял второе кресло, а Конан пристроился прямо на большом обеденном дубовом

столе, положив рядом так хорошо послуживший ему сегодня меч.

— Эле, тебя пытались убить, — без обиняков начала Ринга, и женщина вздрогнула. — Думаю, это связано с нашим делом... Ты знаешь этих людей? — Она кивнула на дверь спальни.

— Нет, — замотала головой Эле. — Даже не знаю, как они пробрались сюда. Я вышивала, а Кэрин повела гулять Туми, когда в саду послышался крик Бреты — это наша домоправительница. Я подошла к окну, спросила, что случилось, но мне никто не ответил. — Женщина зябко повела плечами. — Потом я услышала тяжелые шаги и мужские голоса и страшно испугалась. А они даже не торопились. Знали, что мне некуда убежать. Как я благодарна Митре, что он направил сюда вас! — В серых глазах возлюбленной короля вновь заблестели слезы.

— Проникнуть в твой дом не так уж и сложно, — пожала плечами рабирийка. — К тому же он находится на отшибе, и глаз соседей можно не опасаться.

— Но я никому не причиняла вреда! Зачем кому-то нужна моя смерть? — в отчаянии воскликнула Эле и шепотом добавила: — Неужели мне решила отомстить королева?..

— Королеве сейчас не до тебя, — невесело усмехнулась Ринга. — Король заточил ее в Каземат.

— Не может быть! — ахнула Эле, схватившись за щеки.

— Раньше я сказала бы то же самое. — Ринга задумчиво постучала длинными острыми ногтя-

ми по подлокотнику кресла. — Эле, как давно ты виделась с Его Величеством?

— Почти полную луну назад, — вздохнула женщина. — С тех пор он не приезжал ко мне, а я даже написать ему не решаюсь... Наверно, король обиделся на меня за то, что я устроила ему здесь встречу с тем вельможей. Его Величество всегда говорил, будто приезжает сюда отдыхать, а не заниматься делами, а тут...

— Какую встречу? — насторожилась рабирийка. — С кем?

— Я... Я не знаю, — растерялась Эле. — Он сказал, что его имя не имеет значения, что в интересах безопасности... Но я лишь хотела помочь королю! — Женщина умоляюще посмотрела на девушку-гуля, словно пытаясь оправдаться за былую доверчивость.

— Эле, расскажи все по порядку, — терпеливо попросила Ринга.

— Чуть больше луны назад, когда я ожидала приезда короля, — Эле слегка покраснела, что вызвало у Ринги усмешку, — сюда прибыл какой-то человек и просил принять его. Я очень удивилась — ведь ко мне никто не ездит, но он сообщил, что речь идет о жизни Его Величества, и я сразу согласилась поговорить с ним.

— Как он выглядел? — прервала подругу короля рабирийка.

Эле наморщила лоб:

— Ну, у него темные волосы, бороды нет. — Женщина сделала неопределенный жест. — Высокий такой, в плаще.

— Ясно,— вздохнула Ринга.— Рассказывай дальше.

— Этот человек сказал, что королю угрожает большая опасность. Я толком не поняла, кажется, какой-то заговор.— Эле обвела виноватым взглядом слушавших ее Рингу, Конана и Мораддина.— Он так запутанно говорил, а я простая женщина, всяким премудростям не обучена... Этот вельможа попросил сообщить, когда король приедет ко мне, чтобы он смог у меня поговорить с Его Величеством и предупредить о заговоре. Он специально для этого и слугу своего здесь оставил, чтоб я через него подала весть о прибытии короля. И когда Нимед... то есть наш король мне письмо прислал, что на днях будет, я тотчас этого слугу и отправила с поручением к тому месьору.

— Эле, неужели ты веришь всему, что тебе говорят? — не вытерпела Ринга.— Зачем этому месьору тайно поджидать короля у тебя, рискуя навлечь на себя гнев Нимеда, вместо того чтобы просто обратиться к нему во дворце? Об этом ты не подумала?

— Я... Я думала... Мне казалось... — залепетала Эле, но по ее расстроенному лицу было видно, что она много не думала, а просто делала то, что ей говорил незнакомый мужчина, ради спасения ее любимого.

— Ну, и что дальше? — смягчившись, спросила Ринга.

— Тот вельможа тотчас приехал, с ним было еще трое друзей. Они ждали до вечера, пока не появился король.— Эле невольно вздохнула.— Я ему все рассказала, он меня начал ругать, как и

вы, но я так умоляла его поговорить с ними, что он согласился. Они проговорили до полуночи, а потом те четверо вышли и сказали, будто Его Величество предупрежден о заговоре, но сейчас он утомился, и чтоб я ему не мешала отдыхать.

— Великий Митра, и ты не проверила, все ли хорошо с Нимедом?! — всплеснула руками Ринга.

— Нет, я вошла в спальню — они там беседовали.— Эле указала на дверь.— Однако король действительно спал как младенец. А утром он проснулся такой холодный и чужой, даже ласкового слова мне не сказал. Так и уехал,— грустно закончила женщина.

— А тот вельможа с друзьями? — поинтересовался Конан.

— Они еще ночью уехали, даже рассвета ждать не стали.— Эле робко посмотрела на Рингу, которая, очевидно, внушала ей наибольшее почтение.— Но ведь эти люди ничего с королем не сделали!

— Как знать,— весело проговорила рабирийка и мягкой походкой прошла по комнате.

— Король ездит к тебе без охраны, госпожа? — внезапно спросил Мораддин.

— Конечно, с охраной,— удивилась Эле.— В саду для них есть домик, там они и ожидают.

— Так-так,— покивал гном.— В саду, значит... Если б эти люди захотели убить короля, они могли бы спокойно это сделать в доме. Но они не захотели...

— Как выглядели остальные трое, тоже не помнишь? — без особой надежды поинтересовалась Ринга.

— Да я их и не разглядывала,— жалобно сказала Эле.— Обычные люди, молодые, одеты хорошо.

— А никто из них не прятал лицо? Под плащом, например? — снова задал вопрос Мораддин.

— Не помню. Кажется, нет. А зачем? — просто душно удивилась Эле.

— Действительно незачем. Знали, с кем дело имеют,— проворчала Ринга.— Это все, что ты знаешь, Эле?

— Да,— виновато отозвалась возлюбленная короля.— Я ведь живу здесь совсем одна, даже новостей последних не знаю. Поехала я было в Бельверус на днях — а под моей каретой мост через овраг рухнул. Я вместе с Кэрин пешком шла, потому и жива осталась, а возница наш насмерть разбился. Я так испугалась, что больше и не ездила никуда. А еще пожар у нас начался недавно. Хорошо, Берн вовремя заметил и потушить успел. И чем я Митру прогневила, что на меня столько бед валится? — Эле совсем по-детски всхлипнула.

— Боюсь, госпожа, что прогневила ты не Митру, а вполне обычных людей,— заметил Мораддин.— То, что ты знаешь, для них опасно, поэтому и пожар, и мост, и эти приятные месьюры с кинжалами.

— Но я ничего не знаю! — воскликнула Эле.

— Эти люди считают иначе,— пожал плечами гном.

Ринга, на мгновение остановившись перед висевшим на стене большим серебряным зеркалом, поправила уложенные в виде короны косы и обернулась к мужчинам.

— Думаю, больше здесь мы ничего не выясним,— заметила она.— Можно возвращаться в город.

— Отлично! — обрадовался заскучавший было Конан.

— А я? Что мне делать? — взмолилась Эле.— Я боюсь здесь оставаться!

— Я бы на твоём месте, дорогая, уехала отсюда как можно скорее.— Ринга изящным движением смахнула с рукава невидимую соринку и направилась к лестнице.

— Но куда же мне ехать? — растерялась женщина.— И потом, Его Величество...

— Я бы не рассчитывала на короля, особенно сейчас,— усмехнулась рабирийка.— И поезжай куда угодно, лишь бы подальше от Бельверуса, а лучше — от самой Немедии. Деньги есть? А драгоценности? Вот и отлично.

* * *

Покинув плачущую и суетливо собиравшуюся в дорогу Эле, Ринга, Конан и Мораддин двинулись в обратный путь. Последние лучи солнца еще золотили вершины Немедийских гор, а в долинах уже наступили сумерки. В окнах загородных домов зажглись огоньки, неподалеку шумела почти неразличимая в полутьме река. Путники подгоняли лошадей, торопясь вернуться в столицу, пока не закрыли городские ворота.

— Узнали мы немного, но то, что узнали, весьма любопытно,— задумчиво проговорил Мораддин.

— И что король нашел в этой женщине? — надменно произнесла Ринга. — Променять умницу и красавицу королеву на какую-то набитую дуру!

— В наше время, увы, ум и доброта редко ходят вместе, — печально улыбнулся гном.

Ринга невольно покраснела и торопливо заговорила:

— Впрочем, это неважно. Теперь о деле. Думаю, те четверо имели прямое отношение к перемене, происшедшей с королем. История с мнимым заговором годна лишь на то, чтобы обмануть такую простушку, как Эле. Она даже не догадалась подслушать, о чем говорили король и незнакомцы! — Девушка досадливо поморщилась.

— Но что же они сделали с Нимедом? — подал голос Конан. — Может, опоили чем?

— Это только тебя можно напоить, причем без особого труда, — вяло съязвила Ринга.

— Знаете, когда я был молод и в гвардии Илдиза считался всего лишь новобранцем, — неторопливо начал Мораддин, — учил меня владению метательными звездочками один седой уже воин. А говорили про него, что он знатного рода, чуть ли не родич Владыки, и мы удивлялись, почему в таком случае прозябает он на должности джабуба — наставника безусых юнцов. И однажды, выпив крепкого керзаза, поведал он мне, что в молодости участвовал в заговоре против отца аграпурского повелителя. Заговор, конечно, раскрыли, и мой наставник, едва избежав позорной смерти на колу, был вынужден всю жизнь вла-

чить существование простого воина, хотя по своему рождению мог бы командовать армией. А заговор задуман был хитро. — Гном значительно посмотрел на заинтересовавшихся его рассказом Рингу и Конана. — У тогдашнего правителя был большой гарем и много детей, и один из его сыновей очень уж походил на принца-наследника, поскольку рождены они были от двух сестер, только одна была старшей женой Владыки, а другая — лишь наложницей. И заговорщики хотели тайно заменить законного наследника его двойником-братом, а потом Владыку отравить. Тогда на престоле оказался бы человек, связанный с ними одной тайной и потому послушный их воле. — Мораддин замолчал, давая слушателям осмыслить историю.

— Но единственный брат Нимеда умер еще в младенчестве, — задумчиво протянула Ринга. — И не всегда братья бывают так похожи, что их трудно различить.

— Я знал таких умельцев, что могут сделать из одного человека другого — да так, что самые близкие родичи не узнают, — вмешался Конан. — Очень удобно, когда тебя ищут стражники или осерчавшие дружки.

— Вот-вот, — кивнул гном. — Заговорщики могли увезти из дома Эле настоящего короля, оставив вместо него двойника, который теперь и правит Немедией. Потому и королева в тюрьме — чтобы не почувствовала подмены. И князь приближенных Нимеда для того, чтобы освободить их места для участников заговора.

— Да, но кто это сделал? — воскликнула девушка. — Кто были те люди, что приезжали к Эле?

— Я тут перед уходом пошарил за пазухой у этих парней, — признался Конан. — Думал, мало ли, драгоценности у них есть или золото. Им оно без надобности, а нам пригодится. И вот что у одного нашел. — Варвар протянул Ринге свиток в кожаном футляре.

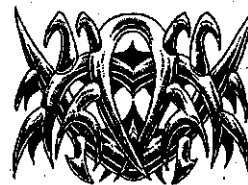
Девушка нетерпеливо открыла футляр и пробежала глазами бумагу.

— Грабитель с большой дороги, — ласково произнесла она и вслух прочитала: — «Удостоверяю, что предъявитель сего документа действует с согласия Его Величества короля Нимеда и для блага Немедии». Это значит, что владеющий этой бумагой может делать все что угодно, а если ты попытаешься его остановить, то будешь считаться государственным изменником, — пояснила рабирийка. — Но самое главное — здесь стоит подпись! Вот, пожалуйста: «Советник Его Величества Эрих, барон Вольденский». — Ринга хмыкнула. — Что-то не припомню я такого. Вот с этим скороспелым советником мы и побеседуем в ближайшее время. — Девушка одарила киммерийца благосклонным взглядом: — Нет, Конан, от тебя действительно порой бывает польза!

— Покорно благодарю, — буркнул варвар. — Я-то думал, ты способна сказать хорошее только о мертвеце.

Глава четвертая

у, крошка, наконец-то мы одни! Конан довольно потер руки. Сидящая рядом Ильма, опустив ресницы, жеманно заулыбалась.

Все предыдущие дни были наполнены бурными поисками загадочного барона Вольденского. Их возглавляла неутомимая Ринга, и проводились они, по мнению Конана, с излишней суетой и торопливостью. Попытавшись разузнать об этом человеке через налаженную сеть осведомителей Вертраузна, девушка заметила, что там начинают проявлять к ее деятельности подозрительный интерес. В былые времена Ринге было достаточно погрозить тонким пальчиком, чтобы напуганные служаки мигом оставили ее в покое. Но в наступившие для Немедии смутные дни, когда головы летели с плеч без всякого повода, приходилось соблюдать осторожность.

Подумав, рабирийка решила не пользоваться своим положением, а действовать самостоятельно, точнее, с помощью находившихся под рукой

Конана и Мораддина. Варвару и гному приходилось с утра до ночи метаться по Бельверусу, расспрашивая всяких лавочников, слуг и прочих люд и стараясь при этом, по выражению Ринги, «не возбуждать подозрений». Конану весьма претило это занятие, и он норовил отсидеться в какой-нибудь полутемной уютной таверне, вынуждая тем самым приятеля вести поиски самостоятельно.

И в конце концов Мораддину повезло: на базаре он разговорился с весьма бойкой молодой особой, которая, как оказалось, служила в доме того самого барона, о чем она почти сразу сообщила туранцу. Обходительный гном-полукровка произвел на девушку такое впечатление, что она поведала ему историю своей простой жизни, а задом и все, что знала о своем хозяине. Оказалось, месьор Эрих титул получил совсем недавно, и луны еще не прошло, а до этого он был лишь младшим сыном в семье, в незапамятные времена утратившей и деньги, и положение, и даже на плохонькое поместье папаши рассчитывать не мог. Жил месьор Эрих в столице давно, надеясь сделать карьеру при дворе, да все как-то не выходило. А тут — такая неожиданная удача! Девушка восторженно рассказала Мораддину, какой дорогой особняк купил ее хозяин, сколько новых слуг нанял и какая теперь у него великолепная карета, запряженная четверкой белых лошадей, — специально из Зингары выписывали! А в королевском дворце он теперь бывает, почитай, каждый день, и состоит в близких друзьях Его Величества. И какие он устраивает балы!

Закатив глаза, молодая служанка описала туалеты доброй половины тех дам, что бывали в гостях у ее месьора. Мораддин все это терпеливо выслушал, чем окончательно завоевал сердце девушки. Ему даже не пришлось расспрашивать, где находится особняк барона: нежно склонившись к уху Мораддина (ибо девушка была едва ли не на голову выше своего собеседника), служанка сама пригласила туранца в гости, подробно объяснив, как добраться до жилища ее хозяина и где находится ее комната.

Ринга несказанно обрадовалась такой удаче. В ее очаровательной головке тут же возник замысел, как им проникнуть в особняк. Мораддину надлежало оправдать ожидания молодой служанки и заявиться к ней в гости, взяв с собой Рингу и представив ее своей сестрой, которая хотела бы наняться в услужение к месьору Эриху.

— Главное — попасть в дом, а там посмотрим, — говорила рабирийка, тщательно убирая волосы под покрывало, какие носили простые горожанки. — Думаю, случай поговорить с месьором Эрихом представится обязательно. Чтобы вытянуть из него все, что он знает, я могу намекнуть на свою близость к Нимеду — это его удивит, а также на свой высокий пост в Вертрауэне — это его испугает...

— Совершенно ненужные сложности, — проворчал Конан, развалившись на кровати и потягивая отличное вино, которым славился «Королевский плот». — Подкараулить бы вашего барона в темном месте, вытащить из кареты с белыми лошадами, приставить нож к горлу — мигом бы все выложил:

и что знает, и что не знает. Мы бы вопросы задавать не поспевали.

Ринга поморщилась:

— Ты как варваром родился, Конан, так им и останешься. Никакого понятия об интриге! — Девушка вновь повернулась к маленькому зеркальцу, которое со стоическим видом держала перед ней Ильма. — Может, нам удастся подкупить этого человека, и он будет действовать на нашей стороне. Хотя обычно гораздо лучше подкупа действует запугивание. — Ринга нацепила поверх скромного платья дешевые бусы из каких-то камешков и, обернувшись к мужчинам и скромно сложив руки, тихо произнесла: — Прости, месьор... Нашей семье нужен кусок хлеба, и я подумала, что ты согласишься нанять меня... Да, я могу готовить и стирать — все что угодно, месьор...

Куда девалась гордая знатная дама, привыкшая запросто общаться с королем? Перед ними стояла, опустив голову в блеклом покрывале, бедная городская девушка, согласная на любую работу, лишь бы помочь своей большой и вечно голодающей семье. Что ни говори, а умением перевоплощаться за свою долгую бурную жизнь Ринга овладела в совершенстве.

— Просто замечательно, — одобрил Мораддин.

— Очаровательная из тебя служанка получилась, — хмыкнул киммериец.

— Ты, Конан, остаешься охранять Ильму и девочку, — уже обычным, не терпящим возражений тоном сказала Ринга. — Головой за них отвечаешь! Не вздумай пить или уйти играть в кости.

— И не собирался, — пробормотал варвар. — Меня ожидает более приятное занятие. — И он бросил многозначительный взгляд на Ильму, которая в это время жадно примеряла снятые Рингой при переодевании дорогие серьги.

Ринга подошла к Мораддину и взяла его под руку. При том, что коренастый круглолицый туранец совсем не походил на тоненькую изящную девушку-гуля, в них чувствовалось что-то общее: оба казались не теми, кем были на самом деле. У Конана мелькнула мысль, что невозмутимый Мораддин гораздо больше подходит Ринге, чем он сам, и что их короткий роман был обречен с самого начала.

— Ждите нас здесь, — уже на пороге комнаты продолжала раздавать указания Ринга. — На улице не выходите, это опасно для Ильмы. Если ее кто-нибудь узнает — все пропало.

Ильма вздохнула и за спиной Ринги скорчила гримаску, означающую, что ей давно надоело самоуправство рабирийки.

— Не упускай случая, развлекись, если сможешь, — подмигнув, напутствовал друга варвар и напоследок увесисто хлопнул Мораддина по плечу.

И вот теперь тайное желание Конана наконец сбылось: ничто не мешало его маленькому приключению с беглой дочкой немедийского вельможи. Подсев к Ильме, Конан полуобнял ее за плечи и начал нашептывать всякую чушь, на которую обычно падки женщины. Ильма заливалась краской и беспрестанно хихикала, словно не за-

мечая, что правая рука киммерийца уже начала развязывать тесемки на лифе ее платья. Неожиданно Ния, которая до этого, казалось, спала, свернувшись клубочком на широкой кровати, приподнялась на локотке и мрачно взглянула на шушукающуюся парочку.

— Я хочу есть! — заявило белокурое создание, одарив слегка смутившегося Конана враждебным взглядом.

— Ах, Ния, мы же недавно обедали! — недовольно воскликнула Ильма, оправляя одежду и отодвигаясь от варвара.

— Ну и что! — заупрямилась девочка. — А я еще хочу! Будешь плохо за мной ухаживать, я папе пожалуюсь!

Ильма вздохнула и принялась раздраженно натягивать на Нию платице. Девочка победно посмотрела на Конана и показала ему язык. Это окончательно разозлило киммерийца, чьи планы вот-вот должны были пойти прахом из-за капризного ребенка.

— Ну вот что, — сказал Конан, бесцеремонно схватив девочку под мышки. — Я посажу тебя за стол внизу, в общем зале, закажу тебе чего-нибудь поесть, и ты будешь сидеть там, пока мы с твоей мамой тут поговорим о всяких важных делах. Иначе я запрячу тебя в подвал, где живут огромные крысы, и еду тебе будут спускать на веревке. Понятно? — Киммериец тряхнул Нию так, что у той клацнули зубы.

— А мой папа... — нерешительно начала девочка, с опаской взглянув на варвара.

— А твой папа мне только спасибо скажет, что я избавил его от такого вредного ребенка. — И киммериец улыбнулся Ние той улыбкой, что обычно предназначалась врагу, которому осталось жить не больше одного удара сердца.

— Подожди, Конан, нельзя оставлять ее там, это опасно! — заговорила Ильма, схватив варвара за локоть.

— Да что ей сделается! — небрежно бросил Конан. — Подумаешь, посидит одна чуть-чуть. Ведь ты будешь вести себя хорошо, малышка? — Варвар грозно посмотрел на Нию.

Та побледнела и судорожно кивнула.

— Но... Ринга велела... Мы не можем... — растерянно залепетала Ильма.

Конан поставил Нию на пол и повернулся к девушке:

— В наши нелегкие времена никогда нельзя отказываться от маленького удовольствия, ведь оно может оказаться последним. — И, обняв Ильму, Конан закрыл ей рот долгим поцелуем. Девушка немного посопротивлялась, но вскоре ее руки легли на широкие плечи варвара, а глаза томно закрылись. — Подожди, крошка, я быстро, — заверил киммериец и, подхватив оторопевшую Нию, выскочил в коридор.

...Конан вытянулся на постели, точно умиротворенный сытый лев. Растратив в жарких объятиях кипевшую в нем силу, киммериец чувствовал себя слегка усталым, но вполне довольным. Рядом дремала Ильма, положив руку на смуглую мускулистую грудь варвара. Она оказалась ласко-

вой и покорной, с ней было легко и спокойно, не то что с утонченной непредсказуемой Рингой. Конан вновь вспомнил свой быстротечный роман с рабирийкой и тихонько вздохнул. Что ни говори, а такие девушки, как Ринга, попадаются очень редко, как золотые самородки...

Внезапно в дверь резко и нетерпеливо постучали. Ильма вздрогнула и села на постели, натягивая на голые плечи одеяло.

— Кого там Сет принес? — недовольно пробурчал Конан.

— Открывай немедленно! — раздался в ответ знакомый звонкий голос.

— Помяни демона к ночи — он и появится... — поморщился киммериец.

Пока Конан натягивал штаны и сапоги, а Ильма торопливо приводила себя в порядок, они выслушали от стоявшей под дверью Ринги немало интересного о них самих, а также о родителях и ближайших родственниках. Наконец киммериец отодвинул засов, и разъяренная до предела рабирийка ворвалась в комнату, точно разгневанная Иштар на оргию святотатцев.

— Чтоб на тебя больше ни одна женщина до конца жизни не взглянула! — яростно выкрикнула она. — Мы влипли в такую проклятую историю, а он только об одном и может думать!

— Не ревнуй, крошка, — усмехнулся киммериец. — Я и подумать не мог, что это тебя так расстроит.

— Расстроит! — сердито бросила рабирийка. — Мне не до твоих шашней со всякими тут... — Де-

вушка бросила уничижительный взгляд на сжавшуюся в уголке Ильму. — У нас большие неприятности, клянусь Митрой! — И устало опустилась на скамью.

— Что случилось? — сдвинул брови Конан.

— Ничего хорошего, — мрачно ответила Ринга. — Та девица провела нас в особняк барона, мы с ней поговорили о том о сем, потом попросили отвести к ее хозяину. Она привела нас к кабинету Эриха. Мы под благовидным предлогом от нее избавились и вошли. А там месьюр барон валяется в луже крови, и из горла кинжал торчит. И кровь еще свежая. — Девушка безнадежно махнула рукой. — Я было кинулась в его бумагах копаться, что на столе лежали, а тут городская стража. Навел кто-то... Меня не тронули, приняли за служанку... Мораддина сразу повязали, да он и сопротивляться не стал, только повторял, что это ошибка...

— Узнаю старого друга, — проворчал Конан. — Теперь небось свою невинность в тюрьме доказывает.

— Похоже на то, — кивнула Ринга. — Неужели за нами следили?! Но я бы заметила соглядатая!

— Может, по вашим следам шла опытная ищейка, вот ты и проглядела, — предположил Конан.

— Я уже добрых шестьдесят лет работаю на тайную службу, так что кое-какой опыт тоже имеется, — холодно проговорила рабирийка.

— Теперь он нам очень пригодится, когда будем этого нелюдя вызволять, — примирительно сказал киммериец.

Ринга начала снимать покрывало, задумчиво оглядывая комнату. Вдруг она вскочила и, в упор посмотрев на Конана, очень тихо спросила:

— Где ребенок?

— А, девочка? — не чувствуя угрозы, беззаботно отозвался варвар. — Так она внизу, ест. Ты ее разве не заметила?

— Внизу? Одна?! — В голосе Ринги прозвучал такой ужас, что с лица Конана сползла ухмылка. — Ты... Вы... — Она задохнулась и бросилась вон из комнаты.

Вскрикнув, Ильма выбежала за ней.

— Что они, с ума посходили? — Конан недоуменно пожал плечами. — Можно подумать, что за этой писклявой девчонкой охотится пол-Немедии.

Через некоторое время девушки вернулись. Не глядя на Конана, Ринга подошла к столу, села на скамью и уткнулась лицом в ладони. Плетущаяся за ней Ильма беспрестанно всхлипывала. Конан понял, что на аресте Морадина их неприятности отнюдь не кончились, а только начались.

— Ринга, я... Я не думала... Ринга, пожалуйста... — лепетала немедийка, покаянно опустив голову.

— Я сама виновата, — глухо сказала рабирийка. — Понадеялась на варвара и дуру-служанку. Доверила им самое ценное, что у нас было и что могло помочь нам распутать весь узел. И они успешно это проморгали. Великий Митра, как я была глупа!

— Что случилось-то? — обратился киммериец к Ильме. — Ребенок исчез?

— Увели. — Губы немедийки плаксиво скривились. — Хозяин постоянного двора сказал, какой-то мужчина поговорил с Нией и увел с собой. Кто это был, он не знает, но, говорит, человек не бедный, сразу видно. — Девушка расплакалась в голос. — Что же мы наделали?!

— Да из-за чего такой переполох? — растерянно спросил Конан. — Найдем мы твою дочку, Ильма. Кому нужна пятилетняя капризная девчонка?

В отчаянии Ринга стукнула кулаком по столу.

— Это не девчонка! — закричала она, яростно глядя на киммерийца. — Это мальчик! И не просто мальчик, заberi тебя Нергал! Это наследник трона, сын короля Нимеда!

— Во имя Крома, неужели трудно было еще в Шусфе все объяснить? — в который раз спрашивал Конан. — Зачем было городить эту дурацкую историю? Сказала бы прямо — это сын Нимеда, так я бы с мальчишки глаз не спускал! А ты опять хотела заставить нас играть вслепую по твоим правилам и перегнула палку. Так что виноваты не только мы с Ильмой. Нельзя вертеть людьми, как тебе заблагорассудится, и думать, что тебе это будет вечно сходиться с рук.

— Может быть, — тусклым голосом согласилась Ринга. — Но за свою долгую жизнь я твердо усвоила одну истину: никому не доверяй, если хочешь чего-нибудь добиться. Люди слабы и могут предать тебя в любой миг. Поэтому, когда в Шусфе я узнала переодетого девочкой маленького прин-

ца, я решила не говорить вам и наскоро сочинила историю с побегом от сурового отца, а Ильме велела подыграть мне. Впрочем, со своей ролью она справлялась из рук вон плохо.— Рабирийка грустно усмехнулась.

— Конечно, откуда мне знать, как должна вести себя дочь богатея? — огрызнулась Ильма. — Да, я служанка, но не чья-нибудь, а самой королевы! Именно мне королева Рэлея, перед тем как оказаться в темнице, доверила увести сына, чтобы спрятать его от сошедшего с ума короля!

— А ты ее доверия не оправдала, — холодно произнесла Ринга, и Ильма съежилась под острым взглядом рабирийки.

— Значит, те парни, что пытались забрать Ильму в Эдесе, вовсе не наемники? — поинтересовался Конан.

— Да, это королевские солдаты, — кивнула рабирийка.

— Твоя истина хороша, Ринга, но невозможно никому не доверять. — Конан покачал головой. — В любом бою кто-то должен прикрывать тебе спину. А в Дэлираме ты могла понять, что на нас с Мораудином можно положиться. Так что тебе следовало сказать нам все.

— Сомневаюсь, чтобы ты отказался от возможности поразвлечься с молодой девицей даже ради сына самого Митры! — Ринга махнула рукой. — Впрочем, что теперь спорить... Сейчас удача не на нашей стороне. Мы почти ничего не узнали, потеряли принца, а Морадин оказался в тюрьме. Думаю, мальчика искать бесполезно: тот, кто его

забрал, наверняка узнал сына Нимеда и теперь или ответит его к королю, или надежно спрячет. Так что займемся вызволением твоего друга. — Желтые глаза рабирийки вновь засверкали.

...Системой правосудия в Немедии гордились, пожалуй, не меньше, чем вышколенностью войска. Когда путешественники из далеких стран повествовали о чудесах и красотах своей родины, местные жители неизменно отвечали: «Зато у нас справедливые суды!» И посрамленный рассказчик замолкал, ибо что значат какие-то диковинки по сравнению с возможностью быть осужденным и повешенным строго в соответствии с законом.

...Не обратив никакого внимания на толпившихся у здания женщин с узелками, Ринга твердой рукой толкнула тяжелую дверь. Конан последовал за ней, хотя бельверусская тюрьма навела на него тяжелую тоску. Впрочем, на киммерийца могла навести тоску любая тюрьма, поскольку в доброй дюжине городов власти имели вполне законное право надолго упрятать его за толстыми стенами.

Строго говоря, бельверусская темница состояла из двух отдельных тюрем. В первой, старом здании из унылого серого камня, построенном в незапамятные времена, содержали обычных воров и убийц до вынесения им приговора, после чего их либо ссылали на рудники в Немедийские горы, либо принародно вешали в особо отведенном для этого месте. Вторая тюрьма представляла собой башню, создатели которой явно находились под впечатлением от знаменитой Железной Баш-

ни, что украшает собой аквилонскую столицу. В городе ее называли Казематом и заключали туда высокопоставленных государственных преступников, обвиненных в измене или просто помешавших кому-то из приближенных короля. Говорили, что в Каземате одни камеры похожи на дворцовые апартаменты, а в других нет даже окна и узник не может выпрямиться в полный рост, что некоторые заключенные находятся в Каземате по тридцать-сорок лет, живые, но забытые всеми, разучившиеся говорить и отвыкшие от дневного света. Пыточными комнатами тюрьмы пугали друг друга бельверусские мальчишки. А сейчас где-то за одним из этих зарешеченных маленьких окон томилась королева Немедии.

В небольшой комнатке, где принимали узников, записывая их имена и распределяя по камерам, назначали довольствие, разрешали свидания и брали еду и одежду, что приносили жены арестантов, кипела бурная деятельность. Здесь же взятых под стражу допрашивали и назначали день суда. Тюремные служащие часто жаловались, что работы у них гораздо больше, чем, например, у писцов тайной службы, а платят им гораздо меньше.

Звонко стуча каблучками по каменному полу, Ринга подошла к сидевшему за столом румяному юноше, который что-то усердно писал в толстой книге.

— Молодой человек, вчера к вам должны были привести мужчину по имени Мораддин, — начала Ринга, небрежно вертя на пальце кольцо с топазом.

Юноша поднял голову и уставился на рабирийку пустым остекленевшим взглядом. Девушка гуль вытащила из висевшего на руке распитого кошелька монету и незаметно уронила ее на раскрытую книгу писца. Его глаза мигом ожили, и на румянном лице появилась приятная улыбка.

— Насчет новеньких — это не ко мне, госпожа, — сказал юноша. — Это к моему начальнику, вон туда. — Он указал на худого бледного мужчину, столь же усердно заполнявшего точно такую же на вид книгу.

Ринга кивнула и направилась к нему. Идущий за ней Конан заглянул было в книгу юноши, чтобы определить, сколько заплатила рабирийка, но листы были уже чистыми, как взгляд молодого писца.

— Мне нужно узнать, не содержится ли у вас человек по имени... — заговорила Ринга, но худой мужчина не обратил на нее ни малейшего внимания.

Девушка вновь вытащила из кошелька монету и положила на стол. Мужчина поднял голову и молча посмотрел на Рингу, словно не замечая подношения. Она достала вторую монету и положила рядом с первой. Монеты мигом исчезли, а мужчина изобразил на лице любезное внимание.

— ...Человек по имени Мораддин, родом из Турана, — закончила Ринга.

Мужчина кивнул и начал листать книгу. Просмотрев несколько листов, он покачал головой:

— Такого к нам не приводили. Может, он назвался другим именем?

— Как же, догадается он,— пробурчал Конан.

— Его взяли под стражу вчера,— настаивала Ринга.— Невысокий такой, с бородкой и залысинами, в черном плаще...

— У него еще мышь с собой была, летучая,— добавил Конан.

— Не помню,— развел руками служащий.— У нас их столько бывает... И с бородами, и с мышами... Всех не упомнишь...

Ринга и Конан разочарованно переглянулись.

— Знаете что, может, его не к нам посадили, а в Каземат? По Каземату у нас записей не ведется. Попробуйте спросить вон у того человека — он там надзирателем служит. Глядишь, и вспомнит вашего приятеля.

Надзиратель, пожилой толстенький месьор, больше походил на повара. К писцам он зашел, по-видимому, просто поболтать. Когда Ринга и Конан подошли к нему, он сразу обернулся, явно радуясь неожиданным собеседникам.

— Погожий сегодня денек, не правда ли? — бодро заговорил он.— Солнышко так и пригревает!

— Да, конечно,— вежливо согласилась Ринга.— Мы бы хотели выяснить...

— Ах, госпожа, какое ладное платье на тебе! — Надзиратель восхищенно поцокал языком.— Это где такие шьют? Я бы дочке заказал, она у меня такая модница.

— Мы ищем человека по имени...— терпеливо продолжила девушка.

— Все сейчас кого-нибудь ищут! — посетовал толстяк.— Вот недавно женщина приходила, так

она сына ищет. А знаете, что он натворил? — Он трагически всплеснул руками.— Забрался в дом одного известного в городе месьора и мало того, что украл все его драгоценности, так еще и успел развлечься с его юной женой, негодник этакий...

Пока толстяк говорил, Ринга достала очередную монету и опустила ее в широкую ладонь надзирателя.

— А вы, значит, кого ищете? — словно невзначай поинтересовался тот.

— Мораддин из Турана,— быстро ответила рабирийка.— Невысокий, с бородкой. Он еще летучую мышь с собой носит.

— А, летучая мышь...— Надзиратель потер свежую царапину на лбу.— Как же, помню такого. Вчера привели. Вежливый такой месьор. Я ему и камеру хорошую подобрал, с видом на горы.

— В чем его обвиняют? — встревоженно спросила Ринга.— Когда будет суд?

— Вот, знаешь, что не люблю, так это бывать на судах,— оживленно заговорил толстяк.— Душно, жарко, мухи жужжат, заключенный ругается...

Ринга сунула ему в руку еще монету, и надзиратель тут же прервал разглагольствование.

— Тех, кто в Каземате сидит, обычно не судят, милочка,— заметил он.— Знать, твой друг не обычный преступник, раз к нам попал. Из Каземата одна дорога — на Серые Равнины.

— Эй, подожди-ка, при чем тут Серые Равнины? — вмешался Конан.— Мораддин же ничего не сделал! Шел к человеку поговорить, а тот мертвым оказался. И за это в башню сажать?!

— О, какой сердитый молодой человек! — обрадовался толстяк. — Ты, позволь спросить, откуда родом? Не из Гандерланда случайно? А то у меня брат туда ездил и...

— Ринга, дай ему еще монету, а не то я засуну ее ему в глотку! — прорычал взбешенный киммериец.

— Слышал я кое-что насчет вашего друга, — заговорил надзиратель, пряча очередное подношение. — Вроде взяли его в доме одного влиятельного вельможи, чуть ли не друга короля. И обвиняют не просто в убийстве, а в заговоре против короны! — Толстяк выразительно развел руками. — Ежели суд и будет, то закрытый. Вы об этом узнаете, только когда вашего Мораддина в черной тележке вместе с палачом на площадь Трех Ворот повезут.

— Эх, Кром! — Конан стиснул кулаки. — Угрозидо же Мораддина, сто демонов ему в печенку!

Нахмурившись, Ринга на мгновение задумалась и обернулась к надзирателю.

— Я слышала, из Каземата года два назад сбежал заключенный, — вкрадчиво сказала она.

— Сбежал? Отсюда? — ужаснулся толстяк, замахав жирными руками. — Этого не может быть!

Ринга небрежно сняла с пальца кольцо и протянула его надзирателю.

— Что ты, такое дорогое... — запротестовал он.

— Твоей дочери, — пояснила рабирийка. — У меня достаточно драгоценностей.

— Достаточно? — Надзиратель бросил на девушку-гуля острый взгляд. — Что ж, приходите ко

мне домой. Я близко отсюда живу, как раз на Улице Узников, спросите там дом Толстяка Серта. Дочка будет рада знакомству с таким молодым человеком. — Второй острый взгляд предназначался Конану. — Заодно и поговорим. Только, госпожа, драгоценностей понадобится ой как много...

* * *

Улица Узников вопреки своему названию оказалась уютной и светлой.

Небольшие разноцветные домики горожан с твердым доходом, окруженные каждый маленьким палисадом, радовали глаз после больших неуклюжих каменных зданий в центре Бельверуса, где не было ни единой травинки, а мусор вываливали прямо на узкие улочки. Жилище тюремщика Серта Ринге и Конану показали сразу. Его дом отличался от соседних тем, что на всех окнах красовались решетки.

— Да у нас недавно новые в камеры ставили, а эти выбросить хотели. Я подумал: чего добру пропадать? Вот и пристроил сюда, — пояснил хозяин, впуская гостей.

Цыкнув на заливавшуюся лаем дворовую собаку, сидевшую на толстой кандалной цепи, Серт провел Рингу и киммерийца в дом. К их немалому удивлению, там был накрыт стол, за которым уже восседал немолодой чернобородый мужчина.

— Это мой друг Ранд, — представил его Серт. — Он в Каземате стражником служит. Зашел вот на огонек... Вы садитесь, не отказывайтесь от скромного угощения, уважьте!

Ринга, собиравшаяся было опуститься на широкую дубовую скамью, внезапно охнула и отпрянула.

— Там кровь! — воскликнула она.

— Да,— расстроенно подтвердил хозяин.— Дочка отмывала-отмывала, да она крепко въелась уже, ничего не сделать. Конечно! Скольких бедолаг на этой скамье пытали! Мы-то привыкли и внимания не обращаем.— Серт суетливо накинул на скамью старый ковер.— Так получше?

Ринга сердито взглянула на услужливого толстяка и, подобрав юбку, уселась за стол. Конан примостился рядом и первым делом потянулся к оловянному кубку, в котором что-то многообещающе плескалось. Взяв кубок в руки, Конан обнаружил на нем клеймо Бельверусской тюрьмы и торопливо, точно обжегшись, поставил обратно.

— Вино не понравилось? — Казалось, хозяин сейчас расплатится.— В Каземате его только самым важным узникам подают! Неужто плохое?

— Забери тебя Сет с твоими штучками! — невнятно пробурчал варвар и вновь взял кубок.

— Ингода, подавай гостям жаркое! — прокричал Серт в глубину дома.

На его зов вышла высокая крепкая светлорылая девушка, держа на вытянутых руках поднос с крупной жареной курицей.

— Моя дочь! — с гордостью сообщил Серт, указывая на девушку.

Ингода поставила жаркое на середину стола и, бросив на Конана и Рингу любопытный взгляд, уселась рядом с отцом.

— Я предлагаю выпить за наших дорогих гостей! — торжественно провозгласил Серт, поднимая кубок с таким же клеймом.

Ранд молча кивнул и залпом выпил вино. Ринга едва пригубила, Конан же нашел напиток совсем неплохим и порадовался за узников Каземата.

— Уважаемый Серт, я бы хотела поговорить о деле,— начала рабирийка, отставив в сторону кубок.

— Так сразу? — огорчился хозяин.— Что же обо мне скажут? Гостей не может уважить, они только о деле и поговорить хотят. Попробуйте сначала хотя бы мясо, дочка сама готовила.— Толстяк торопливо вскочил и принялся нарезать жаркое.— Вот славный кусочек, очень аппетитно выглядит.

Ринга вздохнула и по привычке нетерпеливо забарабанила ногтями по краю тарелки, на которой тоже стояло тюремное клеймо.

— Да ладно, успеем мы с ним, с делом,— согласился Конан и прихватил с подноса едва ли не половину жаркого.

— Тебе лишь бы поесть да выпить,— не глядя на варвара, процедила Ринга.— Твой друг томится в темнице, а ты...

— От того, что я останусь голодным, Морადину легче не будет,— рассудительно заметил Конан и впился зубами в кусок мяса.

— А мне недавно пресмешную байку рассказали,— начал развлекать гостей Серт.— Идут, значит, стражник с заключенным. Заключенный и спрашивает: «Куда, мол, ведешь меня?» Стражник отвечает: «На виселицу».— «Как? — удивляется за-

ключенный.— Меня же только что оправдали!» — «Тем лучше, уйдешь к Нергалу с чистой душой».

Серт оглушительно захохотал и замахал руками, словно приглашая остальных присоединиться к его веселью. Молчаливый Ранд скупой улыбнулся, Ринга раздраженно сверкнула глазами. К смеху хозяина присоединился один лишь Конан.

— А вот еще,— вдохновился хозяин.— Поймали заговорщика и ведут его в пыточную. Он кричит: «Не надо меня пытаться, я все и так расскажу!» А ему: «Конечно расскажешь. Но должен же палач свой хлеб отрабатывать?»

Добродушное веселье тюремщика вновь раздел только Конан.

— А про жену узника историю слышали? — разошелся Серт, обращаясь уже прямо к варвару.— Приходит как-то жена в тюрьму, мужа навестить. А надзиратель ей и говорит...

— Почтенный Серт, мы пришли сюда по делу! — не вытерпела рабирийка.

— Ну, по делу так по делу,— погрузился толстяк.— Я думал, сперва посидим как люди, выпьем, поговорим...

— В другой раз,— пообещала Ринга.

— Как скажете,— развел руками Серт и обратился к Ранду: — Я тебе уже говорил, эти месьюры тревожатся о судьбе нашего заключенного, Мораддина, это который с мышью...

— Что ж, дело обычное,— скучным голосом сказал Ранд.— Сто золотых— и вашего Мораддина не будут пытаться. Триста золотых— побег простой. Тысяча — побег верный.

— Тысяча золотых? — ужаснулся Конан.— Да за такие деньги я вам побег с Серых Равнин устрою!

— То Серые Равнины, а здесь Бельверусская тюрьма! — укорил варвара Серт.

— Самая дешевая услуга — пятьдесят,— пожал плечами Ранд.— За эту плату ваш друг у нас будет как сыр в масле кататься. До самой казни.

— Нет уж, давайте лучше о побеге,— торопливо сказала Ринга.— Расскажите о том, что за триста.

— А, это побег простой,— пояснил Серт.— Я просто забываю закрыть камеру, а дальше — как Митра рассудит. Может, прорвется ваш друг через стражу, может — нет. Ранд в драке участия принимать не будет, скажет потом, что живот село. У стражников это часто бывает: пища-то дурная. Но, кроме Ранда, там пять постов, и в каждом четыре стражника, да еще внизу караулка.

— А оружие-то ему дадут? — поинтересовался Конан.

— А как же! — обрадовался Серт.— Я в рукаве нож пронесу и вручу вашему другу перед побегом.

— Думаю, нам лучше обсудить побег за тысячу,— вздохнула Ринга.

— Ну, это совсем другое дело,— принялся объяснять надзиратель.— Мы с Рандом выводим вашего друга из камеры и сопровождаем до выхода из тюрьмы. С собой имеем заготовленную бумагу, где черным по белому написано, что узника такого-то срочно надлежит переправить в Верт-

рауэн для допроса. Вы ждете нас в условленном месте. Мы приводим вашего друга и передаем вам. Вот и все.

— И за это — тысяча золотых? — возмутился Конан.

— А плата писцу за подделку бумаги? — стал перечислять Серт. — А подачки другим стражникам? А мзда моему напарнику, чтоб в этот день «заболел»? И, главное, нам с Рандом нужны средства, чтобы обустроиться на новом месте. Сами понимаете, в Бельверусе после этого дела нам оставаться нельзя.

— Как же вы раньше обходились? — не утерпел киммериец.

— Так за тысячу побег еще никто не заказывал, — пояснил Серт. — Дорого, не всяк решится.

— Ну так что? — безразлично произнес Ранд. — Надумали что-нибудь? Если да, назначим срок. Если нет — платите двадцать золотых за неразглашение вашей тайны и прощайте.

— Это какой тайны? — изумился Конан.

— А такой, что вы хотите устроить побег государственному преступнику. Вас ведь за это надлежит арестовать и доставить куда следует, — пояснил Ранд и уткнулся в свой кубок.

— Что ожидает нашу страну, если в ней продажны все — от вельможи до последнего стражника? — патетически спросила Ринга.

— Так скажи спасибо, милочка, — весело подмигнул Серт. — А иначе ты бы могла уже нанимать плакальщиц для вашего друга, причем одну для тела, а одну для головы.

— К тому же я далеко не последний стражник в Каземате, — равнодушно добавил Ранд. — Последний как раз и не продается. Кому он нужен-то?

— Ладно, — решила Ринга. — Я вас с Моррадином в это дело втравила, мне и отвечать. Назначай срок.

— Неужто наберешь тысячу золотых? — полюбопытствовал Конан.

— Как-нибудь справлюсь, — с достоинством ответила Ринга.

— Дня через четыре, — поразмыслив, ответил Ранд. — Пока бумагу справим, пока то да се... Шестьсот золотых отдадите завтра, остальные — как получите вашего узника. Видите, все честно.

— Если до завтра денежек собрать не успеешь, можно отложить, пока управишься, — заторопился Серт, умильно глядя на Рингу.

Но девушка решительно махнула рукой:

— Успею. Завтра.

— Вот и ладненько, — забормотал толстяк. — Я дочку за ними пришлю, Ингоду. Ты ей скажешь, куда прийти. Она же и предупредит, когда вам нужно к Каземату прибыть за вашим другом.

— Смотрите, если уговор не выполните и с нашими деньгами удерете, из-под земли достану и кишки на башню Каземата намотаю! — напоследок пригрозил Конан.

— Как можно! — оскорбился Серт. — Мы люди честные, уговор держим... К тому же и мы в вас до конца уверены быть не можем: а вдруг вы остальные деньги не выплатите, когда мы вашего друга вытащим?

— Да вам и шестиста монет за глаза бы хватило,— пробурчал варвар.

— Значит, договорились,— подытожил Ранд, поднимаясь с лавки.— Тогда я пойду. Не надо, чтоб нас вместе видели.

— Таверну «Королевский плот» знаешь? — обратилась Ринга к дочери тюремщика. Та кивнула.— Вот туда и приходи. Спросишь там месьора Конана.— Она показала на киммерийца и пробормотала: — Хотя какой он месьор...

— Я поняла, госпожа,— подала голос Ингода.

Голос у нее оказался мелодичным и нежным. Конан сразу отставил кубок и бросил на девушку заинтересованный взгляд, но, получив под столом увесистый пинок от Ринги, вынужден был вернуться к прерванному занятию.

— А вот я вам напоследок еще смешную байку расскажу,— встрял Серт.— Висит, значит, узник на дыбе. Подходит к нему палач и спрашивает: «Что, мол, не беспокоит ничего?» А тот и отвечает: «Да вот, нос чешется, а почесать-то никак...» — толстяк расхохотался.— Понимаете, да? На дыбе — а у него нос чешется! Ха-ха-ха!

Так, сопровождаемые раскатами добродушного хохота надзирателя, Ринга с Конаном и покинули этот гостеприимный маленький домик.

* * *

Это был обыкновенный дом терпимости, каких немало прячется на узких улочках Бельверуса, да и других городов славной Немедии. Никакой вывески, и лишь повешенный, по немедийскому

обычаю, в окне женский пояс свидетельствовал, что здесь обделенный ласками мужчина за определенную плату может получить эти самые ласки сполна. Ближе к вечеру кольцо в носу железной головы буйвола, что украшала входную дверь, начинало стучать и не умолкало до самого утра.

Внутри тоже все было обычно. Внизу располагалось питейное заведение, где мужчины могли пропустить по чаше вина, чтобы набраться боевого пыла перед сражением на одной из кроватей, что находились наверху. В уголке, на особом возвышении, восседала хозяйка дома, которая бдительно следила за работой своих девочек и скупой улыбалась постоянным клиентам. За стойкой орудовал бутылями с вином ее сын; его жена подносила заказанное гостям, а два маленьких внука хозяйки метались по залу, торопливо подтирая винные лужи под локтями перебравших посетителей. Словом, это было тихое, уютное семейное заведение с неплохой репутацией.

Но посвященные знали, что здесь торговали не только любовью. Незаметная маленькая дверка за спиной хозяйки вела в глубину дома, где в уединенной комнате, куда не доносились шум из зала и страстные возгласы сверху, совершались более серьезные сделки. Здесь можно было купить стигийские снадобья и вендийские яды, краденных из храмов Ксутала золотых идолов и пойманных в джунглях Дарфара говорящих птиц, драгоценности, принадлежавшие аквилонской королеве, и письма зингарского монарха очередной возлюбленной, редкие белые меха из далекой Гипербо-

реи и крупные жемчужины, выловленные у Барахских островов, талисманы шемитских колдунов и выкованные с применением Тайного Знания мечи из Аграпура. Об этой комнатке знали контрабандисты, путешественники, богатые вельможи, алхимики и купцы. Не знали только бельверусские власти. Впрочем, никто и не спешил сообщать им о ней.

В былые времена, будучи одним из немедийских контрабандистов, Конан нередко заглядывал сюда, и чтобы совершить сделку и, что уж скрывать, чтобы воспользоваться услугами стоворчивых девиц. Сейчас он вновь сидел за одним из вытертых добела деревянных столиков, потягивая вино и зорким взглядом обводя посетителей. На этот раз девицы вовсе не интересовали киммерийца — несколько мгновений назад он бесцеремонно согнал с колена очередную охотницу за клиентами.

Конана занимало другое. Ему необходимо было продать порошок серого лотоса, который он бережно хранил еще с Дэлирама. Увы, деньги теперь нужны были не для увеселений. А все из-за проклятого гнома, который влип в неприятности по самые залысины. Все, что удастся выручить за порошок, Конан собирался передать веселому Серту и мрачному Ранду, чтобы те организовали побег Мораддина. Варвар и сам не знал, что подвигло его на эту жертву: то ли хмуро-озабоченный взгляд Ринги, отбিরавшей свои лучшие драгоценности на продажу, то ли беспокойство о друге, то ли уверенность, что он обязатель-

но поправит свое пошатнувшееся благосостояние, не этим, так другим способом.

Наконец Конан поднялся и подошел к сидевшей там же, где и четыре года назад, хозяйке.

— Здравствуй, матушка Вилья,— улыбнулся он.— А ты совсем не изменилась, все такая же молодая и хорошенькая.

— Ох, пошутил, сейчас живот надорву со смеху,— пробурчала старуха, подслеповато щурясь на Конана.— Что-то не припомню я тебя, парень.

— Как же, матушка Вилья,— с укоризной сказал киммериец.— Года четыре назад мы с ребятами у тебя частенько бывали. Как-то я здесь твой любимый подсвечник из горного хрусталя разбил...

— А, Конан! — воскликнула хозяйка, и ее выцветшие глаза заблестели.— А я-то думаю, кого ты мне напоминаешь? — Оживившись, она ухватила Конана за локоть.— Я-то, признаться, решила, что тебя убили давно. Как ты тогда пропал, мои-то дуры седмицу целую ревмя ревели; думала, разорят старую подчистую. Клиенты все ругались. У тебя, говорят, не дом терпимости, а храм во время погребальной церемонии. Где ж тебя носило, красавчик?

— Везде понемногу,— туманно ответил Конан.— Я смотрю, у тебя новые девочки?

— Да, клиенты пошли балованные, подавай им молодых да красивых,— проворчала матушка Вилья.— Вот и приходится свеженьких брать. А откуда у них, спрашивается, опыт? То ли дело моя старая гвардия! Мертвого соблазнят! — Старуха

вздохнула.— Ты ведь помнишь их, Конан? Помнишь Мару?

— Конечно,— отозвался варвар.

Именно эта черноокая красавица украла у Конана крупный алмаз, который он добыл с величайшим трудом и даже нашел для него богатого покупателя. Хитрая стерва пряталась где-то, пока у киммерийца не прошел на нее гнев, а потом еще имела наглость показать ему обновы, купленные на вырученные за камень деньги.

— А ты, красавчик, к нам за удовольствием пожаловал или по делу? — встрепелась старуха, прерывая воспоминания киммерийца.

— По делу, матушка Вилья. Ну, а потом можно и об удовольствии вспомнить,— махнул рукой варвар.

Взгляд хозяйки сразу стал цепким и острым, прежние благодушные куда-то исчезло.

— И что у тебя, красавчик? — деловито поинтересовалась матушка Вилья.

— Серый лотос,— понизив голос, ответил Конан.

— Серый кхитайский лотос? — уважительно переспросила старуха.

Далекая и полуполегендарная страна Кхитай находилась где-то на краю света, аж за морем Вилайет. Славилась эта страна белоснежным фарфором, секрет изготовления которого кхитайские мастера не выдавали даже под пытками, искусными в утонченных наслаждениях хрупкими черноволосыми рабынями и серым лотосом. Цветок этот не произрастал больше нигде, да и в Кхитае

встречался достаточно редко, прячась в непроходимых полуночных болотах. Но смельчаки все равно добывали это растение, поскольку, продав даже один цветок, могли кормить свою семью в течение полугода. И дело тут было не в красоте цветка. Из его лепестков изготавливали порошок, вдыхая который, человек мог перешагнуть границы возможного и познать непознаваемое, испытать сонмы невероятных удовольствий и увидеть прекрасные сны, более реальные, нежели сама жизнь. Вдохнувшие его хоть раз уже не могли представить без него свое существование и готовы были продать все, даже душу, лишь бы вновь окунуться в незабываемые ощущения. Маги и колдуны использовали порошок для свершения обрядов, и вдохнувший его заурядный жрец становился на какое-то время равным богам. Правда, употребляющие лотос жили недолго, а смерть их была ужасной, но это не могло остановить вкисивших сладкой отравы.

Во многих странах, в том числе и в Немедии, порошок серого лотоса был запрещен к ввозу, в Туране за его продажу и употребление отрубали обе руки, но всегда находились контрабандисты, согласные рискнуть жизнью ради огромной прибыли, которую сулила торговля этим зельем.

— Ну, что ж...— Матушка Вилья пожевала губами.— Знаю я одного человека, этой отравой интересующегося... Как раз на днях справлялся, не привезли ли чего подобного.

— А это не ищейка из Вертрауэна? — на всякий случай осведомился Конан.

— За что же ты меня так, старую? — обиделась Вилья. — Я что, по-твоему, клиента от соглядатая отличить не могу?! Нет, с этим парнем все чисто. Он сам нездешний, аквилонец. Думаю, зелье он не для себя ищет — на богатея не похож. Ну да ладно, нам-то что. Лишь бы платил звонкими... Какова моя доля, помнишь? — Старуха похлопала Конана по плечу морщинистой ладонью.

— А как же, матушка Вилья. Пятая часть от выручки, — хмыкнул киммериец. — Ты ж последнюю шкуру сдерешь — не поморщишься.

— Ничего, красавчик, ты молодой, новая нарастет, — ничуть не смутилась хозяйка. — Ты посиди пока, отдохни. Сейчас внук мой сбегает, сигнал подаст — этот парень мигом примчится за порошком-то твоим...

Конан уже устал отгонять от своего стола матушкиных девиц, заинтересовавшихся сильным голубоглазым чужеземцем (некоторые даже предлагали обслужить его почти даром), когда старая хозяйка махнула киммерийцу рукой и выразительно мотнула головой в сторону заветной двери. Конан порывисто вскочил и, распахнув дверь и пройдя полутемным коридором, из которого предусмотрительно вел еще один выход, оказался в знакомой комнате, где в свое время совершилось немало сделок.

Покупатель уже сидел за столом, ожидая Конана. Это был высокий мужчина со впалыми щеками и тонкими бесцветными губами, над которыми нависал длинный острый нос. Одет он был во все черное, кутался в широкий плащ и весь

прямо-таки излучал таинственность, которая, как ему казалось, должна сопутствовать предстоящему разговору. За его спиной в глубине комнаты маячил сын матушки Вильи, в чьи обязанности входило надзирать за свершением сделки и не допустить кровопролития, если завяжется драка. Матушка была женщиной практичной и знала, что кровь очень трудно отмыть.

Увидев Конана, мужчина оживился и, быстро оглянувшись по сторонам, шепотом произнес:

— Не буду открывать своего имени и имени месьюра, пославшего меня сюда, но ты можешь называть меня просто Посланец. — Во взгляде мужчины засияла гордость: ему, похоже, безумно нравилось прозвище, которое он долго и мучительно придумывал. — Ты торговец? У тебя есть нужный нам товар?

Конан, который и не думал интересоваться именем покупателя, а тем более именем его месьюра, лишь кивнул в ответ.

— Мой господин, — снова зашептал мужчина, таинственно округлив блекло-голубые глаза, — он великий человек... Ты, может, подумал, он простой вдыхатель лотоса, что ищет лишь удовольствий?

Конан пожал плечами. Это его интересовало меньше всего. Если человек настолько глуп, чтобы покупать серую отраву, его дело. Лишь бы заплатил, как обещал.

— Так вот, ты ошибаешься! — воскликнул Посланец и вновь перешел на шепот: — Замыслы моего месьюра огромны, как небо, и понять их

может только посвященный. И порошок лотоса ему нужен для того, чтобы вершить дела земные подобно богам...

«Этот парень совсем свихнулся оттого, что служит такому могучему месьору»,— решил про себя Конан, а вслух поинтересовался:

— Ты почему шепотом-то разговариваешь? Здесь все свои.

— А вдруг нас подслушивают? — оскорбился собеседник.— Тайны моего месьора столь важны, что враги пойдут на все, лишь бы хоть на шаг приблизиться к их раскрытию...

— Какие враги? — на всякий случай полюбопытствовал Конан.

— Тс-с-с! — Посланец приложил тощий палец к губам и плотнее завернулся в плащ.— Это негодяи и предатели, которые хотят разрушить планы моего месьора... А почему это ты спросил? — насторожился он.

— Да просто так,— заверил киммериец.— Ну, будешь лотос покупать? Или обсудим замыслы твоего месьора и разойдемся?

Посланец растерянно заморгал, не понимая, что Конан имеет в виду.

— Я тебе ничего не скажу про моего месьора, даже если ты будешь меня бить,— на всякий случай сказал он и побледнел от собственной смелости.

— Да успокойся, бить тебя никто не собирается,— успокоил мужественного собеседника Конан и достал из-за пазухи заветную коробочку.— Моя цена — триста золотых за все. Устроит?

— Мой господин столь велик, что не станет торговаться! — с гордостью заявил Посланец.

— Это очень кстати,— пробормотал киммериец, завывивший цену едва ли не вдвое против обычной.— Тогда давай деньги и неси твоему великому месьору лотос.

Мужчина вытащил откуда-то из-под полы плаща мешочек с монетами и протянул Конану. Тот высыпал золото на стол, пересчитал и сунул за пазуху, отдав причитающуюся хозяйке долю ее сыну. Посланец же, бережно подержав коробочку в руках, спрятал ее под плащом, даже не раскрыв.

«Болван,— решил про себя Конан.— Знал бы — подсыпал туда пыли вместо лотоса. Вот бы его грозный хозяин обрадовался!» И киммериец вздохнул, сожалея об упущенной возможности надуть простака.

— Мой господин — великий маг! — завелся снова Посланец, которого прямо распирало желание поразить Конана до глубины души.— Он использует этот порошок, чтобы достичь небывалых высот магической мощи и...

Неизвестно, как долго бы еще распространялся Посланец о своем хозяине и сколько секретов успел бы выдать, но тут в комнату не по-старчески проворно вбежала матушка Вилья.

— Ну-ка, красавчики, уносите скорее ноги отсюда,— деловито сказала она.— К нам гости пожаловали. Уж не знаю, кто их навел, но если они вас тут с порошком найдут — долбить вам камушки в Немедийских горах. Так что поживей, парни.

— Кром! — ругнулся Конан, вскакивая с места. Похоже, Бел отвернулся от него.

— Подождите! — Кончик носа Посланца задержался. — Я ничего не понимаю...

Конан с удовольствием оставил бы этого приятеля здесь — пусть потом расскажет стражникам о магической мощи своего месьора. Но киммериец понимал: этот тип может рассказать не только о своем месьоре, но и о нем, Конане. Внешность у варвара приметная, а Бельверус — не Кезанкийские горы, захотят — найдут, а ему еще надо спасти Мораддина, да и на рудниках он уже был, больше как-то не хочется. Поэтому Конан молча схватил растерявшегося Посланца за локоть и поволок за собой, к запасному выходу из матушкиного заведения. Тот что-то бормотал о том, что необходимо сохранить тайну, но варвару некогда было его слушать, поскольку сзади уже топали и звенели мечами бельверусские стражники. Будь Конан один, он сбежал бы без труда, но худосочный Посланец сильно мешал ему. Не желая получить удар в спину, Конан, оттолкнув белого от страха аквилонца, вытащил меч и ринулся на догонявших его вояк.

Биться на мечах в узком коридоре было не просто, зато и противники могли нападать на киммерийца лишь по очереди. Свалив одного стражника простым ударом сверху и ткнув мечом следующего, Конан, пользуясь тем, что остальные растерялись, ринулся к выходу, толкая впереди себя совершенно потерявшего способность рассуждать Посланца.

Пока стражники толпились в коридоре, споря, кто пойдет первым, киммериец со спутником выскочили наружу. Северянин давно не бывал здесь, но память опытного вора и контрабандиста услужливо подсказала, как легче всего запутать погоню. Пробежав по заросшему травой маленькому двору, Конан одним прыжком перемахнул через невысокую глиняную стену и оказался на грязной улице. Сзади, пыхтя, лез Посланец. Ругнув его от души, что существенно прибавило аквилонцу резвости, Конан рысью пронесся по тихой вечерней улочке, пропустив два перекрестка и уверенно свернув на третьем. Посланец не отставал, понимая, что, если хочет жить, должен держаться за северянина.

Вдали уже слышались крики стражников и лязганье оружия. Быстро оглядевшись, Конан приметил чуть впереди вывеску с намалеванной на ней пузатой кружкой, и двинулся напрямик туда, не забывая подбадривать тычками своего спутника. Из дыма и чада крошечной таверны вынырнул ее хозяин в длинном грязном фартуке и коротко спросил у запыхавшихся посетителей:

— Стражники на хвосте?

Конан кивнул в ответ, и тот молча указал ему на заднюю дверь. Хлопнув хозяина по плечу — это была единственная благодарность, на которую у киммерийца хватило времени, — Конан выбежал на задний двор и по крыше сарая перелез в соседний двор. Пришлось еще подождать Посланца — его плащ зацепился за какой-то выступ на стене. До смерти напугав влюбленную парочку,

целовавшуюся в укромном, как им казалось, месте, Конан и аквилонец преодолели еще один забор, потом попетляли по темным пустынным улицам. Наконец киммериец махнул рукой:

— Все, хватит. Оторвались.

Посланец жалобно застонал и опустил прямо на землю, хватая ртом воздух.

— Если хочешь заниматься противозаконными делами — учись быстро бегать, — наставительно произнес Конан.

— Я... никогда раньше... — просипел Посланец, утирая пот, обильно катившийся с его бледного лба.

— Ну, начать никогда не поздно, — ободрил киммериец.

— Мой господин отблагодарит тебя за то, что ты помог мне. — Аквилонец немного отдышался и вспомнил о своем хозяине. — Он великий маг и может...

— Ну и Нергал с ним, с твоим месьюром, — пробурчал Конан. — Обойдусь как-нибудь без его благодарности.

Растерянный Посланец пытался еще что-то сказать, но киммериец уже не слушал, прикидывая, как бы побыстрее добраться до дома Ринги и вручить ей деньги, которые завтра утром надлежало передать Серту. Понадежнее припрятать мешочек с золотыми и проверив, хорошо ли выходит из ножен меч, он зашагал вперед, сразу забыв о нелепом покупателе лотоса.

Глава пятая

Конан сидел в комнате постоялого двора «Королевский плот» и тосковал. Шел дождь, тяжелые свинцовые тучи обложили небо над Бельверусом, и даже толстая свеча в заплывшем воском подсвечнике не могла разогнать серого полумрака, царившего в комнате. Камина или очага не было, и промозглая сырость, казалось, висела в воздухе.

«Если б здесь был Мораддин, хоть поговорили бы...» — думалось Конану, который начинал остро ощущать нехватку друга. В уголке на скамеечке сидела Ильма, что-то зашивая, но ее присутствие не вдохновляло киммерийца. Девушка очень терзалась оттого, что из-за нее пропал маленький наследник, и все попытки Конана утешить ее привычным ему способом вызывали у Ильмы яростный отпор. При этом она ни на шаг не отходила от киммерийца, боясь, что ее тоже похитят какие-нибудь заговорщики или арестуют королевские гвардейцы.

С Рингой Конан не виделся с того дня, когда пришел в ее особняк поздно ночью и принес две-сти сорок золотых, предназначенных в уплату Серту. Девушку-гуля этот жест растрогал до глубины души, и она даже подарила своему бывшему возлюбленному горячий поцелуй. Правда, от дальнейших приятных вольностей Ринга отказалась, сославшись на занятость, и выпроводила слегка разочарованного киммерийца восвояси, уговорившись не встречаться с ним до дня побега, чтобы обезопасить себя на случай возможной слежки.

Совершенно измучившись бездельем, а также вечными причитаниями Ильмы и ее недоступностью, Конан уже готов был в одиночку штурмовать Каземат. Впервые в жизни киммериец позабывал мудрецам, которые не знали скуки бездействия и могли находить удовольствие, читая премудрые трактаты и записывая свои размышления на этот счет. Сам Конан читал с некоторым трудом, а уж писать больше привык не пером по пергаменту, а острием меча на телах врагов.

Киммериец уже совсем отчаялся, когда в дверь комнаты тихо поскреблись. Это явно была не Ринга — она вообще редко утруждала себя стуком. Конан буркнул что-то невразумительное, что, по его мнению, означало приглашение войти. Дверь отворилась, и в комнату проскользнула женщина. Подойдя к столу, она скинула промокший капюшон плаща, и Конан узнал дочь тюремщика Серта.

— Я пришла за тобой, месьор Конан, — коротко сказала девушка, глядя на киммерийца.

— Что, сегодня? — несказанно обрадовался Конан. — Кром, наконец-то! Я уж думал, вы давно сбежали с нашими денежками.

— Мы честные люди, месьор Конан, — нахмурилась Ингода. — Если мой отец обещал, он делает.

— Да здравствуют честные тюремщики! — воскликнул варвар и начал быстро собираться.

Когда он пристроил себе за спину поверх плаща меч, Ингода удивленно подняла черные брови.

— Это не понадобится, месьор Конан. — Девушка ткнула пальцем в оружие. — Мой отец и дядя Ранд просто выведут твоего друга из Каземата. Никто не будет на тебя нападать.

— Много ты знаешь о нападениях, крошка, — небрежно бросил Конан и привычно проверил, легко ли выходит меч из ножен.

— Конан, ты куда? — жалобно вскричала Ильма, расширенными от страха глазами наблюдая за приготовлениями варвара.

— Спасать Мораддина, я же тебе говорил, — с досадой ответил киммериец.

— Я здесь одна не останусь! — Ильма вскочила и вцепилась в руку Конана. — Вы с Рингой меня бросите, и я пропаду!

Конан уже знал, что спорить с женщинами бесполезно, поэтому лишь махнул рукой, что означало: «Делай что хочешь, только мне не мешай». Ильма отшвырнула рукоделие и торопливо набросила на плечи плащ, всем своим видом выражая готовность повиноваться киммерийцу, лишь бы он не прогнал ее.

Дождь лил не переставая, монотонно стуча по черепичным крышам домов. Плащ Конана быстро намок и отяжелел, струйки воды стекали по длинным волосам за шиворот. Ильяма почти сразу угодила в лужу, и теперь при каждом ее шаге раздавалось громкое хлюпанье. Ингода решительно шла впереди, не обращая внимания на то, что вымокла до нитки.

— Не мог твой отец выбрать для побега день получше? — ворчал Конан. — Куда приятней было бы спасти Мораддина в сухую теплую погоду!

— Тянуть было больше нельзя, — серьезно сказала Ингода. — Завтра твоего друга ожидал допрос с пристрастием, а после этого он не то что бежать — на ноги не смог бы подняться.

Ринга уже ждала их в условленном месте — неподалеку от Каземата, на Храмовой площади. Маленькая площадь была темна и пустынна: в такую погоду даже самые ревностные богомольцы не спешили поклониться Митре и Иштар, чьи храмы располагались в этом месте. Даже светильники, всегда горевшие перед входом в святилище, сейчас не были зажжены: видимо, никому из жрецов не хотелось выходить под дождь и заниматься безнадежным делом, пытаясь зажечь отсыревший фитиль.

— Всеблагая Иштар, а она что здесь делает?! — даже не поздоровавшись, возмутилась Ринга, указывая на Ильюму.

— А тебе не все ли равно? — пожал плечами Конан. — Она боится, вот и пришлось взять ее с собой.

— Еще одна обуза на мою шею! — в сердцах воскликнула рабирийка и грозно посмотрела на Ильюму: — Раз уж явилась — веди себя тихо. Если попробуешь нам помешать...

— Ну почему ты всегда на меня кричишь? — плаксиво и обиженно протянула Ильяма. — Я ж не дурочка какая, кое-что понимаю!

— Это для меня новость, — хмыкнула Ринга, впрочем, не так сердито.

Ингода прикоснулась к локтю рабирийки, напомнив о себе.

— Вы должны ждать здесь, — сказала дочь тюремщика. — Отец и Ранд приведут вашего друга. Уже скоро. — И, кивнув на прощание, девушка исчезла в сумраке за пеленой дождя.

Струи дождя разбивались о каменные плиты площади и нещадно поливали воздвигнутую посередине статую Митры. Впрочем, мраморному богу дождь не мешал, чего нельзя было сказать о Конане. Чем больше намокала его одежда и чем сильнее начинал донимать холод, тем больше киммериец раздражался. На Мораддина — почему он не сопротивлялся при аресте? На Рингу — что она вечно о себе воображает и командует всеми? На Ильюму — зачем она корчит из себя недоτροгу? На Серта — запросил, подлец, такие деньги, и весь лотос пропал, можно сказать, зря... Промокнув окончательно, Конан понял, что ему уже ненавистно все, что находится между Западным океаном и морем Вилайет, и он готов заранее возненавидеть те места, где еще не бывал. Распираемый злостью, Конан посмотрел на своих спут-

ниц и встретился с суровым взглядом Ринги, настроение которой тоже оставляло желать лучшего.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, прикидывая, к чему бы придаться, чтобы завязать небольшую ссору и сорвать накопившуюся злость, но, так и не придумав ничего, со вздохом отвели глаза.

— Где они там копаются, сто демонов им в кишки?! — ни к кому не обращаясь, прорычал Конан. — Явится сюда кто-нибудь наконец?

Словно услышав киммерийца, из темноты вынырнула Ингода. Она тяжело дышала, капюшон упал на плечи, мокрые волосы облепили лоб девушки. Придерживая намокший подол длинного платья, Ингода подбежала к Конану и его спутникам.

— Наш план сорвался, — задыхаясь, сказала девушка, вытирая залитое дождем лицо. — Вам придется либо уходить, либо помочь моему отцу и вашему другу.

— Что случилось? — коротко спросила Ринга.

— Понимаете, ваш друг очень странный, — развела руками Ингода. — Он захотел взять с собой своего соседа по камере. Мой отец пытался объяснить, что бумага выправлена лишь на него одного, но ваш друг и слушать не захотел...

— Тысяча проклятий этому Морадину на голову! — заорал Конан, найдя наконец, на кого излить свое раздражение. — Он совсем свихнулся, клянусь Кромом! Будь он неладен со своим благородством! Сейчас я ему...

И, не дожидаясь остальных, киммериец ринулся к Каземату выполнять задуманное. Ринга, Ильма и Ингода были вынуждены последовать за ним.

— Мой отец и дядя Ранд совсем было решили отказаться от дела. Деньги они вернули бы, не беспокойтесь, — на бегу рассказывала Ингода. — Но ваш друг заставил моего отца открыть камеру и выпустить обоих узников. Потом он пристукнул одного надзирателя и оделся в его форму, а своего товарища решил выдать за себя. Это мне дядя Ранд рассказал, он не захотел в этом безумии участвовать и ушел. А я ждала отца в караулке. Вдруг туда ворвался начальник стражи и приказал всем срочно отправляться в Каземат: мол, там побег. Я помчалась к вам...

Девушка запыхалась и умолкла. Где-то впереди мерно бухали по лужам сапоги Конана. Ринга бежала споро, у хрупкой рабирийки оказались железные мускулы и хорошее дыхание. Позади спотыкалась и вскрикивала выбившаяся из сил Ильма.

Когда они добрались до тюрьмы, Конан уже пытался перелезть через окружающую Каземат высокую стену, отчаянно ругаясь при этом.

— Сюда! — крикнула Ингода, указывая на маленькую дверь в ограде. — Она ведет в караулку. Вряд ли ее заперли за мной.

Дверь действительно оказалась не заперта: видно, никто не вспомнил о ней в общей суматохе. В караулке было пусто, лишь на столе валялись игральные кости да стояли кружки с недо-

питым вином — стражников оторвали от привычного времяпрепровождения.

Конан рывком открыл вторую дверь, ведущую во внутренний двор Каземата, и сразу увидел Мораддина. Он был зажат в угол, образованный опоясывавшей двор стеной и башней Каземата, и отбивался от дюжины солдат, не меньше, которые, впрочем, нападали весьма вяло. На земле уже валялись трое стражников, слишком рьяно бросившихся в бой и забывших при этом, что жизнь у них одна. За спиной гнома, под защитой его меча, стояли двое. Один из них был Серт, с растерянным видом выставивший вперед длинный кинжал, а рядом возвышался (приземистый туранец едва доставал ему до плеча) немолодой мужчина весьма благообразного вида. Он спокойно оглядывался по сторонам, словно не сомневался, что сейчас какое-нибудь божество спустится прямо в тюремный двор и заберет их отсюда. В руках он держал саблю, но было видно, что он совершенно не представляет, что с ней делать.

— Отец! — крикнула Ингода и бросилась вперед, но Ринга крепко ухватила ее за руку, и высвободиться из тонких, но цепких пальчиков рабийки девушке не удалось.

— Там без тебя разберутся, — резко сказала Ринга и толкнула Ингоду обратно в караулку.

Конан хотел было придумать какой-нибудь хитроумный план, но понял, что не успеет, и просто кинулся на подмогу Мораддину. Его заметили раньше, чем он пересек двор, но в дождливой полутьме стражники приняли киммерийца за своего.

— Где ты копался, дубина? — заорал начальник, не разглядевший, что под плащом Конана отнюдь не форма стражников Каземата. — Давай живее, осел, а то прикажу выпороть!

Ужаснувшись про себя порядкам, принятым в немедийской армии, Конан подбежал к толпившимся перед беглецами стражникам.

— А ну пропустите! — зычно крикнул он. — Я их один возьму!

Солдаты не заставили себя упрашивать, решив, что их товарищ хочет загладить свою вину, и обрадовавшись передышке. Они расступились, освобождая пространство для Конана. Киммериец взглянул на Мораддина и увидел на обычно невозмутимом лице туранца изумление и надежду. Конан быстро указал подбородком на караулку, и Мораддин едва заметно кивнул в ответ. Делая вид, что готовится напасть на гнома, Конан прикидывал, кого из стражников надо свалить первым, чтобы дать возможность туранцу со спутниками пробежать через двор до спасительной двери, но вздрогнул, услышав свое имя.

— Месьор Конан! — радостно заорал Серт, узнавший своего заказчика. — Скорее, месьор Конан, нам долго не продержаться!

Стражники растерянно зароптали и начали придвигаться к киммерийцу. Их командир, выпучив глаза, застыл поодаль, еще не соображая, в чем дело. Конан понял: надо действовать без промедления, и кинулся к ближайшему от него солдату. Мораддин, очевидно, пришел к такому же выводу, схватил за руку высокого мужчину и ри-

нулся в коридор, образованный расступившимися стражниками. Серт торопливо семенил следом, угрожающе тыча во все стороны кинжалом.

— Что вы стоите, остолопы, взять их! — бешено закричал начальник, отодвигаясь подальше, чтобы не оказаться на пути бегущих узников.

Пропустив вперед своего товарища и Серта, Мораддин повернулся к стражникам и встал плечом к плечу с Конаном, который уже успел отправиться на Серые Равнины двоих. Коротышка туранец и высокий варвар представляли собой грозную силу, и солдаты, поняв это сразу, нерешительно замерли на месте. Каждый из них надеялся, что атаку начнет кто-нибудь другой.

— Нападайте, отродье шакалов! Запорю до смерти! — заорал их командир, потрясая кулаками.

Угроза возымела действие, и стражники неохотно двинулись вперед. Но куда этим обленившимся и трясущимся за свою шкуру охранникам было сравниться с двумя воинами, для которых сражаться — так же естественно, как есть и пить! Конан и Мораддин без особого труда положили еще троих, пока Серт и неизвестный узник добрались до двери караулки, где их ждала Ринга, сжимавшая в руке метательный нож. Решив, что продержались достаточно, чтобы дать уйти их более слабым товарищам, Мораддин и Конан, не сговариваясь, бросились к караулке.

Спина удирающего врага всегда вдохновляет и вселяет уверенность в своих силах. Ступшевавшему было стражники воспряли духом и гурьбой

кинулись за противником. Их начальник вдогонку обещал запороть всех вместе и каждого в отдельности, что существенно прибавляло солдатам прыти. Один из них, самый легконогий, уже собрался было ткнуть саблей в спину гнома, но засевший в его груди нож, пущенный меткой рукой рабирийки, помешал стражнику исполнить свое намерение. Его товарищ ни с того ни с сего растянулся посередине тюремного двора — он и не догадывался, что имеет дело со Стражем, — и сверху тут же повалились споткнувшиеся об него соратники.

Вбежав в караулку последним, Конан увидел всех: Мораддина, Рингу, Ильму, Серта, Ингоду и незнакомца.

Глаза каждого из них были устремлены на киммерийца, словно маленький случайно образованный отряд ждал его указаний. Нельзя сказать, чтобы Конану это не польстило, особенно то, что даже Ринга не пыталась командовать.

— Заприте дверь, — с ходу сочинил первый приказ Конан.

Ингода торопливо задвинула тяжелый засов, и на дверь тут же посыпались удары снаружи. Под яростным напором стражников, понукаемых командиром, чьи угрозы были слышны даже здесь, дверь затрещала.

— По-моему, надо выбираться отсюда, а то эти молодые люди чересчур настойчивы, — невозмутимо заметил Мораддин.

— Никто бы за тобой не гнался, если б не твои нелепые штучки, — огрызнулся Конан. — С какой

стать ты сорвал весь наш замысел?! Зачем тебе понадобился этот...— Киммериец попытался придумать, как назвать спутника гнома-полукровки, но в итоге лишь мрачно сплюнул.

Мораддин хотел что-то ответить, но неожиданно все услышали мягкий и вежливый голос незнакомца:

— Позвольте принести свои извинения, если моя скромная особа поставила вас всех в столь угрожающее положение. Я ни в коей мере не хотел злоупотребить вашей добротой, и лишь настойчивость месьора Мораддина, диктуемая его исключительным благородством, заставила меня воспользоваться случаем для побега и последовать за ним...

Конан хмуро взглянул на говорившего:

— Поздравляю, в нашей компании появился еще один блаженный. Мораддина нам явно было мало.

— Ну хватит,— нетерпеливо вмешалась Ринга, положив конец едва начавшемуся единоличному командованию Конана.— Надо действовать, поговорим после.

— Госпожа Ринга! — раздался от той двери караулки, что выходила на улицу, дрожащий голос Серта.— Сюда идут еще стражники!

— Кром, упустили время! — буркнул Конан.

Видимо, начальник стражи догадался послать часть подчиненных в обход, и, пока шла драка во дворе, солдаты успели выбраться на улицу через другой выход и, обогнув стену, добежать до караулки.

— Может, запереть и эту дверь? — предложила Ингода, и ее голос, в отличие от голоса отца, не дрожал.

— Какой смысл? Рано или поздно одну из дверей все равно вышибут,— пожал плечами Конан.

— Придется снова драться,— спокойно сказал Мораддин и двинулся к двери.

* * *

Стражники не стали ждать, пока беглецы выйдут на улицу, а сами ворвались внутрь и бросились в атаку. Конан и Мораддин встали на их пути, стараясь вытеснить солдат из караулки и дать своим спутникам возможность убежать. Ринга, исчерпав запас метательных ножей и не имея времени применить свой дар Сторожа, выхватила из рук топтавшегося в растерянности незнакомца саблю и вступила в бой. Оказалось, что рабирийка неплохо владеет оружием, недостаток силы с лихвой окупая ловкостью и изворотливостью. Конечно, сражение один на один с женщиной ей вряд ли удалось бы выиграть, но в общей суматохе, сопровождавшей драку в небольшой комнате, лезвие девушки-гуля не раз находило свою жертву.

Ингода тоже не теряла времени зря. На беду нападавших, рядом с девушкой оказался стол, и все предметы, что на нем находились: кружки, кувшин, подсвечники, даже стаканчик для игральных костей — полетели в стражников. При этом Ингода проявляла удивительную меткость, ни разу не задев никого из своих. Серт, кинжал

которого был бесполезен против мечей и сабель стражников, о чем, правда, тюремщик ни на миг не пожалел, вжался в угол подальше от сражавшихся и громкими возгласами подбадривал Конана, Рингу и свою дочь. Серта, по-видимому, не смущало, что его никто не слушает, и он хохотал и всплескивал руками, восхищаясь удачными ударами своих друзей, не забывая по-отечески указывать Ингоде, в кого ей лучше бросить тот или иной предмет.

Ильма, скорчившись у стены, уже охрипла от непрерывного визга и теперь лишь тихонько подвывала в полной уверенности, что скоро их всех схватят и рядом вздернут на печально знаменитой площади Трех Ворот, а может, прямо сейчас на тюремном дворе.

Сквозь всхлипывания девушка проклинала тот день, когда начала работать прислугой в королевском дворце и тем самым погубила себя, молодую и красивую. Рядом с Ильмой опустился на колени спасенный Мораддином человек. Не обращая внимания на драку, он ласково гладил девушку по голове и толковал ей успокаивающим тоном что-то о бренности жизни и неизбежности смерти. От его утешений Ильма рыдала еще громче, что крайне огорчало доброго незнакомца.

В довершение всего под потолком яростно хлопала крыльямимышь Мораддина, время от времени вцепляясь острыми коготками в волосы нагледцов, которые осмеливались нападать на ее хозяина.

Стражники явно не ожидали столь серьезного отпора, и потому быстро растеряли весь свой пыл. С некоторым трудом Конану и Мораддину при поддержке Ринги все-таки удалось вытеснить противника из караулки. Воспользовавшись этим, остальные также выбрались на улицу. И тут ведущая во двор дверь наконец рухнула под ударами могучих плеч солдат, встретивших это событие торжествующим ревом. Услышав это, Конан быстро закрыл вторую дверь, заклинив ее пикой убитого стражника. Победный рев внутри караулки тотчас замолк, сменившись отчаянными ругательствами разочарованных воинов, перед которыми вновь встал враг, только что ими поверженный.

Конан вытер со лба пот, разбавленный дождем, и торопливо огляделся. Из напавших на них с улицы стражников на ногах оставалось лишь трое, и они не спешили в новый бой, ожидая, когда их товарищи сломают дверь. Чутье опытного вора подсказало киммерийцу, что пора уносить ноги.

— Уходим быстрее! — скомандовал варвар, бездумно повторив слова, привычные со времен пребывания с контрабандистами, и первый подал пример, помчавшись в сторону Храмовой площади.

Через некоторое время он оглянулся. Прямо позади него споро бежала Ринга, от нее чуть отстала Ингода, тащившая за руку неповоротливого задыхающегося отца, дальше следовал незнакомец, который поддерживал под локоть Ильму,

и замыкал цепочку Мораддин, то и дело оборачивавшийся назад. Гулкое эхо от топота множества ног металось по узкой улице между каменными высокими домами, и казалось, что здесь позорно удирает целая армия, преследуемая неприятелем.

— Клянусь Митрой, нас слышно за пару лиг! — с досадой пробормотал Конан и крикнул: — Всем вместе нам не уйти! Разделяйтесь, заберите вас Нергал!

Чуть позже он снова обернулся. Все оставалось по-прежнему: Ринга, Ингода, Серт, Ильма, Мораддин и его товарищ упорно следовали за киммерийцем. Никто не решался или не хотел свернуть на какую-нибудь боковую улицу и оказаться в одиночестве перед лицом опасности. Уже слышны были голоса настигавших их стражников, а пестрый отряд Конана бежал все медленнее.

«Сейчас стражники нас догонят, а пока мы будем драться, подоспеют конные гвардейцы — и нам конец», — мелькнуло в голове киммерийца. Ему сразу стало жарко, невзирая на то что он промок до нитки от непрерывного дождя. Впереди смутно белела мраморная статуя Митры, и Конану подумалось, что самое время молиться богу в надежде на невозможную удачу. Скрыться одному где-нибудь в темном переулке, предоставив спутникам выкручиваться как знают, киммерийцу как-то не пришло в голову.

Но тут старина Бел, решив, что достаточно помучил своего верного слугу, вновь повернулся к Конану своим ликом. Иначе чем можно объяс-

нить, что перед одним из храмов варвар увидел карету, запряженную двумя лошадьми? Возница скорчился на сиденье, стараясь прикрыться плащом от дождя. На дверце был намалеван какой-то герб — видимо, карета принадлежала знатному вельможе. Какая беда пригнала в такое время знатного просителя в храм, Конан не интересовало. Он увидел шанс на спасение и радостно помянул Сета и Нергала.

В два прыжка оказавшись у кареты и одним ударом свалив ничего не успевшего понять возницу, Конан занял его место и, схватив в руки поводья, погнал карету навстречу своим товарищам. Те на ходу забились внутрь, а Морадину пришлось вскочить на запятки, словно лакею или охраннику. Позади что-то кричал выбежавший из храма хозяин, грохотали по плитам площади стражники, но Конан уже вовсю стегал лошадей, направляя их в противоположную сторону.

Понукаемые хлыстом лошади припустили галопом по широкой улице, которая, к счастью, была пуста.

Конан больше привык скакать верхом, нежели править каретой, и ему приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы она не перевернулась на поворотах или не налетела на один из домов. Трудностей добавляло и то, что многие улицы Бельверуса были слишком узки. Конан плохо знал столицу Немедии и все время опасался свернуть не туда. К счастью, положение спасла Ринга, открывшая маленькое окошечко на передней стенке кареты и указывавшая, куда вар-

вару направлять лошадей. Конан не спрашивал, куда они едут, полностью положившись на рабирийку.

— Стой! — неожиданно крикнула Ринга, и Конан рывком натянул поводья.

Они находились в квартале, где, судя по всему, обитали зажиточные горожане.

Дома здесь были невысокие, но добротные, без украшений и гербов над входом, зато на окнах стояли надежные ставни, а на дверях — внушительные запоры.

Ринга легко выскочила из кареты, за ней выбрались остальные — промокшие и основательно помятые в тесноте и тряске. Мораддин сполз с запяток и принялся растирать негнущиеся от напряжения пальцы.

— Подождите, — скомандовала рабирийка и исчезла в боковой улице.

Вскоре она вернулась в сопровождении мальчика лет двенадцати. Быстрым взглядом окинув странную компанию, паренек молча взобрался на козлы, и пустая карета мягко покатила куда-то по немощеной улице.

— Здесь есть дом, где мы можем спрятаться, — пояснила девушка-гуль в ответ на устремленные на нее вопросительные взгляды. — А Триму я приказала увести карету на другой конец города и оставить ее там. Пусть гвардейцы поищут нас пока в той стороне, — добавила она без тени улыбки.

Рабирийка повернулась и зашагала вперед по улочке. Все, как по команде, двинулись за ней.

— Эй, — вмешался Конан. — Я думаю, сейчас нам самое время расстаться, и можно даже без слез и объятий. Дело закончено, и теперь каждый должен идти в свою сторону. — Киммериец выразительно помахал рукой, надеясь, что все, кроме Мораддина, правильно истолкуют его жест.

— Почему вы меня гоните? — тут же закричала Ильма. — Я никуда без вас не пойду! Вы меня в это втянули, а теперь хотите бросить!

— Э... Но сейчас почти ночь... К тому же дождь... — растерянно сказал незнакомец.

— Нам некуда идти, дома нас наверняка уже ждут стражники, — спокойно сообщила Ингода.

— А деньги? — запальчиво воскликнул Серт. — Вы должны мне четыреста золотых!

— Это за что? — скривился Конан. — Побег едва не провалился, мы все сделали сами, да еще и тебя спасли в придачу.

— Это не моя вина! — настаивал толстяк. — Если бы ваш друг не вмешался, все бы прошло гладко.

— Если, если... — пробурчал Конан. — Тех шестисот монет, что мы тебе уже заплатили, вполне хватит.

— Понимаешь, из той тысячи, что вы нам были должны, двести ушло на расходы, — принялся объяснять Серт, — а остальные восемьсот мы собирались поделить с Рандом.

— Ну и что? — нетерпеливо оборвал его киммериец.

— Эти деньги остались у Ранда, — упавшим голосом сообщил Серт. — А себе я должен был за-

брать те четыреста, что вы дадите, когда забере-
те вашего друга.

Конан невольно расхохотался.

— Понимаешь, Серт,— проникновенно сказал
варвар,— у нас с Рингой нет больше денег. Те-
шестьсот золотых — все, что нам удалось собрать.
А Мораддина выручать все равно надо было. Я
собирался как-нибудь с вами договориться после
побега...

Казалось, Серт даже похудел от расстройства.
Его обманули все: собственный приятель, Конан,
Ринга, а вдобавок он еще лишился работы, дома
и спокойной жизни.

— Может, хватит здесь стоять? Я совсем про-
мокла и замерзла,— недовольно проворчала раби-
рийка.— Пойдем в дом, там и поговорим.

Облегченно вздохнув, все отправились вслед
за Рингой, и Конан уже не протестовал, понимая,
что это бесполезно. Последним шел Серт, и в его
потухших глазах стоял вечный вопрос, на кото-
рый никто никогда не смог бы дать вразумитель-
ного ответа.

* * *

Как, в сущности, просто устроен человек! Дай-
те ему теплую комнату, сухую одежду, хорошо
приготовленное жаркое и стаканчик подогретого
вина — и он уже доволен собой, окружающими,
своей страной, ее правителем и налогами. Он
уже готов простить ближнему обиды, отдать ста-
рые долги и даже дать в долг сам. Он благополу-

но прислушается к горячим проповедям подвиж-
ников, которые призывают к миру и любви. Он
равнодушно отвернется от бунтарей и смутьянов,
обличающих власть. Словом, легко и приятно
иметь дело с довольным жизнью человеком!

Сезия, хозяйка дома, куда Ринга привела сво-
их спутников, немолодая уже женщина с про-
стым добрым лицом, казалось, ничуть не удиви-
лась появлению столь странных гостей в не-
урочное время, а тотчас захлопотала, стараясь ус-
троить их получше. Вскоре для всех были готовы
сухая одежда и еда. Серту, которому после всего
происшедшего стало совсем худо, предоставили
спальню хозяйки, где он лежал на мягких пери-
нах, непрерывно стелая и охая. Ингода терпели-
во выслушивала жалобы отца и поила его с ло-
жечки целебным отваром из запасов Сезии. Иль-
ма, поняв, что ее никто бросать не собирается, по
крайней мере сейчас, сразу успокоилась и теперь
крепко спала на кровати сына хозяйки, того са-
мого мальчика, что увез карету. Внизу остались
Ринга, Конан и Мораддин — им было о чем пого-
ворить после разлуки. Около пылающего очага
приютился незнакомец, кутавшийся в плащ, за-
ботливо накиннутый Сезией на его худые плечи, и
потягивавший слегка разбавленное теплое вино с
какими-то пряностями.

Ринга устроилась с ногами в широком кресле,
невесть как попавшем в этот дом, который, судя
по всему, принадлежал мелкому торговцу или
владельцу ремесленной мастерской. Почти уто-
нувшая в просторном платье хозяйки, девушка-

гуль выглядела особенно хрупкой и юной. Казалось невозможным, что именно она недавно сражалась наравне с мужчинами и решительно вонзала клинок в чужую плоть. Перед Рингой стояли две чаши. В одной было вино, в другой — что-то темное и густое. Конан решил не гадать, откуда взялось содержимое второй чаши.

Мораддин сидел рядом, явно наслаждаясь теплом и покоем после тюремной камеры. Одежда, предоставленная гному Сезией, была ему велика, ладони спрятались в слишком длинных рукавах, а штаны пришлось подогнуть, однако туранец даже сейчас держался с таким достоинством, что варвару даже не пришло в голову подтрунить над другом. Он и сам выглядел не лучше, только ему хозяйская одежда была маловата, и полотняная куртка угрожающе трещала по швам при каждом его движении.

Какое-то время все сидели молча, прислушиваясь к шуму дождя за окном и наслаждаясь тем, как тепло разливается по телу. Первым заговорил Конан, которому надоело общее безмолвие.

— Ринга, а где хозяин дома? — поинтересовался киммериец, движимый привычной осторожностью.

— Перед тобой, — невозмутимо ответила девушка. — Этот дом мой. Купила когда-то специально для таких случаев. — Рабирийка усмехнулась. — Всегда полезно иметь тайное убежище, где можно кого-нибудь спрятать или скрыться самой. Дом записан на имя Сезии, так что найти меня здесь довольно трудно.

— А эта Сезия, — понизив голос, вновь спросил Конан, — она нас не выдаст?

— Сезия — одна из моих самых доверенных людей, — пояснила Ринга. — Я вырастила ее, когда умерли ее родители, и Сезия предана мне как никто. Недавно скончался ее муж, и, кроме меня и сына, у нее никого нет.

Конан невольно бросил взгляд на кухню, где в чане мыла посуду домоправительница Ринги. Ее волосы уже посеребрила первая седина, а руки были изборождены морщинами, говорившими о возрасте лучше, чем моложавое ясное лицо. Странно было слышать, что эту женщину вырастила девушка, по виду годившаяся ей в дочери. Видимо, Мораддин подумал о том же, потому что внезапно сказал:

— Ринга, а каково это — видеть, как стареют и умирают твои друзья?

Рабирийка ответила не сразу, глядя в огонь, отсветы которого плясали в ее загадочных желтых глазах.

— Поначалу страшно, потом привыкаешь, — наконец заговорила она. — Наверно, из-за этого гули не хотят жить рядом с людьми. Это ведь ложь, что мы можем питаться лишь человеческой кровью. Нам все равно, чья кровь — людей или животных. — Ринга спокойно отхлебнула из чаши темную жидкость. — Но видеть, как те, с кем ты вырос, уходят на Серые Равнины, а ты остаешься молодым — от этого можно сойти с ума или вообразить себя бессмертным. А мы, гули, тоже стареем, хоть и не так, как вы. Мы долго выглядим

очень молодо, зато потом сгораем быстро, словно тонкая восковая свеча.— Рабирийка грустно усмехнулась и добавила: — Главное — никого не любить. Тогда не будет больно.

— Ты очень одинока, Ринга? — тихо спросил Мораддин.

Девушка опустила голову, не желая встречаться с умным и понимающим взглядом черных глаз гнома. Потом сердито тряхнула распущенными волосами и со стуком поставила чашу на стол.

— Можно подумать, у нас других забот нет, как только обсуждать всякие глупости! — резко сказала она.— Лучше расскажи, что с тобой было в тюрьме. Нам необходимо знать, какие тебе предъявили обвинения.

Теперь это была прежняя Ринга — собранная, властная и решительная, словно натянутая тетива боевого лука.

— Предъявили? — поднял брови Мораддин.— Скорее уж, сообщили. Мне сказали, что я убил барона Вольденского по заданию каких-то заговорщиков из клана бедняжки королевы. Я, конечно, пытался объяснить, что приехал в Бельверус несколько дней назад и никого здесь не знаю, тем более всяких заговорщиков, что шел я вовсе не к барону, а к его служанке, но этим месьюрам, по видимому, было глубоко плевать на истину и здравый смысл.

Они требовали от меня каких-то имен, грозили пытками и вообще вели себя крайне грубо. Я, правда, поставил на место одного чересчур зарвавшегося стражника, однако после этого на

меня надели кандалы...— Туранец невольно потер запыстья.

— Да, в кандалах много не навоюешь,— со знанием дела сказал Конан.— Помню, на твоём руднике они мне здорово натерли ноги. Ты же мне их самолично тогда и надел.

— Ну, к чему старое вспоминать...— слегка смутился Мораддин.

— Похоже, в Бельверусе просто помешались на заговорах,— скривила губы Ринга.— Готовы вздернуть кого угодно, лишь бы доказать, что сами к этому не причастны. Трусливые безумцы!

— Ах, как ты права, уважаемая госпожа! — неожиданно раздался голос незнакомца, о присутствии которого все уже успели забыть.— Они обвинили в участии в заговоре даже меня...Кстати, простите великодушно, но я еще не представился. Мое имя Веледор. Я почетный член Немедийского общества магистров Истинного Знания.— Сокамерник Мораддина встал и церемонно поклонился.

— Истинного Знания? — подозрительно переспросил Конан.— Колдовством занимаетесь?

— Мы?! — оскорбился Веледор.— Мы не признаем наличия в природе так называемой магии, так же как и вмешательства божественных и демонических сил.

— Ну-ну...— протянул киммериец.— Жаль только, демоны об этом не знают.

— Послушай, Мораддин,— заговорила Ринга,— ты сорвал наши замыслы и подверг всех большой опасности из-за этого человека, так хоть объясни

почему. Хотя я лично против тебя, уважаемый, ничего не имею.— И девушка очаровательно улыбнулась Веледору.

— Я объясню,— спокойно проговорил гном.— Месьору предлагали признать во мне одного из заговорщиков, обещая ему за это отменить смертную казнь. А он отказался.

Все замолчали. Такое благородство вызвало уважение даже у киммерийца.

— Так что, сами понимаете, я не мог бросить уважаемого Веледора, когда мне представился случай бежать,— продолжил Мораддин.— У меня, понимаете ли, слабость к порядочным людям.

— А к нам у тебя нет слабости? — недовольно проворчал киммериец.— Мы едва не распростились с жизнью из-за твоей прихоти!

— Это не прихоть,— холодно заметил Мораддин, взглянув в глаза Конану, и варвар замолчал, поняв, что эту тему лучше не обсуждать.

— Хоть бы спасибо сказал, нелюдь несчастный,— пробормотал, ни к кому не обращаясь, Конан.

— У нас в Туране не говорят спасибо человеку, спасшему тебе жизнь,— невозмутимо сообщил Мораддин.— Слова здесь бессильны. Просто твоя жизнь отныне принадлежит твоему спасителю, вот и все.

— Мне ужасно неприятно оттого, что из-за меня вы подверглись такому риску,— взволнованно произнес Веледор.— Право, жизнь одинокого старика ничего не стоит по сравнению со столь юными жизнями. Теперь я навеки ваш должник!

Тут даже Конан махнул рукой: как можно сердиться на человека, одержимого демоном мягко-сердечности?

— А что нового у вас? — многозначительно поинтересовался Мораддин, меняя тему беседы.

Ринга покачала головой и незаметно кивнула в сторону ученого, протянувшего худые руки к огню.

— Можете говорить при нем. Я ему доверяю,— твердо заявил гном.

Ринга вздохнула. Конан пожал плечами. Но спорить с туранцем никто не решился.

— Проклятая девчонка оказалась мальчишкой, и ее, то есть его, увели,— мрачно сообщил киммериец главную новость.

Мораддин вопросительно поднял брови, и Ринга кратко рассказала ему о событиях последних дней.

— Значит, это был наследник трона? — без всякого удивления переспросил Мораддин.— Что ж, я предполагал нечто подобное.

— И не сказал мне? — возмутился Конан, чувствуя себя оскорбленным оттого, что, как оказалось, он единственный попался на удочку Ринги.

— Это была не моя тайна,— развел руками туранец.

— Кто же все-таки похитил ребенка? — задумчиво протянула Ринга.— Судя по всему, во дворце он не объявился. Может, это действительно были те самые заговорщики, в чьи ряды едва не записали нашего Мораддина?

— Ох уж эти заговорщики! — вмешался Веледор.— Вместо того чтобы изучать науки или, на

худой конец, искусства, молодые люди закрывают лица черными платками, собираются в каких-то подозрительных местах и толкуют о том, о чем не имеют ни малейшего понятия в силу их молодости и отменной глупости! Мой племянник, знаете ли, тоже этим увлекся. Мнит себя спасителем отечества и пыжится, а сам даже не способен дать определение сущности мирового эфира! — Философ осуждающе покачал головой, приглашая остальных разделить его негодование.

— Послушай, уважаемый Веледор, а как давно твой племянник связался с заговорщиками? — словно невзначай поинтересовалась Ринга, но по ее заблестевшим глазам было видно, что девушке пришла в голову какая-то мысль.

— Совсем недавно. До этого Ревенд был вполне приличным юношей, — сокрушенно вздохнул философ. — Учился у лучших наставников, и неплохо. А теперь и учебу забросил. Говорит, не время заниматься образованием, когда король разваливает страну! Явно племянник попал под чье-то дурное влияние! — горячо воскликнул он.

— Прости, Веледор, а с кем встречается твой племянник? — вежливо перебила философа Ринга. — Какие у них планы?

— Ревенд мне что-то говорил, да я не прислушивался, — отмахнулся ученый. — Все это детские игры, и ничего более. Хотя есть среди них и вполне взрослые приличные люди из знати. О чем они думают, позволяя мальчикам рассуждать на такие темы? — Внезапно философ побледнел и встревоженно взглянул на собеседников: — Но вы ведь

не донесете на Ревенда? Он, конечно, глупый мальчишка, но я не могу допустить, чтобы ему отрубили за это голову. Перед смертью мой брат просил меня позаботиться о сыне, и я хотел бы оправдать его доверие. В Каземате я ни словом не упомянул о моем племяннике: как я понял, эти звери не будут разбираться, кто настоящий преступник.

— Успокойся, уважаемый, — улыбнулся Морадин. — Ты забыл, что за нами тоже охотится стража.

— Да, действительно, — смутился Веледор. — Попрошу великодушно простить.

— Нам необходимо поговорить с твоим племянником, — с нажимом сказала Ринга. — В одном Ревенд прав: в столице действительно творится что-то неладное, и мы пытаемся в этом разобраться. Быть может, твой воспитанник сумеет помочь нам.

— Мне бы не хотелось, чтобы мальчик занимался такими делами, — вздохнул философ. — Гораздо больше пользы для юношества приносит учеба, чем участие в политике. Но моим спасителям я отказать никак не могу... Я непременно завтра же пойду домой и попрошу Ревенда встретиться с вами.

— Тебе нельзя идти домой, — терпеливо проговорила девушка. — После твоего побега из Каземата в доме тебя наверняка ожидает стража.

— Да, наверно, — расстроился ученый. — Я как-то не подумал об этом. А что же делать?

— Я пошлю Трима, и он приведет твоего племянника сюда, — решила Ринга. — Тем более что

ему тоже грозит опасность. Ревенда вполне могут арестовать как твоего сообщника.

— Какое ужасное время! — посетовал Веледор. — Ученый муж, вместо того чтобы заниматься изысканиями, вынужден сбегать из тюрьмы и прятаться, точно какой-нибудь разбойник!

Ринга грациозно поднялась с кресла и по-кошачьи потянулась всем телом.

— Вы как хотите, месьюры, а я иду спать, — сообщила рабирийка. — Сами знаете, в моем возрасте такие париклечения даются нелегко. — И, рассмеявшись, девушка легко выбежала из комнаты.

— В ее возрасте? — недоуменно покрутил головой Веледор. — Не сочтите вопрос бестактным, но сколько же госпоже лет?

— Я думаю, около сотни, — серьезно ответил Конан и, подумав, добавил: — Ну, может быть, девяносто восемь.

— Но это же невозможно! — с пылом вскричал его собеседник. — Согласно законам природы человек не может выглядеть столь юно в подобном возрасте!

— То человек, а то вампир-гуль, — пояснил киммериец.

— Но... Никаких вампиров не бывает, — как-то по-детски жалобно сказал философ.

— А ты спроси об этом Рингу, — хмыкнул варвар.

Веледор растерянно взглянул на Мораддина, но тот лишь развел руками: мол, я тебя очень уважаю, но против истины не пойдешь. Недоверие

на лице ученого сменилось печалью, и он вышел, что-то расстроено бормоча под нос. Конан тоже поднялся, намереваясь найти свободную кровать и хорошенько выспаться.

— Послушай, Конан, — остановил его Мораддин. — Это, конечно, не так важно, но мне хотелось бы знать... Серт сказал мне, что мой побег стоит тысячу золотых. Откуда у вас такие деньги?

— Не тысяча, а шестьсот, — поправил Конан и невольно ухмыльнулся. — Часть насобираала Ринга, продав свои драгоценности, а остальное достал я.

— Ограбил кого-нибудь? — помрачнев, вздохнул туранец.

— Почему сразу ограбил! — оскорбился варвар. — Я продал свой лотос.

— Лотос? — чуть не подпрыгнул Мораддин. — Откуда... Ты украл лотос в Дэлираме?! — Гном даже стукнул кулаком по столу в гневе от своей догадки.

— Не украл, а спас от бессмысленного уничтожения, — поправил друга Конан. — И, как видишь, правильно сделал.

Лицо Мораддина залила краска.

— О Эрлик, думал ли я, что доживу до такого позора! — воскликнул он. — Своим спасением я обязан проданным женским украшениям и украденному порошку лотоса!

— С тобой не поймешь, что для тебя позор, а что нет, — пробурчал Конан. — Я бы на твоём месте был поскромнее. Неужели нельзя хоть иногда вспоминать о благодарности?

— Ты не понимаешь,— печально сказал бывший гвардеец.— Туранский воин считает себя опозоренным, если воспользуется краденым, или если женщина продает из-за него свои вещи. Теперь моя честь погибла.— И Мораддин в отчаянии отвернулся.

Конан поглядел на друга и недоуменно пожал могучими плечами.

— До чего же некоторым людям нравится себя помучить,— пробормотал киммериец.— Сначала насочиняли себе запретов, а потом беспокоятся, как бы их не преступить. Честь не в том, чему ты обязан жизнью. Она в том, чтобы друга не предать, в бою не отступить. Ну да что попусту говорить!..

* * *

Ночью дождь прекратился, и под утро Бельверус затянуло плотным белесым туманом. Солнце отчаянно пыталось пробиться сквозь густую пелену и наконец торжественно засияло в чистом, словно вымытом дождем, голубом небе.

Трудолюбивая Сезия поднялась спозаранку, чтобы успеть приготовить завтрак для ночных гостей. Ингода молча спустилась на кухню и принялась помогать хозяйке. Ильма, напротив, первым делом занялась приведением в порядок себя и своего платья, которое серьезно пострадало после вчерашнего приключения. Мораддин и Веледор беседовали на ученые темы, сидя у очага. Серт, уже оправившийся от потрясения, пристро-

ился рядом, пытаясь время от времени вставить в их разговор очередную байку из тюремной жизни. Конан, не мудрствуя лукаво, просто отсыпался. Ринга ушла куда-то с самого утра, и на все вопросы о ней Сезия лишь улыбалась и разводила руками: мол, сами знаете, госпожа Ринга как ветер, на одном месте не сидит...

Рабирийка вернулась к обеду. Оказывается, она ходила в город разузнать последние слухи. Повсюду бурно обсуждали ночной побег из Каземата. Говорили, что сбежали чуть ли не десять узников во главе с самой королевой, что помогали им наемники-головорезы, число которых колебалось от двадцати до ста, в зависимости от воображения рассказчика.

Погоня будто бы ни к чему не привела, поскольку беглецы на быстрых, как ветер, конях умчались в сторону Офира, без сомнения, причастного к этой аванюре, каковую иначе чем плевром в лицо Немедии назвать нельзя. Теперь король, конечно же, объявит войну этим наглецам, которые суют нос в дела соседей. Так что можно чистить дедовское оружие и готовиться к войне, а цены на соль снова взлетят.

В Вертрауэне, куда рискнула заглянуть рабирийка, проявили гораздо большую осведомленность. Как выяснилось, сбежали из Каземата неизвестный иноземец, хладнокровно вырезавший всю семью почтенного вельможи, друга самого короля, и один из самых отъявленных смутьянов, выдававший себя за мирного философа. Снаружи их ожидал могучий человек варварского обличья,

который без труда порубил половину стражников, дав возможность скрыться своим сообщникам.

Были приняты суровые, хотя и несколько запоздалые меры. Приказы об аресте и смертные приговоры раздавались направо и налево. Стражники во главе с начальником, упустившие беглецов, уже находились на пути к Немедийским горам, где им предстояло охранять каторжников в самых глубоких и сырых шахтах. Караулы в Каземате удвоили, надзирателей сменили, а королеву лишили возможности получать с воли даже нитки для вышивания.

К вечеру Трим привел в дом Сезии еще одного гостя. Это был молодой человек, которому явно еще не исполнилось двадцати лет, чего он, видимо, очень стеснялся. Юноша был высокий и худой, с длинными руками и ногами, напоминавший большого неуклюжего щенка. Лицо его, нежное и румяное, как у девушки, чем-то походило на лицо Веледора.

— Дядюшка! — взволнованно закричал гость, бросаясь к философу и заключая его в объятия. — Как я счастлив видеть тебя вновь на свободе! Я так беспокоился за тебя!

— Позвольте представить вам моего племянника Ревенда, — сказал Веледор. — Этим людям, Ревенд, твой дядя обязан своей свободой и, если не ошибаюсь, жизнью.

Юноша обвел всех присутствующих — а присутствовали при этом Ринга, Конан и Мораддин — взглядом больших светлых глаз и прижал руки к сердцу.

— Вы благородные люди, месьоры, — срывающимся голосом заговорил он. — Но знайте: спасая месьора Веледора, вы спасали один из лучших умов Немедии, продвинувших нашу философию на сотню лиг вперед!

— Если меня поймают, эта мысль очень скрасит мои последние мгновения перед казнью, — не слишком вежливо пробормотал Конан.

— Ревенд, эти месьоры нуждаются в одной услуге, которую ты можешь им оказать, — начал было философ.

— Для твоих спасителей я готов на все! — горячо вскричал юноша, и его глаза заблестели.

— Ну, так много они не требуют, — успокоил Веледор. — Им всего лишь надо, чтобы ты свел их со своими друзьями... Ну, ты понимаешь, о каких друзьях я говорю. Ты знаешь, я не одобрял и не одобряю твоих увлечений, но на этот раз ты можешь не считаться с моим мнением.

Лицо Ревенда покрылось жарким румянцем, брови сдвинулись, а кулаки сжались.

— Дядюшка! — срывающимся голосом заговорил юноша. — Я очень уважаю тебя, но эту просьбу я не выполню никогда! Как ты можешь просить своего племянника совершить предательство! Что сказал бы мой отец...

— Да оставь ты в покое моего бедного брата, — поморщился Веледор и вздохнул. — Госпожа Ринга, прошу тебя, объясни этому глупому мальчишке, для чего вам понадобилось встречаться с его не более умными друзьями.

— Конечно, уважаемый, — кивнула девушка.

Конан со скучающим видом отвернулся. Такие сосунки, изъяснявшиеся сплошь восклицаниями и поминутно красневшие, наводили на него тоску.

Сам он вел себя иначе даже в пору ранней юности, а в Киммерии, между прочим, юность обычно заканчивается лет в четырнадцать.

Ринга что-то мягко и настойчиво втолковывала Ревенду, напоминая умелого наездника, который объезжает молодого жеребчика. Вскоре глаза юноши перестали метать молнии, кулаки разжались, лицо приняло спокойное выражение, что с ним, по-видимому, случилось нечасто.

— Конечно, госпожа Ринга, мой долг — помочь вам, — согласился юноша. — Мы, как и вы, печемся лишь о благе Немедии, и здесь наши интересы пересекаются. Мои друзья будут в восторге от того, что я привел таких знающих людей и... — Ревенд с уважением посмотрел на Конана, — таких хороших бойцов.

— Как же, стану я драться за твоих приятелей-заговорщиков, еще чего не хватало, — проворчал Конан, отворачиваясь. У него и в мыслях не было положить жизнь за каких-то недоумков.

Тут в комнату легкой походкой вошла Ильма. Увидев нового мужчину, она быстрым движением поправила прическу, на которую потратила половину дня, и с кокетливой улыбкой прошла мимо юноши, повиливая округлыми бедрами. Но Ревенд, занятый своей важной миссией посредника между двумя тайными обществами, не обратил на девушку никакого внимания. Ильма разо-

чарованно пожала плечами и подошла к Веледору. Философ тут же отвернулся от племянника и засуетился, пододвигая девушке стул и усаживая ее поближе к очагу.

— Как хорошо, что вы прислали за мной именно сегодня, — возбужденно говорил Ревенд. — Завтра мы встречаемся в доме одного из наших людей, чтобы обсудить дальнейшие действия. Туда-то я вас и приведу! — Юноша сиял, словно только что придумал удачный план сражения.

— Пойдете только вы с Конаном, — сказала Ринга, посмотрев на Мораддина. — Думаю, мне не стоит туда соваться. Если я встречу там знакомого, могут быть неприятности. Я ведь всегда слыла сторонницей Нимеда, и мое появление в стане недовольных королем может насторожить их, — добавила девушка, понизив голос, чтобы ее не услышал племянник философа.

— Месьор Конан и месьор Мораддин? — обрадовался Ревенд, глядя на них, как на родных братьев, потерянных десять лет назад и вновь обретенных. — Конечно, наши будут рады вам! — При этом юноша невольно повернулся к Конану, видимо сомневаясь, что его друзья с восторгом примут какого-то коротышку с лицом заурядного горожанина. Потом Ревенду пришла в голову еще одна мысль: — А может, мы возьмем с собой дядю? Он представит вас как своих спасителей, это внушит к вам большое доверие. Его все уважают... Дядюшка, ты пойдешь с нами?

— Что?... А... Да... Не знаю... — рассеянно ответил философ, который в это время втолковывал

Ильме основные положения одной из своих любимых научных теорий. Ильма старательно кивала.

— Я думаю, наш новый друг не откажется сопровождать Конана и Мораддина,— улыбнулась Ринга.

— Да, конечно,— нетерпеливо отмахнулся Веледор и, вдохновляемый взмахами длинных ресниц Ильмы, начал пересказывать свой последний трактат.

Из кухни выглянула Сезия.

— Ужинать! — позвала она, добродушно улыбаясь.

Знакомые с непревзойденным умением Сезии готовить, гости не заставили себя упрашивать. В комнате остался один Ревенд, растерянно озиравшийся вокруг и не знающий, что ему делать. Из кухни вышла Ингода и, увидев топтавшегося на месте юношу, улыбнулась.

— Что же ты стоишь? — сказала она.— Ужин стынет.

— Но... Меня не приглашали, и вообще... — промямлил Ревенд.

Немногословная Ингода подошла и просто взяла его за руку.

— Ужин стынет,— повторила девушка, и племянник философа покорно пошел за нею.

Глава шестая

Неподалеку от столичной резиденции немедийских королей, подальше от изобиловавших крысами и нищими окраин Бельверуса, располагался богатый квартал, метко прозванный в народе Золотым. Здесь обитали преимущественно знатные люди: придворные вельможи, военачальники, верховные священнослужители и просто состоятельные прожигатели жизни и отцовских денег. Каменные особняки, один другого больше и кичливее, призваны были подчеркнуть величие хозяина. По фасадам зданий, везде, где только можно, были наляпаны гербы владельцев и огромными буквами выведены их родовые девизы. По бокам парадных входов на посетителей скалились драконы, медведи, львы, мантикоры и прочая нечисть, долженствовавшая внушить почтение перед хозяевами. Окна были украшены затейливыми витражами, дабы доказать даже случайному прохожему, что живущие в доме ценят искусство. Из палисадных

доносился запах диковинных растений: садовники не зря ели свой хлеб, да других здесь и не держали. Словом, всякий чужак, зашедший сюда, должен был остро ощутить свое ничтожество и поскорее убраться восвояси.

Правда, четверо людей, шедших по мощеным улицам Золотого Квартала, по-видимому, не спешили падать ниц и лобызать каменные лапы привратных львов. Они равнодушно проходили мимо роскошных зданий, богатых карет, суровых слуг, разряженных дам... Впрочем, на дам один из них, мускулистый черноволосый гигант с мечом в заплочных ножнах, обращал внимание, но отнюдь не почтительное.

Под острым взглядом его голубых глаз дамы невольно краснели, словно ощущая шорох стягиваемого с них платья. Идущий следом за гигантом коротышка казался вырезанным из дерева — до того бесстрастным было его лицо. Сопровождавшие их юноша с пламенным взглядом и средних лет мужчина, который задумчиво шевелил губами, выглядели вообще существами не от мира сего.

На самом деле Конан рассматривал жен и дочерей вельмож лишь для того, чтобы хоть немного скрасить предстоящий визит к пресловутым заговорщикам. Он уже успел побывать во многих странах, и везде знать была надутая и спесивой до невозможности. Каждый владелец полуразвалившегося грязного замка и полусотни заморенных голодом крестьян считал своим долгом выразить пренебрежение безродному варвару. Даже

знакомство с мечом или кулаком киммерийца не всегда могло выбить из знатных ослов их врожденное самомнение. Поэтому у Конана даже сводило скулы от мысли, что сейчас ему придется встретиться с очередными представителями высшего сословия и терпеть их косые взгляды. Особенно удручало, что при этом нельзя будет слегка побивать с них спесь: перед выходом Ринга недвусмысленно объяснила варвару, как он должен себя вести.

Ревенд торопливо шел рядом с киммерийцем, стараясь подладиться под его широкий шаг. Конану казалось, что по лицу юноши любой распознает, что они идут на тайное сборище. Ревенд непрерывно оглядывался, вытягивая шею, рыскал взглядом по переулкам и шарахался от попадавшихся навстречу конных гвардейцев, которые патрулировали Золотой Квартал с похвальной и невозможной в других районах города тщательностью. Под полой плаща племянник философа прятал неведомо как попавший к нему кхитайский кинжал. Конан подозревал, что Ревенд собирается торжественно воткнуть его себе в сердце в случае ареста. О другом предназначении оружия юноша явно не имел понятия, так же как и его дядюшка. Почтенный философ, погруженный в думы, что-то бормотал, иногда размахивал руками и постоянно отставал от своих спутников. Похоже было, что он мысленно читает лекцию, а об истинной цели их пути уже успел прочно забыть.

Проходя мимо какой-то лавки, Конан обратил внимание на небольшую толпу, в середине кото-

рой кого-то били. Каждый хриплый вскрик жертвы зрители встречали одобрительным гулом. До Конана долетел жалобный призыв о помощи, за которым последовала новая порция ударов. Мораддин напрягся и нерешительно посмотрел в ту сторону.

— Охота тебе ввязываться? — пробурчал Конан, разгадав намерение друга. — Еще и тебе всыплют.

— Не люблю, когда несколько человек нападают на одного, — сухо ответил туранец и поморщился. — Трусов и подлецов надо ставить на место.

Тут на Конана сзади налетел Веледор, задумавшийся и не заметивший, что его спутники остановились.

— Что, уже пришли? — добродушно спросил философ, оглядываясь вокруг.

— Нет, дядюшка, — терпеливо сказал Ревенд и встревоженно взглянул на Конана. — Что-то случилось?

— Мораддин давно никого не спасал, у него руки чешутся, — не слишком вежливо пояснил варвар.

Тут избиваемый издал особенно жалостливый стон, призванный смягчить каменные сердца истязателей. Туранец решительно вошел в толпу и пробился в самую середину.

— Что тут происходит, люди добрые? — нехорошим голосом поинтересовался Мораддин. — За что человека уродуете?

— Так он, мразь грязная, булку у месьора Эмирали украл, — зло проговорил человек в поварском колпаке и плюнул в сторону вора.

Месьор Эмирали, владелец лавки сладостей, с достоинством покачал головой и сцепил пухлые пальцы на животе, собираясь досмотреть избивание до конца.

— Я... очень есть хотел... — невнятно произнес распухшими окровавленными губами обвиняемый. Это был нищий, заросший бородой и в грязных отрепьях, тощий, как бродячий пес. При взгляде на него охотно верилось, что он изголодался настолько, что презрел опасность и решился на воровство.

— И вы за простую булку собираетесь лишить человека жизни? — холодно поинтересовался гном-полукровка, опасно блеснув глазами.

— Э, как это за простую?! — возмутился Эмирали. — Там, между прочим, изюм был, корица опять же, миндаль, и булка была не обычная, а в форме сердца...

— Да хоть в форме ягодиц! — рявкнул Мораддин. — Отпустите этого человека, я заплачу за булку.

— Мне денег не надо, я за справедливость! — гордо отвечивал хозяин лавки, поддержанный одобрительными выкриками горожан.

Мораддин открыл было рот, собираясь что-то сказать, но его перебил срывающийся от возмущения юношеский голос.

— Какая справедливость? — закричал Ревенд, возбужденно размахивая руками. — Разве вам доступна простейшая справедливость? Унижая и избивая голодного человека, вы тем самым ставите себя на одну ступень с животными. Опомнитесь,

люди! Где же ваша доброта, милосердие? Даже Митра велел делиться с обездоленными! Хотя ваш Митра не более чем суеверие!.. Ученые мужи Тарантии и Бельверуса давно доказали, что...

— Он кощунствует! — в ужасе вскричал кто-то в толпе. — Против Подателя Жизни наговаривает!

— Ах ты, чернокнижник поганый!

— На костер захотел?!

— Вызовите стражу, мы богохульника поймали!

— Держи гаденыша! Бей его!

Горожане зашумели, заулюлюкали. О нищем уже позабыли, предвкушая новую забаву. Воспользовавшись этим, бродяга быстро юркнул мимо месьора Эмирала и смешался с толпой.

— Но... Подождите! Я не против Митры, я чту ваши верования! — надрывался Ревенд, но его никто не слушал.

Те, кто намеревался лишь посмотреть, отодвинулись от юноши, очищая пространство для наиболее яростных поборников религии. Ими оказались четверо или пятеро дюжих парней с внушительными мясницкими ножами и дубинками в руках.

Внезапно свистнул извлеченный из ножен меч и опасно закачался, острое его нацелилось в грудь ближайшего почитателя Митры.

— Еще шаг — и я выпущу тебе кишки, — спокойно сообщил Мораддин верзиле.

— Хе! — пренебрежительно сказал тот, обманутый мирной внешностью туранца и его небольшим ростом. Поддерживаемый выкриками из толпы, верзила сделал еще шаг к Ревенду — и, взыв

от боли, рухнул навзничь, подняв облачко пыли. Из-под его тела побежали ручейки крови, скапливаясь в углублениях между камнями мостовой.

Дружки верзилы попятись. Над толпой повисло гробовое молчание, прерванное истерическим криком:

— Убили! Бунтовщики Стора убили! Что ж это делается?!

По опыту Конан знал, что этот выкрик обычно предшествует большому побоищу. Отшвырнув с дороги пару зевак, киммериец пробился к спутникам и встал рядом с Ревендом, недвусмысленно помахивая клинком. Сбоку пристроился философ, дреисполненный решимости не бросать племянника в беде. По счастью, более опытный, нежели юноша, в общении с народом, Веледор молчал.

Защитники Митры заколебались еще больше, увидев, что противников уже четверо.

— Немедийцы, мы что, позволим этим чужакам над собой измываться? — раздалось из толпы.

— Бейте их, негодяев!

— Давайте, парни, смелее!

Поддержанные выкриками сограждан, парни двинулись на врагов. За ними пошли самые сознательные из зрителей, решившие поддержать бойцов не только словесно.

— Надо сматываться. Слишком их много, — со знанием дела сказал Конан. — Давай, Мораддин!

Киммериец и гном кинулись на вооруженных парней как на самых опасных противников. Те неумело попытались сопротивляться, замахива-

ясь на Конана и его спутников дубинками и стараясь пырнуть их ножами. Конечно, трудно ожидать от простых горожан знания того, что против мечей нож и дубинка ничего не стоят, но все-таки Конан надеялся, что у них больше здравого смысла. Варвару и туранцу пришлось убить и покалечить пятерых, пока остальные сообразили, что дело пошло не так, как они рассчитывали, и устроить на забаву избиение странных чужаков не удастся. Толпа поспешно раздалась в стороны, избегая встречи с безжалостными мечами Конана и Мораддина. Под защитой их оружия почтенный философ тащил за руку своего незадачливого племянника. Ревенд, уже осознавший, что его горячие слова сограждан не убедят, угрожающе выставил перед собой кинжал.

Вырвавшись из толпы, Конан и его товарищи свернули в ближайший проулок. Впрочем, преследовать их никто не собирался. Вдали раздавался стук копыт конной стражи, и участники столкновения сами спешили убраться восвояси, по опыту зная, что стражники не станут разбираться, кто прав, а кто нет. В Золотом Квартале мелкому люду: лавочникам, слугам, ремесленникам — нечего было рассчитывать на снисходительность слуг порядка.

Конан засунул меч в заплечные ножны и сердито взглянул на Мораддина.

— Я же говорил, не ввязывайся! — буркнул он. — Учю тебя уму-разуму, учу, а толку никакого... Добро бы этот молокосос полез, а тебе в твоём возрасте такая дурь не к лицу.

В ответ гном лишь молча пожал плечами, давая понять, что остается при своем мнении.

— Позволь поблагодарить тебя, Конан, и тебя, Мораддин, за то, что не дали этим людям обидеть моего племянника, — мягко произнес Веледор. — Но, друзья мои, мне все же кажется, что не стоило убивать их, ибо они не виноваты в своем невежестве. Увы, мои сограждане темны и жестоки, но брать на себя бремя смертоубийства...

— А мы что, должны были им поклониться и вежливо попросить убраться с дороги? — поинтересовался Конан. — Нет уж! Если кто против меня оружие обнажил — пусть получает сполна. Жизнь у меня всего одна, и я намерен еще ею попользоваться. Знавал я одного жреца Митры в Шадизаре, тоже все толковал о мире да о братстве, оружия не носил. Ну и что? Пристукнул его какой-то бродяга за пару монет. И кому от этого стало легче? Я не разбойник, на мирных людей не нападаю. Но если кто-то встанет мне поперек пути — я удар смягчать не стану!

— Какая варварская сила! — восхитился Веледор, выслушав речь киммерийца. — Поразительно!

Вдруг кто-то тихо тронул Мораддина за локоть. Он обернулся. На него смотрели темные глаза давешнего бродяги.

— Благодарю вас, месьоры, — печально произнес нищий, вытирая сочившуюся из губы кровь. — Вашему вмешательству я обязан своей жизнью. Увы, мне нечем отблагодарить вас, кроме слов признательности...

Конан дружески хлопнул Мораддина по тощему плечу.

— Ничего, парень,— дружелюбно заметил варвар.— Хотя это и не я затеял, но хорошо, что мы проучили это шакалье отродье. А ты, уж если взялся воровать, так смотри в оба. Тут с налета не возьмешь, хитрость и осторожность нужны. Эти лавочники уж если вора поймают, живьем не отпустят. Хуже зверей, видит Кром!..

— Просто они не знают, что такое голод,— тихо сказал бродяга, и губы его искривились.— Я тоже не знал до недавнего времени. О Митра, если б тогда кто-то мне сказал, что я украду булку у ничтожного торговца, я велел бы бросить его в Каземат как порочащего честь монарха!

Конан и Мораддин переглянулись. Все было ясно: бедняга не выдержал ударов судьбы, которая довела его до нищеты, и спятил. Такое случалось нередко. По дорогам бродили толпы блаженных, тронувшихся умом от горя, голода или болезней. Их жалели, слушали их невнятные рассказы и давали кусок хлеба. Даже стража и разбойники не трогали несчастных: убить дурачка считалось тяжким грехом. Были и такие, что считали себя посланцами богов, королями созданной их больным воображением страны или могучими чародеями. Этих особенно любили мальчишки, которые бессердечно издевались над бедолагами, встречая взрывами хохота угрозы испепелить их молнией или послать на виселицу.

Ревенд с жалостью посмотрел на нищего и, порывшись в карманах, вытащил несколько мед-

ных монет и вручил ему. Бродяга зажал деньги в грязной и исцарапанной ладони.

— Благодарю, месьор,— глухо проговорил он.— Ты спас от голодной смерти короля Немедии.

Сзади послышались крики, свист хлыста и ругань гвардейцев, разгонявших зевак. Нищий втянул голову в плечи и торопливо юркнул в ближайший переулок. Видно, ему уже доводилось встречаться со стражами порядка, и он не хотел повторения. Конан и его спутники ускорили шаги.

— Странный человек,— произнес Веледор.— Выглядит как оборванец, а разговаривает как образованный человек.

— Ах, дядюшка, мало ли образованных людей в наше время становятся оборванцами? — вздохнул Ревенд.— А ты еще говоришь, что я и мои друзья занимаемся глупостями. Позор такой державе, где порядочные благородные люди вынуждены погибать с голоду!

Мораддин шел молча, что-то обдумывая. Потом он повернулся к философу.

— Веледор, а ты хорошо знаешь в лицо короля Нимеда? — неожиданно спросил гном.

— Все его знают,— удивился философ.— Он часто проезжает по городу верхом. Однажды он даже соизволил посетить одного из наших друзей, барона Редигия, и мы удостоились чести беседовать с ним. Очень, знаете ли, рассудительный молодой человек!

— Этот нищий случайно не был похож на короля? — как бы между прочим поинтересовался Мораддин.

— Да что ты! — еще больше удивился Веледор. — Ничего общего. Король высокий, почти как Ревенд, светловолосый, черты такие правильные — в королеву-мать пошел, она у него красавица была. А этот чернявый, роста среднего, глаза темные — нет, совсем не похож! — Ученый муж растерянно посмотрел на туранца. — А позволь узнать, почему ты спросил?

— Просто так, — отозвался Мораддин. — Просто так...

* * *

— Прошу вас пройти со мной, месьоры.

От неожиданности Конан вздрогнул и оглянулся. Позади него в арочном проеме стоял щегольски одетый молодой человек и снисходительно глядел на него и Мораддина.

— Ну наконец-то, — буркнул киммериец.

После стычки возле лавки Конан со спутниками еще поплутали по кварталу знати. Потом Ревенд, краснея и запинаясь, попросил их подождать здесь, поскольку он не имеет права привести их прямо в дом, где собирались его друзья, хотя сам, безусловно, Конану и Морадину доверяет... Киммерийцу надоело слушать бормотание юноши, и он согласился постоять на площади возле какого-то фонтанчика, пока Ревенд сходит к заговорщикам за указаниями.

Вскоре юноша вернулся, красный и запыхавшийся: боясь обидеть своих спутников отсрочкой, он бежал всю дорогу. С ним пришел какой-то человек и непререкаемым тоном заявил, что вы-

нужден завязать месьору Конану и месьору Морадину глаза, нисколько не желая их тем унижить, а лишь для того, чтобы сохранить тайну местонахождения дома. Гном пожал плечами и безропотно дал завязать себе глаза черным платком. Конан, развлекаясь, посомневался в чистоте предложенного ему платка, повозмущался необходимостью оставить меч при входе и, доведя заговорщика до белого каления, милостиво позволил завязать глаза и себе.

Киммериец чувствовал себя чрезвычайно глупо, бредя по улице с завязанными глазами и навалинутом на лицо, чтобы скрыть повязку, капюшон плаща, держась при этом за руку Ревенда. Его утешало лишь то, что Мораддин в таком же положении. Их еще немного поводили по улицам, чтобы запутать; потом заскрипела тяжелая входная дверь, и их предупредили, что сейчас будут ступени, но Конан все равно споткнулся и помянул Нергала. Наконец киммерийцу и гному сняли повязки.

Они находились в небольшой комнате сбоку от парадной лестницы. Полукруглые арочные проходы вели из нее, один — к лестнице, другой — в глубь дома.

В комнате стояли лишь стол со стулом да большое бюро из темного дуба: судя по всему, здесь работал личный писец хозяина. Конана и Мораддина оставили одних, а Ревенда и мэтра Веледора увели, видимо, туда, где и пребывали таинственные противники короля. Правда, за гостями все же присматривали: Конан слышал на

лестнице чьи-то голоса, обсуждавшие достоинства и недостатки полуторного меча по сравнению с двуручником.

В ожидании, пока заговорщики вдоволь насмешаются и прозовут их, киммериец принялся рассматривать бюро, поскольку больше в комнате рассматривать было нечего. На его поверхности были затейливо вырезаны различные животные, их черные бока и выпуклые морды блестели при свете масляной лампы. Конан наклонился и, удивляясь мастерству резчиков по дереву, провел пальцем по гладко отполированному лбу быка, в нос которого даже было вставлено крошечное медное колечко. Тотчас внутри бюро что-то щелкнуло, и один из ящичков выскочил наружу. Конан растерянно посмотрел на него, не понимая, что произошло.

— Закрой, а то подумают, что мы собираемся копать в их бумагах,— посоветовал Мораддин.

Конан легко нажал на ящичек, но тот не поддавался. Киммериец нажал сильнее — ящик со скрипом проехал внутрь на длину пальца, но, как только Конан отпустил его, бодро выпрыгнул обратно. Северянин ругнулся — это не помогло. Тогда он яростно надавил на непокорный ящик со всей силы — внутри снова что-то щелкнуло, и ящичек, словно потеряв упор, легко закрылся.

— Кром! Кажется, сломал! — повинулся киммериец.

Тут-то и явился посланец заговорщиков, пригласивший северянина и гнома к остальным. Следуя за юношей через анфиладу богато обстав-

ленных и роскошно отделанных комнат, Конан тихо злился.

Казалось, сама спина юноши выражала пренебрежение к странным гостям. То и дело поправляя унизианными перстнями пальцами пышные кружевные манжеты, выпущенные из рукавов бархатной куртки, молодой человек даже не оглядывался на идущих за ним людей, словно это было ниже его достоинства.

«Попался бы мне этот цыпленок в укромном месте, я бы живо с него кружева-то пообдирал» — мстительно думал киммериец. Проведя уже немало лет в цивилизованных странах, Конан так и не научился признавать привилегии высокородных. Для него имели вес лишь те заслуги, что человек завоевывал сам, а славные деяния предков и высокий титул для него ничего не значили. Именно за это многие презрительно именовали его варваром. Впрочем, сам киммериец не усматривал в этом ничего обидного.

Наконец Конан и Мораддин в сопровождении шеголеватого юноши вступили в небольшой зал, предназначенный, судя по водруженному в середине тяжелому столу, для совместных семейных обедов.

Сейчас на столе не было приборов, окна закрывали плотные гардины, и вставленные в высокие канделябры свечи освещали четверых человек, расположившихся в креслах у камина. Один из них, Веледор, подслеповато щурился на вошедших. За его креслом стоял Ревенд, радостно улыбаясь Конану и Морадину.

— Я привел их, отец,— сообщил юноша и насмешливо покосился на стоявших рядом людей.

Конан нахмурился. Лицо гнома осталось бесстрастным: туранца не могли взволновать вольности какого-то мальчишки.

— Хотя на это ты способен, Агритас,— ответил один из сидевших у камина, и в голосе его невольно проскользнуло давнее недовольство сыном.

Юноша изобразил на полных губах пренебрежительную усмешку и уселся верхом на стуле, будто нарочно показывая стройные, обтянутые узкими штанами ноги.

— Месьор Веледор рассказал нам о вашем дерзком побеге из Каземата, месьоры,— заговорил отец Агритаса, даже не предложив гостям сесть.— Хотя это и выдающийся поступок, но одного этого мало, чтобы мы доверились вам, месьоры. Поэтому мы не будем называть вам своих имен. Также в случае, если мы заподозрим в вас согладатаев, мы оставляем за собой право применить к вам силу.

«Ничего себе, любезная встреча!» — мелькнуло в голове Конана, но, повинуясь предостерегающему взгляду гнома, он промолчал. Так же молча киммериец придвинул к себе свободный стул и развалился на нем, мрачно поглядывая на вельмож. Поколебавшись, Мораддин тоже сел.

Конан весьма смутно представлял себе, зачем они пришли сюда. Переговоры должен был вести Мораддин, следуя указаниям Ринги. Девушка и туранец долго обсуждали предстоящую встречу, да Конан не очень прислушивался. Кажется, ра-

бирийка хотела выяснить, что известно этим заговорщикам и что они замышляют. Киммерийцу же все это казалось полной ерундой и совершенно, по его мнению, не могло помочь им разобраться, что произошло с королем.

— Досточтимые месьоры,— спокойно заговорил Мораддин.— Думаю, нам нет смысла представляться, поскольку вы уже знаете наши имена.

При этих словах Ревенд густо покраснел и виновато взглянул на туранца. Но тот не обратил на это внимания и продолжил:

— Не буду отнимать у вас драгоценное время и перейду сразу к делу. Мы прибыли к вам с поручением от некоего тайного, как и вы, сообщества.— Слова «как и вы» Мораддин подчеркнул, словно намекая, что уже связан с присутствующими здесь общим секретом.

— Тайного сообщества? — недоверчиво переспросил один из заговорщиков, пожилой седобородый мужчина.— Ревенд ничего об этом не говорил, он обещал привести лишь двоих желающих вступить в наши ряды.— Он устремил на юношу пронизывающий взгляд.

— Э... Ну... — промямлил Ревенд, не зная, что лучше: соврать в угоду Морадину или выразить недоумение.

— Мы, как и вы, бережем свои тайны, поэтому не раскрыли Ревенду всего,— спас положение туранец, и племянник философа торжествующе поглядел на седобородого вельможу.

— И что же вы хотите? — поинтересовался третий вельможа, молодой, с суровым лицом воина.

— Нам, как и вам, не нравится существующее положение в стране,— сказал Мораддин.— Мы предлагаем объединить усилия в борьбе против той силы, что разваливает Немедию к вящей радости Аквилонии, Офира и Кофа.

«Складно болтает! Точно судья!» — уважительно подумал Конан о своем друге.

— Хм, ты, месьор, как я вижу, иностранец. Почему же ты так заботишься о чужой родине? — в упор спросил седобородый.

— Я вырос здесь, в Бельверусе, и не считаю эту страну чужой,— с достоинством ответил гном.— Я сын туранского купца, осевшего в вашем гостеприимном городе еще до моего рождения. И благо Немедии значит для меня не меньше, чем благо земли моих предков.

Конан начал было лихорадочно придумывать, где вырос он сам и чей он сын, но никто не интересовался его семьей. Видно, киммерийца здесь считали не более чем телохранителем его низкорослого и красноречивого спутника.

— И каким образом вы собираетесь помочь нам? — высокомерно спросил отец Агритаса, словно не услышав того, что гном предлагал не помощь, а сотрудничество.

У Мораддина был готов ответ и на этот вопрос: они с Рингой не зря продумали всю предстоящую беседу до мелочей.

— К нам примкнули люди простые, но решительные,— спокойно сказал туранец.— У нас есть крепкие руки и оружие, но не хватает человека, который имел бы четкий план и смог бы руково-

дить нами. Мы надеялись, что у вас уже есть план действий, который мы готовы воплотить.

Эти слова вызвали заметное оживление среди заговорщиков. Склонившись друг к другу, они начали совещаться.

«Ринга верно рассчитала,— усмехнулся про себя Мораддин.— Эти месьоры совсем не хотят рисковать своей шкурой ради процветания страны и крайне нуждаются в послушных исполнителях, которых не жаль послать на смерть».

— Ох, ну и тоска! — протянул Агритас и тщательно взбил кружева на рукаве.— Ревенд, ты идешь завтра со мной? Кассор и Ликас будут биться на кулаках. Я поставил на Ликаса, а ты?

Ревенд с ужасом взглянул на него: как можно обсуждать такую ерунду, когда решается судьба Немедии!

— Нет, тут все прямо помешались на этом заговоре! — развязно произнес сын хозяина.— Строят какие-то пустые планы относительно короля, носятся с этим мальчишкой...

— Агритас! — угрожающе проговорил отец юноши.— Придержи язык, а то велю выпороть, как конюха, и даже твоя мать меня не уговорит!

— А что я такого сказал? — пожал плечами юноша.— Как будто эти двое не знают, что во всем виноват король Нимед и его надо убрать.

— Своим умом ты, Агритас, пошел в моего тестя. Слава Митре, его отправили в Каземат, туда старику и дорога,— процедил хозяин дома.

— Мальчик прав, Нел,— примирительно заметил седобородый.— Раз уж мы решили воспользо-

ваться помощью этих людей, надо объяснить им что к чему.— При этом говоривший невольно бросил пренебрежительный взгляд в сторону гостей.

— Я против! — решительно возразил молодой.— Если мы будем рассказывать о наших замыслах первым встречным, скоро все окажемся там, где сидит твой уважаемый тесть, Нел.

— Но позвольте,— вмешался Веледор, до этого безучастно сидевший в своем кресле,— эти люди не побоялись пойти против власти, организовали побег из самого Каземата, спасли жизнь мне и моему племяннику, а вы отзываетесь о них, словно о каких-то бродягах! Мне казалось, они вполне заслуживают вашего уважения и доверия! — Ученый оскорбленно посмотрел на молодого вельможу и, нахохлившись, отвернулся к камину.

— Ты преувеличиваешь, мой друг,— поддержал Веледора отец Агритаса.— В любом случае мы должны или довериться им, или убить. Мы только что решили остановиться на первом.

Слыша, как какой-то надутый придворный равнодушно рассуждает о его смерти, Конан почувствовал холодное бешенство. Он уже открыл было рот, но Мораддин предусмотрительно наступил ему на ногу и быстро заговорил сам.

— Я несказанно рад, что мы пришли к взаимному согласию. И, раз уж вы решили принять нас под свое крыло, хотелось бы узнать, каким образом вы намерены действовать.

— Действовать будете вы, мы будем руководить,— сухо сказал Нел.— Но вы, конечно, имеете

право знать, к чему мы стремимся. Король Нимед был умелым правителем, но сейчас, к нашему общему сожалению, лишился рассудка и творит невообразимое.— По лицу хозяина дома было не видно, чтобы он хоть сколько-нибудь сожалел об этом.— Если мы позволим ему и дальше действовать в том же духе, он изведет немедийскую знать, развалит армию, восстановит против себя народ, и наша страна станет легкой добычей для соседей.

— Истинная правда! — горячо воскликнул человек, названный Шестопером.— В войсках творится невообразимое! Половина солдат пребывает в растерянности, другая половина возмущена, особенно после казни военачальника Хертена. К тому же им уже целую луну не выплачивают жалованья! А между тем разведка доносит, что Аквилония спешно готовится к войне.

— Собственно, вы это и сами знаете, иначе не создали бы общество недовольных и не пришли бы сюда,— продолжил Нел.— Ясно, что король должен быть отстранен от правления страной. Есть несколько путей к этому, и сейчас мы тщательно обдумываем каждый из них.

— Позвольте узнать, кто же будет править вместо Нимеды? — осторожно осведомился Мораддин.— Может, королева Рэлея?

— Женщина, даже такая, как наша королева, не может управлять державой,— холодно произнес пожилой вельможа.— Она может лишь на время занять трон, пока не отыщется достойный правитель. Конечно, править она сможет лишь при

помощи достойных и знающих людей. Но вы не беспокойтесь, у нас есть претендент на престол, чьи права полностью законны и который будет с восторгом принят народом. Пусть этот вопрос вас не тревожит.

Гном кивнул, словно соглашаясь.

— Дорогой брат, я думаю, на сегодня достаточно, — повернулся к седобородому Нел, бесцеремонно давая понять, что беседу с новобранцами пора заканчивать, и сурово взглянул на Конана и Мораддина. — На днях мы окончательно решим, как избавиться от Нимеда, — с грубой откровенностью сказал хозяин дома. — Тогда вы нам и понадобится. Ревенд известит вас обо всем. Помните, если мы заподозрим предательство с вашей стороны, вы лишитесь жизни прежде, чем мы войдем в Каземат.

— К слову сказать, мы очень быстро оттуда выйдем. Король не решится казнить нас, — добавил его товарищ.

— Было очень приятно познакомиться с вами, месьюры, — равнодушно отдал дань вежливости брат Нела, а Шестопер лишь снисходительно кивнул на прощание.

Первое, что сделал Мораддин после того, как провожатый развязал им глаза на той самой площади, откуда начинался их путь в неведомый особняк, так это похвалил Конана за сдержанность и благоразумие.

— Мы, конечно, могли показать этим высокомерным ослам, что не все готовы пасть ниц при виде их надутых физиономий, — утешал туранец

варвара, — но тогда мы провалили бы все дело, а Ринга так на нас рассчитывала!

— Да, эти месьюры вели себя крайне невежливо, — осуждающе покачал головой Веледор. — Я всегда недолюбливал нашу знать за эту спесь. Видели бы вы их сынков, которые пишут с ошибками, и при этом осмеливаются дерзить почтенным, убеленным сединами старцам! Твои, между прочим, дружки, вроде этого Агритаса. — Философ сердито взглянул на поникшего Ревенда.

— Не знаю, чем мы помогли Ринге, выслушав от этих индюков уйму пустых слов, которые я с удовольствием забил бы им обратно в глотку! — проворчал Конан.

— Пустых? — переспросил Мораддин. — Не скажи... Ринга разберется. Таких умных женщин, как она, я еще не встречал! — Последняя фраза гнома прозвучала несколько более восторженно, чем ему хотелось бы.

— А, вот она и тебе голову вскружила, — хмыкнул киммериец, почувствовав неожиданно для себя укол ревности. — Смотри, использует она тебя в своих интересах, а потом бросит. Ей не впервой.

Мораддин ничего на это не ответил, лицо его вновь стало бесстрастным.

Ринга внимательно, со всеми подробностями выслушала рассказ туранца о встрече с заговорщиками.

— Вот, значит, как, — задумчиво проговорила девушка. — Возглавляют заговор Корелиус Салмонский, его сын Агритас, его двоюродный брат

Готаро, казначей Его Величества, и герой Лезенской битвы Ионан по прозвищу Шестопер. Они зломышляют против короля. И, самое главное, сын Нимеда у них!

Глава седьмая

я говорю, переоденемся гвардейцами, и нас запросто пустят во дворец! — горячился Серт, забыв даже допить свою кружку с домашним вином, запасы которого у гостеприимной Сезии порядком истощились за последние несколько дней.

— И что же ты, уважаемый, будешь там делать? — ехидно спросил Веледор.

— Доберемся до короля, а там посмотрим! — не сдавался бывший тюремщик.

— А я считаю, что надо довериться Корелиусу! — упрямо твердил Ревенд. — Да, он человек надменный, но благородный!

— Как же, знаем мы этих благородных! — вставила Ильма. — Постыдились бы ребенка красть, изверги!

— Надо во дворец, схватить этого самозванца! — подхватил Серт.

— Отец, но месьор Веледор тебе уже объяснял, что это невозможно, — терпеливо сказала Ингода.

— Все равно, это лучший план! — упрявился надзиратель.

Бесконечные споры, продолжавшиеся уже три дня, ужасно раздражали Рингу. Каким образом невольным обитателям дома Сезии стали известны все тайны рабирийки и ее помощников, одному Митре ведомо. Каждый клялся, что никому ничего не говорил, но все как-то узнали, что Ринга не сомневается, будто короля подменили; все узнали, зачем Конан и Морадин ходили на встречу с заговорщиками; ни для кого не было секретом даже то, кем на самом деле оказалась девочка Ния. Ринга кляла всех на чем свет стоит, ругала себя, зачем ввела в это дело столько людей, проклинала свое добросердечие, не позволившее ей бросить их на произвол судьбы, но ничего от этого не менялось.

Напротив, так как всех терзала скука вынужденного бездействия, гости Сезии дружно взялись помогать девушке-гулю и ее спутникам в разгадке тайны, связанной с личностью короля, и теперь до хрипоты обсуждали различные планы дальнейших действий.

Беледор призывал использовать сугубо законные, разумные методы. Почему бы не подать прошение в Королевский Совет? Пусть разберутся, что происходит с правителем; это, в конце концов, их обязанность, они за это деньги из казны получают. Правда, когда ученому напомнили, что он беглый государственный преступник и прошения подавать не имеет права, философ впал в глубокую задумчивость.

Ревенд уговаривал довериться во всем Корелиусу и выполнять его указания. На возражения, что вельможе нужна прежде всего власть, а Нимед его интересуется лишь как препятствие на пути осуществления честолюбивых планов, племянник философа горячо возмущался. Ревенд находился еще в том возрасте, когда невозможно поверить, что окружающие люди в большинстве своекорыстны, расчетливы и начисто лишены благородных побуждений.

Ильма требовала, чтобы все немедленно взяли в руки оружие и отправились к этому злодею освобождать бедняжку принца. Девушка, казалось, забыла, как изводил ее избалованный мальчик бесконечными капризами и придирками, и теперь со слезами на глазах вспоминала «бедного крошку», жаловалась, что ребенка наверняка плохо кормят, что ему не дают на ночь теплого молока с медом, что его простудят, заразят чем-нибудь, покалечат... На все уверения, что заговорщикам наследник нужен живым и здоровым, поскольку они собираются возвести его на престол, чтобы Корелиус стал при нем регентом, Ильма упрямо трясла головой и утверждала, что несчастного малыша надо срочно спасать.

Морадин терпеливо выслушивал все пламенные речи и тут же разъяснял, почему тот или иной замысел нельзя воплотить. Конан не принимал в этом участия, поскольку прекрасно знал, что все будет так, как решит Ринга, а чужих указаний рабирийка не потерпит. Поэтому киммериец воздавал должное вину Сезии и отдыхал душой и

телом, пока девушка-гуль не приняла окончательного решения. Немногословная Ингода редко вступала в разговор. Она молча сидела рядом с отцом, обводя всех тревожным взглядом. Особенно часто ее взгляд останавливался на Ревенде: он был самым молодым и самым беспомощным из всех, и Ингода взяла его под свое крыло. Но обычно девушки не было на общих собраниях (она помогала хозяйке дома стряпать для гостей), а потому к ней относились снисходительно, считая, что решение высоких государственных задач — не для ее ума.

Ринга же лишь нетерпеливо отмахивалась от идей и предложений своих добровольных помощников. Она казалась спокойной и уверенной в себе, но Конан видел, что рабирийка в растерянности. Девушка-гуль считала, что они вплотную подошли к разгадке перемены, происшедшей с Нимедом, но как сделать последний шаг, не знала. Ринга не сомневалась, что здесь замешан Корелиус, чье неумное честолюбие простиралось до самого трона и для которого особа короля не была столь священной, как для простого люда, но проверить свои подозрения не имела возможности. К вельможе подобраться было не легче, чем к обитателям королевского дворца.

Несколько раз рабирийка куда-то исчезала, потом возвращалась мрачная и разочарованная. Конан уже было решил, что Ринга готова оставить это безнадежное дело — на этот случай у киммерийца давно был готов план побега из Немедии через Аквилонию в Зингару, к пиратам,—

но вдруг девушка коротко сообщила, что ей необходимо встретиться с одним человеком, а Моррадин и северянин поедут с ней. Остальным же было строго-настрого велено не покидать дома. Сеези, причем Ринга заботилась вовсе не об их безопасности, а о тайне своего убежища.

— Располяешься нами, как лошадьми,— бормотал Конан, ворочаясь в тесной карете: Ринга не решилась ехать верхом из опасения, что городская стража узнает участников знаменитого побега из Каземата.— Объяснила бы, куда и зачем едем.

— Объясню,— неохотно отозвалась девушка.— Мы зашли в тупик. У нас слишком мало возможностей, чтобы распутать это дело до конца. Через Вертрауэн действовать опасно, а других связей у меня нет. Я решила, что нам нужен могущественный союзник. Сейчас мы едем к человеку, который вполне может им стать.

— Наша Ринга хочет обратиться за помощью! — с иронией воскликнул киммериец.— Неужто небо скоро упадет на землю?

— Свои соображения можешь оставить при себе,— холодно сказала рабирийка.— Они меня не интересуют.

— Что это за человек? — спросил Моррадин.

— Барон Вик,— тотчас заговорила девушка, не скрывая, насколько ей приятнее отвечать на деловые вопросы гнома, чем препираться с варваром.— Его род считается одним из самых знатных и древних в Немедии и ведет начало от кхарийцев. Говорят, его семья богаче королевской. При

этом Вик — один из самых преданных сторонников и друзей Нимеда. Барону под силу потягаться с Корелиусом. Главное, чтобы он поверил, что на троне — не настоящий Нимед.

— Значит, мы собираемся предать заговорщиков? — ровным голосом спросил туранец.

— Ах, только не надо громких слов! — раздраженно бросила Ринга. — С каких это пор ты так полюбил этих напыщенных ослов? Они знали, на что шли, когда поднимали руку на короля. Раньше я бы без колебаний сдала их тайной службе и считала бы, что выполнила свой долг. Сейчас мало просто их разоблачить: надо выяснить, что они сделали с Нимедом. В этом нам и поможет Вик.

— Конечно, общение с ними не доставляет радости, но это не повод отправлять их на эшафот, — покачал головой Мораддин. — Ринга, мы же ничего точно не знаем! Почему ты так уверена, что именно заговорщики подменили короля? Да и подменили ли его вообще? И только на основании своих подозрений ты собираешься обречь людей на гибель?

— Твоя щепетильность делает тебе честь, но хорошо бы еще она не мешала делу, — поморщилась девушка. — Я считаю, что доказательств достаточно. Только заговорщикам выгодно причинить вред Нимеду.

— Но почему они просто не устранили короля каким-нибудь надежным дедовским способом, не убили, например? — допытывался Мораддин. — Зачем им было устраивать подмену? Слишком много неясностей, Ринга.

— После разберемся, — отмахнулась девушка. — Сейчас нам важно заручиться поддержкой Вика.

— Как бы твоя самоуверенность не довела тебя до беды, — вздохнул Мораддин, но Ринга его уже не слушала.

Они выехали из Бельверуса и покатали той дорогой, по которой всего две седмицы назад ездили к бывшей возлюбленной Нимеда. По знаку Ринги Трим остановил лошадей у большого каменного особняка, выделявшегося среди соседних основательностью и отсутствием новомодных украшений. Привратник открыл ворота и пропустил их карету во двор. Там Рингу и ее спутников уже ждал слуга, который проводил их в покои своего местьора.

Проходя мимо одной из комнат, Конан услышал громкую ругань. Какой-то мужчина визгливым голосом распекал служанку.

— Ты что это себе позволяешь, дура?! — доносилось из-за двери. — Да как ты посмела разбить реторту моего великого местьора? Знаешь ли ты, безмозглая улитка, насколько важны его деяния и величественны замыслы?..

Слуга, ведущий Рингу, гнома и киммерийца, заметно поморщился и бросил на дверь выразительный взгляд. У Конана на мгновение мелькнула мысль, что где-то он уже слышал этот голос и похожие речи, но тут они подошли к дверям комнаты, где их ожидал сам хозяин дома, и варвар перестал думать об этом.

Барон принял гостей в личном кабинете, что означало особое расположение. Кабинет был об-

ставлен просто, без всяких дорогих безделушек. Единственным украшением служила картина, изображавшая юную девушку. Художник тщательно выписал каждую жемчужинку на ее роскошном платье и не пожалел времени на орнамент на гребне в волосах, но на ее лицо у рисовальщика, похоже, сил уже не хватило, и оно выглядело каким-то блеклым и неживым.

Хозяин дома, уже пожилой, но сохранивший гордую осанку истинного вельможи и отточенность движений прирожденного воина, вежливо поднялся навстречу гостям и пододвинул Ринге кресло. Держался барон с достоинством, но не заносчиво.

В комнате, к некоторому удивлению Ринги, находился еще один человек. Он был достаточно молод, хорош собой, и его умные черные глаза быстро обожали всех троих гостей, надолго задержавшись на рабирийке, что вызвало на щеках девушки легкий румянец, хотя смутить ее обычно было нелегко.

— Рад познакомиться с вами, месьоры.— Вик церемонно наклонил седеющую голову и живо обернулся к Ринге.— Давно я не видел тебя в столице, госпожа. Как далеко завели тебя дела Вертрауэна на этот раз?

— О, месьор барон, наверное, даже не слышал такого названия — Дэлирам,— улыбнулась Ринга.

— Не слышал,— согласился барон.— Но буду опасаться этого места почище Серых Равнин, раз там творятся такие дела, что требуют твоего личного вмешательства, дорогая Ринга.

Рабирийка и Вик весело засмеялись, как старые знакомые.

— Жаль, что моя жизнь катится к закату,— посетовал барон.— Рядом с такой женщиной хочется чувствовать себя молодым, хочется целовать тонкие пальчики и нашептывать в ушко ласковые слова...

— Ах, месьор Вик, ты до сих пор гроза женских сердец.— Ринга с обворожительной улыбкой погрозила барону пальцем.— Но сейчас не время для вольностей. Ты знаешь, я хочу поговорить с тобой о деле.

— Увы, к такому старику, как я, девушки теперь ходят исключительно по делу,— развел руками Вик.— Что ж, я слушаю.

Ринга с недоумением посмотрела на барона и перевела взгляд на молодого человека, который картинно облокотился на каминную полку и явно не собирался уходить.

— А, ты опасаясь моего молодого друга? — понял Вик.— Говори при нем, я ему доверяю. Это месьор Аррас из Аквилонии, мой дальний родственник, кажется; сын троюродной сестры моей племянницы... Все время забываю.— Барон непринужденно улыбнулся.— Год назад я ввел его ко двору Его Величества. Весьма неглупый молодой человек, ему светит головокружительная карьера при дворе.

Молодой человек, ничуть не смущенный лестной оценкой, поклонился и вновь бросил взгляд на Рингу. В его черных глазах плясали озорные искорки.

— Да, Аквилония чудесная страна,— невпопад ответила Ринга, с трудом отводя взгляд от загадочного молодого человека.

— Вижу, Аррас уже произвел на тебя впечатление,— усмехнулся барон.— Осторожней, Ринга, ему уже принадлежат сердца половины знатных дам Бельверуса.

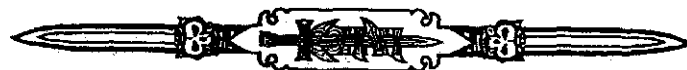
— Это не повод для гордости, месьор Вик,— говорил Аррас, улыбаясь. Голос у него оказался мягким и проникновенным, а улыбка была из тех, что заставляют женщин ощущать сладкую дрожь.

— Да... Так о деле...— Ринга с трудом собралась с мыслями.— Выслушай меня, барон. Быть может, кое-что тебе покажется странным, но не торопись не соглашаться.

Полузакрыв глаза, Вик внимательно слушал повествование рабирийки о событиях последних дней. Мораддин и Конан молчали, хотя киммерийцу иногда очень хотелось вставить свои замечания, особенно когда речь шла о побеге из Каземата: по его мнению, о нем можно было бы рассказать больше. Аррас небрежно листал какой-то фолиант, но от Конана не укрылось, с каким жадным вниманием аквилонец вслушивается в слова девушки.

Наконец Ринга закончила и вопросительно взглянула на Вика. Тот задумчиво пошевелил губами, почему-то посмотрел на Арраса и, нахмурившись, обратился к девушке:

— Я, конечно, тоже заметил прискорбную перемену, которая произошла с нашим государем. Но ты, дорогая Ринга, утверждаешь невозможное.

Если бы Нимеда подменили, это заметили бы многие. Ты придаешь слишком большое значение мелочам. Уверяю тебя, человек, сидящий сейчас на троне, это король Нимед и никто другой. Просто он по каким-то неведомым нам причинам изменил свою политику. Ты долго отсутствовала в Бельверусе, а после разлуки знакомые люди иногда кажутся другими. Я советую тебе испросить аудиенции у короля еще раз и самой убедиться, что все по-прежнему. Я глубоко уважаю твой ум, Ринга, но на этот раз ты ошиблась.

Вик покачал головой и сцепил руки. Конан заметил, что костяшки пальцев барона побелели.

— А наследник? — в отчаянии воскликнула девушка-гуль.— Почему королева тайком отправила сына в Коф? Почему ее саму заключили в башню?

— У нас в последнее время происходит многое, чего раньше не происходило,— развел руками Вик.— Но это не доказывает, что на троне — не наш король. В конце концов, Нимед и Рэлея могли поссориться, и королева в отместку спрятала мальчика, сказав мужу, что он умер. Быть может, за это король и отправил жену в Каземат.

— А Орден Чести? — не сдавалась рабирийка.

— После стольких событий и пропажи сына король мог и забыть о такой мелочи,— пожал плечами Вик.

— Я ожидала, что ты мне не поверишь,— вздохнула Ринга.

— Месьор барон,— раздался мягкий голос Арраса,— мне думается, мы можем сказать госпоже

Ринге все. Она не чета безмозглым придворным дамам. Столь умной женщины я еще не встречал.

Молодой человек отвесил почтительный поклон в сторону рабирийки. Конан невольно вспомнил, что эти же слова недавно произнес Мораддин, только у гнома это получилось куда менее изящно.

— Что? — Побледнев, барон вздрогнул и ошеломленно посмотрел на Арраса. — Ты о чем?!

— Позволь, месье́р Вик, я все расскажу сам. — Аквилонец уселся в свободное кресло и заговорил, обращаясь преимущественно к Ринге и не спуская с нее черных глаз, которые казались бездонными: — Месье́р барон осторожничает, это и понятно. Слишком многие в Немедии уже познакомились с палачом, чтобы нам проявлять легкомыслие. Но нас, как и вас, — учтивый кивок в сторону Мораддина и Конана, — встревожила эта необычная перемена, происшедшая с королем в столь короткий срок. Месье́р барон с моей скромной помощью принялся отыскивать причины. Я восхищен тем, с каким умом действовали вы, — эти слова предназначались только для Ринги, — но нам тоже кое-что удалось узнать.

Конан посмотрел на барона. Тот уже вполне овладел собой, порозовел и сейчас с неослабным вниманием слушал своего молодого друга, в задумчивости сжимая и разжимая кулаки.

— Это дело рук Корелиуса, как ты и предполагала, госпожа, — уверенным тоном заявил Аррас. — В своем честолюбии граф зашел далеко. По его замыслам, король должен несправедливыми действиями восстановить против себя знать, армию

и народ, и тогда легче будет устроить переворот и занять трон. Но ты ошиблась в одном. Конечно, короля невозможно подменить. Да в этом и нет необходимости, пока существуют маги, готовые за плату воздействовать на разум их жертвы...

— Колдовство? — невольно ахнула Ринга. — Я не думала об этом!

— Граф на это и рассчитывал, — кивнул Аррас. — Никто не думает, что наш король — лишь игрушка в его руках. В беззаконии и произволе, что творятся сейчас в стране, обвиняют Нимеда. А истинный виновник лишь ждет подходящего мгновения, чтобы ухватить вожаемую власть... А сейчас и принц в его руках. Я очень опасаясь за его судьбу.

— Но мне казалось, что Корелиус собирается возвести мальчика на трон и стать при нем регентом, — сказала девушка-гуль, и Конан удивился, услышав во всегда уверенном голосе Ринги просительные нотки.

— Зачем, когда можно сесть на трон самому? — пожал плечами аквилонец. — Ведь, кажется, род графа как-то связан с королевской семьей, да, месье́р барон?

— Да, его дед был женат на младшей дочери короля Немедии, — кивнул Вик.

— Так что у графа есть какие-то права на трон Дракона, — продолжил Аррас. — Боюсь, он просто убьет мальчика, чтобы тот не мешал ему.

— Но что же делать? — Ринга устремила взгляд на молодого аквилонца. Конан удивился еще больше: рабирийка просит у кого-то совета!

— Надо похитить у заговорщиков сына Нимеда! — решительно сказал Аррас. — Иначе, боюсь, траур по нему станет истинным. Его мать в Каземате, отец под воздействием враждебных чар, и, кроме нас, позаботиться о нем некому. Простое человеколюбие велит нам спасти ребенка. — Аквилонец озабоченно посмотрел на Рингу. — Не знаю только, кому доверить столь опасное поручение...

— Мои друзья возьмутся за него, — торопливо произнесла рабирийка. — Они уже были в доме графа. К тому же их храбрость и умение владеть оружием непревзойденны.

Тут Конан уже просто поразился. Мало того, что нестигаемая Ринга без оговорок приняла чужой план, так она еще и похвалила их с Морадином! «Да, с ней явно что-то происходит», — решил варвар и покосился на друга. Лицо гнома-полукровки оставалось бесстрастным.

— Вот и отлично, — согласился Аррас. — Привозите мальчика сюда, мы сумеем его защитить.

Конан хотел поинтересоваться у бойкого аквилонца, почему бы ему самому не спасти принца, но, взглянув на Рингу, понял, что ничего этим не добьется. Разрумянившись и улыбаясь, девушка кокетливо откинулась в кресле, не сводя блестящих глаз с Арраса.

— Может быть, проще было бы захватить самого графа и заставить его снять заклятие с Нимеда? — неожиданно спросил Морадин.

— Здесь нельзя действовать наскоком, — возразил аквилонец. — Мы не знаем, какие чары действуют на короля, какой маг стоит за этим. Приме-

нив грубую силу, мы можем повредить Нимеду и ничего не добиться.

Ринга с упреком посмотрела на туранца и поджала губы, давая понять, что здесь есть люди поумнее, которые и решат, что делать, задача же Морадина — выполнять их распоряжения.

— Наши люди следят за Корелиусом, — продолжил Аррас. — Как только мы все выясним, начнем действовать.

Ринга, Аррас и Вик еще немного побеседовали о последних событиях в Немедии. Морадин молчал, точно каменный, и Конан вполне понимал обиду туранца. Девушке явно не хотелось уходить, но за окнами уже стемнело и слуга уже дважды докладывал, что госпожа баронесса ждет мужа к обеду. Наконец Ринга поднялась и простилась с Виком и Аррасом, заверив их, что вскоре доставит наследника целым и невредимым. Уходя, девушка обменялась с аквилонцем одним из тех многозначительных взглядов, что сулят бурное развитие отношений между мужчиной и женщиной. Конан недовольно хмыкнул, Морадин отвернулся.

Когда за гостями закрылась дверь, Аррас обернулся к барону. В его глазах быстро таяла страсть, с которой он только что смотрел в лицо девушки.

— Забери тебя Нергал, Аррас! — воскликнул барон. — Я было подумал, что ты сошел с ума, раз собираешься им все рассказать. Но ты ловок и хитер как змея! — Вик посмотрел на своего собеседника со странной смесью восхищения и неприязни.

— Кто она? — спросил аквилонец.

— Ринга? — Барон задумчиво смотрел в окно, наблюдая как рабирийка и ее спутники садятся в карету. — Она работала на Вертрауэн еще тогда, когда я играл в тряпичные куклы с сестрой. Потом была создана тайная служба под начальством Лаварона, и Ринга стала там важной персоной. На ее счету немало улаженных дел, с которыми не могли справиться лучшие дипломаты, военачальники и царедворцы. Как соглядатай она не имеет себе равных. Нимед ее очень ценил.

— Замечательная женщина, — холодно-оценивающе произнес Аррас. — Думаю, она из рабирийских гулей. Неплохо бы иметь такого союзника.

— Не согласится, — покачал головой Вик. — Предана королю как собака.

— Что ж, — задумчиво сказал Аррас, — мы можем получить ее поддержку и без ее согласия. Слава Митре, это не так сложно...

* * *

— Конан, ты не мог бы идти чуточку потише? — задыхаясь, жалобно попросил Веледор.

— Мог бы. Но тогда мы дойдем до места лишь к утру, — буркнул северянин, однако слегка замедлил шаг.

Мораддин молча шел рядом.

Несмотря на небольшой рост, туранец как-то умудрялся никогда не отставать от своего спутника-гиганта.

Преыдыущие два дня все лихорадочно обдумывали, как спасти наследника престола. По прось-

бе Ринги Ревенд встретился с Агритасом, и легкомысленный юноша, даже не задумавшись, подтвердил, что мальчик действительно находится у его отца. Агритас рассказал, что один из заговорщиков, случайно увидев наследника в какой-то грязной таверне, да еще и переодетого в платье девочки, тем не менее узнал в нем сына Нимеда и, едва веря в такую удачу, привел ребенка прямо к Корелиусу. Полируя ногти специальной пилочкой, Агритас пожаловался, что его жизнь, и так достаточно унылая из-за вечных придирок отца, после этого события превратилась в сущий кошмар. Граф стал зануден, как кукушка, твердит только о близкой возможности захватить власть, уже делит со своими сторонниками будущие посты и не отпускает сына в горы на охоту в ожидании готовящегося переворота. Поведая это, Агритас тут же забыл о принце и пустился в разглагольствования об укромных прелестях одной дамы, не без ехидства глядя, как запыхали уши его более скромного приятеля.

Начались долгие споры и обсуждения. Планы предлагались один другого невыполнимее. Наконец Конану это надоело, и он заявил, что, вспомнив свой воровской опыт, просто заберется в дом графа и выкрадет мальчика. С собой киммериец решил взять Мораддина на случай, если вдруг придется драться. Дорогу к жилищу Корелиуса должен был показать Веледор: пылкий Ревенд мог испортить все дело.

Ринга с готовностью одобрила решение Конана. Вообще после визита к барону Вику рабирий-

ка вела себя не совсем обычно. Она рассеянно бродила по дому, на ее губах играла мечтательная улыбка, глаза то и дело затуманивались. Ринга никем не командовала и не препиралась с варваром. Конану стало даже неуютно, когда, после весело проведенного вечера в компании Ревенда и нескольких бутылей вина, итогом которого стала перебитая во время показа приема «атакующий демон» посуда Сезии, выломанная дверь в спальню Ильмы и неуклюжая попытка перебравшего племянника философа соблазнить Ингоду, Ринга не обрушилась на киммерийца с обычными попреками, а просто махнула рукой и попросила Сезию приготовить снадобье для забившегося от стыда в кладовку неудачливого любовника. Мораддин все больше молчал и предпочитал проводить время в обществе высокоученого месьюра Веледора.

...Сейчас киммериец, гном и философ уже подходили к особняку Корелиуса. Неподалеку, укрывшись в темном переулке, их ждал Трим, держа в поводу трех коней. Веледор подслеповато щурил глаза в слабом свете масляных фонарей, освещавших богатый квартал Бельверуса. В окнах многих домов еще мелькали силуэты их хозяев: здешние обитатели ложились поздно, избавленные от необходимости вставать с восходом солнца, чтобы заработать на хлеб.

— Ну, где же дом Корелиуса? — нетерпеливо спросил Конан. — Мы тут кружим уже невесть сколько... Так недолго и на стражу напороться!

— Сейчас... Сейчас... — бормотал ученый, рассматривая очередной особняк. — Были там львы у

входа или тигры?.. А, нет, эти... С крыльями... Грифоны.

— Грифонов мы уже прошли, — сообщил Мораддин.

— Да? — удивился Веледор. — Надо же, а я не заметил. Там еще балкон над дверью должен быть, и поддерживают его такие полуобнаженные женщины...

— Женщин еще не было! — твердо сказал Конан. — Давайте дальше искать.

Наконец Веледор остановился и указал на один из домов:

— Вот этот!

— Но здесь у входа птицы! Это грифы! — недоуменно взглянул на него Мораддин.

— Ну, грифы, грифоны — какая разница? — раздраженно отмахнулся философ.

— А женщины где? — Киммериец крутил головой в поисках обещанных магистром красавиц, но видел лишь мускулистых воинов в полном облачении, подпиравших могучими плечами широкий балкон с ажурной решеткой.

— Может, там и не женщины были, — пожал плечами Веледор. — Но балкон-то есть!

— А ты уверен, что это действительно дом графа Корелиуса? — поинтересовался туранец.

— Конечно уверен! — обиженно заявил философ. — На память я, слава Митре, пока не жалуюсь!

— Балкон — это хорошо... — задумчиво протянул Конан и, наклонившись, скомандовал: — Давай, Мораддин, лезь!

Туранец в растерянности потоптался на месте, потом, догадавшись, чего от него ждут, залез на плечи варвара. Конан с некоторым трудом распрямился.

— Ну и тяжел же ты, а еще гном! — просипел киммериец.

Достав руками до решетки, Мораддин ловко взобрался на балкон. Конан бросил ему веревку, гном привязал ее к решетке, и вскоре северянин оказался рядом с другом. Философа внизу уже не было: он отправился обратно к Триму дожидаться похитителей.

Балкон вел на галерею, соединявшую два крыла дома. Где прячут принца, Агритас не сказал, но Мораддину удалось незаметно выпытать у Ревенда, где в этом доме находятся личные покои хозяев. Гном рассудил, что ребенка скорее всего граф постарается держать под боком.

— Левое! — шепнул туранец.

Конан кивнул и неслышно подошел к двери, которой заканчивалась галерея. Она была заперта. Киммериец хмыкнул, снял с пояса странный инструмент, похожий одновременно на ключ и на орудие зубодера, склонился к двери и шепотом выругался.

— Нет замочной скважины! — догадался Мораддин. — Она закрыта на засов.

Конан подошел ко второму выходу с галереи, ведущему в правое крыло особняка, и с досадой скрипнул зубами. Эта дверь тоже была надежно заперта изнутри.

Глава восьмая

Вздохнув, киммериец перелез через парапет галереи и мягко спрыгнул во внутренний дворик, прямо на клумбу смутно белеющих цветов. Мораддин последовал за ним. Конан обошел дворик, ударился в темноте об угол каменной скамейки и снова ругнулся сквозь зубы. Окна первого этажа были закрыты тяжелыми ставнями, скрепленными прочными цепочками, зато гном обнаружил дверь, скрытую за каким-то благоухающим иноземным деревцем, правда, тоже надежно запертую.

— Кром... — разочарованно пробормотал Конан. — Они что, никогда ничего не забывают запереть?!

Неожиданно с балкона послышались громкое сопение, шорох и звук, очень напоминавший царапанье дерева об камень. Северянин и гном быстро отступили к стене дома и укрылись за посаженными там невысокими, но раскидистыми деревьями. Сопение прекратилось, зато раздалось

треск и невнятное восклицание — это человек прыгнул с балкона, но не так удачно, как Конан, и угодил прямоком в обрамлявшие клумбу колючие кусты. Затем ночной гость принялся шумно выбирать из сплетения веток, попутно объясняя самому себе, что теперь придется покупать новый плащ. Киммерийцу казалось, что все обитатели дома давно должны были проснуться.

— Дернул Сет неумеху-новичка лезть именно сюда и именно сегодня! — недовольно пробормотал Конан.

— Это не вор, — шепнул в ответ Мораддин.

Действительно, когда незнакомец вылез из кустов и ступил на дорожку, луна осветила вышитую куртку из дорогого сукна, высокие сапоги из тонкой кожи и драгоценные камни на рукояти меча. На обычного вора этот человек не был похож. Он нетерпеливо огляделся, пригладил волосы и процедил:

— Ну где эта проклятая девка?

Словно в ответ на его слова послышался скрежет отодвигаемого засова, и из двери, примеченной Морадином, во двор вышла женщина. Светильник, который она держала в руке, позволял рассмотреть ее тщательно продуманный наряд и замысловатую прическу, что, впрочем, не могло скрыть ни ее весьма почтенного для девицы возраста, ни того, насколько немилостивы были боги к ее внешности.

Раздраженное и сердитое выражение лица молодого человека как по волшебству сменилось нежной восторженностью.

— О, Кларион! Как ты прекрасна! — воскликнул он, явно переигрывая.

— Все для тебя, Энеро, любовь моя! — прошептала Кларион.

Конан и Мораддин нерешительно переглянулись. Эта парочка грозила им здорово помешать. Дворик был небольшой, и долго оставаться незамеченными они не могли, а если девица кликнет слуг, то выбраться отсюда будет сложно. В голове Конана молниеносно созрел план.

— Беру на себя парня, а ты — его подружку, — прошептал варвар.

— И что мне с ней делать? — недоуменно спросил Мораддин.

— Приставь ей кинжал к горлу, и пусть покажет, где они наследника прячут, — терпеливо разъяснил Конан.

— Я тебе что, мясник — на беззащитную девушку с кинжалом бросаться? — недовольно пробормотал гном.

— Ладно, подойди к ней, поклонись и вежливо попроси проводить тебя к сыну короля! — яростно зашипел киммериец.

Влюбленная пара времени даром не теряла. Светильник стоял на земле, девица, блаженно закрыв глаза, пребывала в объятиях кавалера, который расписывал ей свою неземную любовь, не забыв при этом запустить руку в вырез ее платья.

Конан уже напрягся для прыжка, и в это мгновение дверь, через которую недавно вышла Кларион, с треском распахнулась и во двор выбе-

жал Корелиус в длинной белой ночной рубашке, но зато с мечом.

— Что здесь происходит? — загремел он, подерживая подол своего одеяния. — Как ты посмел явиться сюда, щенок?!

Энеро с похвальной торопливостью отскочил на порядочное расстояние от своей возлюбленной, которая лихорадочно натягивала на плечи сползшее платье.

— Я... Я лишь беседовал с твоей достойной дочерью, граф... — забормотал молодой человек, понимая, что ему не поверят, и судорожно оглядываясь в поисках пути отступления.

— Ты посягнул на честь моей семьи! — бушевал Корелиус. — Знаешь, что бывает с теми, кто оскорбил графа Корелиуса?!

По изменившемуся лицу Энеро было ясно, что он знает.

— Папочка! — завизжала Кларион. — Не убивай его! Я его люблю!

— Дура! — огрызнулся граф на дочь. — Если б я убивал всех, кого ты любила, на городском кладбище уже не осталось бы места.

Услышав это, молодой человек несколько воспрял духом.

— Достойный граф, я нисколько не хотел... — залепетал он, напряженно придумывая себе оправдание.

— Ясное дело, не хотел! Кто ее такую захочет?! — заорал Корелиус. — На деньги мои посягнул, молокосос! Вот я тебе башку-то сейчас проломлю, отучу на приданое моей дочери зариться!

Конан даже хмыкнул в восхищении: с достойного вельможи слетела вся спесь, и он выражал свои чувства, как простой лавочник.

— Не надо, папочка! — заломила руки Кларион. — Он меня любит!

— Вот и просил бы твоей руки как положено! — рывкнул граф. — А раз пробрался в мой дом, как вор, пусть получает сполна!

— Я и не думал об этом! — взвыл Энеро. — Это она меня сюда затащила! Свидание при луне ей понадобилось! Она меня еще и на поединок с тобой подбивала, — мстительно взглянув на девушку, добавил кавалер.

Кларион зарыдала в голос, оплакивая предательство возлюбленного. В доме замелькали отблески свечей, послышались встревоженные голоса. Во двор, зевая, вышел Агритас — в отличие от отца, одетый.

— Чего шумите? — спросил он и, обежав взглядом всех присутствующих, понимающе хмыкнул и обратился к графу: — Отец, тебе не надоело? Позволь наконец сестрице избавиться от так надоевшей ей девственности!

— Наглец! — взвизгнула Кларион.

— Убирайся отсюда, сопляк, а то до утра будешь пудрой сестры синяки замазывать! — зарычал окончательно взбешенный Корелиус.

— Агритас, твой отец хочет меня искалечить! — умоляюще вскричал Энеро, простирая руки к другу.

— Какое совпадение! Меня тоже! — доверительно сообщил сын графа.

Из-за плеча Агритаса выглянуло бледное женское лицо.

— Нел, умоляю тебя, успокойся. Агри и Клари больше не будут,— жалобно забормотала графиня.

— А, и ты здесь! — взревел Корелиус.— Вот, полюбуйся! Если бы я знал, каких детей ты мне родишь, я бы собственноручно задушил жреца, проводившего нашу брачную церемонию!

— Мамочка, папа опять не позволяет мне выйти замуж! — заплакала Кларион.

Дворик быстро заполнялся людьми. Из дома выскакивали заспанные полуодетые слуги, не понимающие, что случилось. Граф бранился, графиня нервно комкала в руках носовой платок, Кларион рыдала, Агритас хохотал, Энеро пятился от наступавшего на него оскорбленного главы семейства, слуги шумели, а Конан от души наслаждался зрелищем.

Тут Мораддин ощутимо ткнул его в бок и указал куда-то рукой. Взглянув туда, Конан увидел малыша в ночной рубашонке, который, грызя ногти, с интересом наблюдал за взрослыми. Киммериец тотчас узнал королевского сына.

— Забираем ребенка и уходим через дом,— быстро сказал варвар.

Мораддин кивнул, и оба друга, незамеченные в общей суматохе, проскользнули к мальчику. Конан намеревался просто схватить принца и зажать ему рот, чтобы ребенок криком не выдал их, но гном оттеснил северянина и наклонился к малышу.

— Пойдем с нами, дружок,— ласково сказал он.— Тебя ждут тетя Ильма и тетя Ринга.

Мальчик посмотрел на Мораддина, перевел взгляд на Конана, набрал в легкие побольше воздуха и завизжал.

— Не хочу с вами! — надрылся он, топая босыми ногами.— Здесь мне каждый день дают миндальное пирожное! И никто меня не ругает!

Тоненький визг принца перекрыл гомон, стоявший во дворе. Корелиус мигом забыл о соблазнителе дочери и ринулся к ребенку, с которым связывал все честолюбивые мечты. Конан закинул отчаянно отбивавшегося мальчика на плечо и, оттолкнув с дороги какую-то служанку, кинулся в дом.

— Взять их! Во что бы то ни стало!

Поднявшись по узкой витой лестнице на второй этаж, Конан бросился бежать, моля про себя Митру, чтобы он привел его к выходу из особняка. За спиной киммериец услышал звон клинков — это Мораддин схватился с догнавшими его телохранителями Корелиуса. К месту драки подбегали слуги, вооруженные чем попало и подгоняемые окриками хозяина. Конан остановился в нерешительности. Бросить друга он не мог, драться с ребенком на руках — тоже, а оставить принца одного киммериец не решался из боязни, что мальчик сбежит.

Тут мимо дерущихся туранца и слуг торопливо прошмыгнул человек. Это был Энеро, весьма обрадованный тем, что о нем забыли, и решивший поскорее покинуть не слишком гостеприимный

дом возлюбленной. Он просеменил через комнату и собрался было юркнуть в скрытый портьерами проход, как могучая рука Конана легла на его плечо.

— Бери мальчишку и жди нас на улице,— сказал киммериец, сунув ребенка в руки оторопевшего Энеро.— И смотри у меня!..

Показав оторопевшему юноше внушительный кулак, Конан выхватил из ножен меч и бросился на подмогу Мораддину. Гном уже уложил одного телохранителя и теперь отбивался от двух других, в то время как слуги пытались достать его — кто подсвечником, кто ножкой от табурета; а какой-то подросток с упитанным лицом поваренка целился в голову туранца тяжелой медной статуэткой. С поваренком киммериец церемониться не стал и просто отшвырнул его ногой, как щенка; слуги брызнули врассыпную от варвара с обнаженным мечом. Телохранителя Конан свалил точным ударом клинка, со вторым разделался Мораддин.

В это мгновение в комнату наконец вбежал сам граф, придерживающий подол рубахи, словно придворная дама платье. С яростным воплем он кинулся на похитителей. Мечом вельможа владел неплохо, но длинное ночное одеяние, превосходное во всех других отношениях, мешало драться. Конан успел дважды отбить выпады Корелиуса, когда тот зацепился подолом за ногу скорчившегося на полу охранника и рухнул навзничь. Тут же к нему с причитаниями бросились подоспевшие жена и дочь, а за ними — слу-

ги, мешая Корелиусу подняться и продолжить схватку. Воспользовавшись этим, Конан и Мораддин выскользнули из комнаты, сопровождаемые бессильными проклятиями и угрозами графа. Беспрепятственно добравшись до парадной лестницы, по которой их недавно приводили сюда, киммериец и гном спустились на первый этаж и покинули особняк.

Энеро послушно стоял на улице, крепко держа за руку мальчика. Видимо, кулак варвара произвел на молодого человека столь сильное впечатление, что он и не помышлял ослушаться приказа. Юный принц уже не вырывался, но лицо у него было надутое и сердитое.

— Спасибо, парень, выручил,— как ни в чем не бывало сказал Конан, забирая у Энеро ребенка.

Изловчившись, мальчик укусил киммерийца за палец, за что получил увесистую оплеуху и захныкал.

— Я могу идти? — робко спросил Энеро.

— Конечно! — великодушно ответил Конан и взвалил принца на плечо.

Когда спустя несколько мгновений Энеро оглянулся, похитители с ребенком уже растворились во мраке ночного Бельверуса.

* * *

Ринга несказанно обрадовалась, когда Конан, Мораддин и Веледор привезли сына Нимеда. Правда, киммериец подозревал, что ее радость вызвана отнюдь не тем, что они вернулись живыми и невредимыми. Девушка-гуль тут же заяви-

ла, что надо как можно скорее доставить мальчика барону Вику, хотя не объяснила, зачем так спешить. Она отказалась от сопровождающих, не позволив ехать даже Ильме, которая горела желанием вновь взять на себя заботу о королевском сыне. Перед поездкой Ринга едва ли не полдня провела у зеркала, наряжаясь и прихорашиваясь, и предупредила Сезию, что может вернуться очень поздно. При этом рабирийка была, как никогда, веселой и оживленной, а ее желтые глаза сияли, точно освещенные изнутри пламенем свечи.

Вернулась Ринга лишь утром, когда все уже начали беспокоиться. Она выглядела несколько утомленной, под глазами залегли легкие тени, но вид у нее при этом был довольный и вполне счастливый. Девушка потягивалась всем телом, точно кошка, и, казалось, была готова замурлыкать. Конан подмигнул, Ильма дернула плечиком, Ревенд открыл рот, Веледор покачал головой, Серт осклабился, Ингода промолчала. Мораддин даже не взглянул на Рингу, а вечером позвал Конана с Веледором и, к несказанному изумлению обоих, выставил на стол внушительный кувшин с вином. После обильных возлияний варвар и ученый пустились в обсуждение новой идеи философа, и северянин каким-то образом убедил Веледора в его неправоте, после чего магистр разрыдался и решил уехать в Киммерию. Мораддин же пил не пьянея, и взгляд у гнома-полукровки был совсем невеселым.

На следующий день Ринга опять куда-то укатила — Конан догадывался куда, — а остальные

предавались безделью. Киммериец снова засобирался к пиратам в Зингару. В конце концов, тайна короля раскрыта, наследник в безопасности, Ринга занята скорее своей личной жизнью, нежели делом, — так чего торчать в этом Бельверусе? Пусть барон Вик вместе со своим вертлявым родичем и доводят все до конца, а варвару здесь больше делать нечего. Киммериец поделился своими мыслями с Мораддином, и гном неожиданно согласился с другом и даже обещал подумать насчет пиратов, из чего северянин понял, насколько тяжело у туранца на душе.

Остальные тоже считали, что дело завершено и надо подождать совсем чуть-чуть, пока король Нимед освободится от наведенных на него чар, справедливость в стране восторжествует и им не надо будет больше скрываться. Веледор надеялся вернуться к преподаванию. А пока, чтобы не потерять навыков, он обучал философии Ильму. Трудно сказать, когда девушка возымела интерес к этой науке, но занятия продвигались успешно, проходя в укромных уголках дома Сезии, и их число и продолжительность неуклонно возрастали. При этом ученый молодец на глазах, краснел, встречаясь взглядом со своей ученицей, и старался незаметно оттеснить от нее других мужчин.

Серт лелеял радужные мечты насчет своих будущих свершений. Он был уверен, что Ринга замолвит за него словечко перед Нимедом и король предоставит тюремщику, принимавшему деятельное участие в спасении его особы от заговорщиков, какую-нибудь выгодную и почетную дол-

жность. Серт уже забыл, что пустился в это дело ради денег, и искренне считал, что помог Морадину бежать исключительно потому, что разделял взгляды гнома, Конана и Ринги.

Лишь Ревенд был хмур и озабочен. Он не верил, что столь уважаемый им Корелиус виновен в безумии Нимеда. Вдобавок племянник философа вообще считал колдовство и магов не более чем суеверием. Но и Ринге, попав под ее обаяние, юноша искренне доверял, поэтому сейчас буквально разрывался на части, не зная, на чью сторону встать. Ревенд растерянно бродил по дому и не мог ни на что решиться. Все, в том числе и родной дядя, благодушно посмеивались над нравственными мучениями юноши, и лишь Ингода жалела его и подкармливала страдальца медовыми пирожками.

В это утро Конан от скуки обучал Веледора сложному искусству жульничать при игре в кости, а Морадин, как обычно, молча сидел рядом, глядя в огонь очага.

Философ пока не мог постигнуть тонкую науку, как аккуратно подтолкнуть кубики в последний миг указательным пальцем, чтобы выпали две «шестерки». Магистр хмурился и вполголоса ворчал.

— Еще пару дней бездействия, Конан,— с усмешкой заметил Морадин,— и ты начнешь посвящать месьюра ученого в таинства ремесла контрабандиста.

— А что, могу,— вяло подтвердил киммериец.— Знаю я в Бельверусе пару таких местечек...

Сказав это, Конан невольно вспомнил заведение матушки Вильи, удачную сделку по продаже серого лотоса и недотепу-покупателя, все твердившего о своем могучем месьюре...

Неожиданно это воспоминание наложилось на другое: дом барона Вика и резкий голос, доносившийся из-за двери: «Как ты посмела разбить реторту моего великого месьюра?» Киммериец нахмурился, досадуя на себя, что не вспомнил об этом раньше.

— Знаешь, Морадин, а у барона, видать, колдовством пахнет,— произнес Конан медленно.

— Почему ты так решил? — осведомился туранец.

— Человек, что купил у меня лотос,— из его дома,— пояснил Конан.— Похоже, он слуга Арраса. Точно, матушка же говорила, что покупатель лотоса — из Аквилонии! И этот парень все твердил, что лотос нужен его месьюру для свершения каких-то великих дел. Конечно, для колдовства! И как я раньше об этом не подумал? — Варвар возбужденно вскочил с места.

— Даже если Аррас и маг, что с того? — пожал плечами Морадин.— Это не преступление.

— Не нравится мне это,— пробурчал Конан.— От чернокнижников добра не жди.

В это мгновение в комнату заглянул сын хозяйки. Сочувственно понаблюдав за жалкими попытками Веледора правильно бросить кости, мальчик наконец вспомнил, зачем пришел, и сообщил, что некий месьюр, встреченный им на улице, попросил передать месьюрам Конану и Мо-

раддину, чтобы они срочно явились в Рощу Девы, где их будут ждать с важными новостями.

— Ринга опять что-то задумала.— Конан сдвинул брови.— И что еще за Роща Девы такая?

Как оказалось, эта роща находилась всего за лигу от городских стен и считалась местом прогулок знати. Почему она называлась именно Рощей Девы, доподлинно никто не знал. Правда, о происхождении ее названия было сложено множество легенд, от вполне романтических до скабрезных, так что каждый мог выбрать по своему вкусу. Посвященные, а их было немало, прекрасно знали, что бельверусские вельможи не столько прогуливались в Роще, сколько дрались, облюбовав ее для поединков. Лет пять назад после уличной резни, в которую вылилась дуэль между двумя баронами, поединки в Немедии были запрещены особым королевским указом, но высокорожденные не хотели отказываться от возможности с честью избавиться от своего врага. И никакие наказания не могли их остановить.

— Ну и местечко выбрала Ринга,— хмыкнул киммериец, надевая перевязь с мечом.

— Странно, что она послала сюда какого-то незнакомца, а не приехала сама,— задумчиво пробормотал Мораддин.— Ринга всегда такая осторожная, а тут доверила тайну своего убежища неизвестно кому.

— Это уже не тайное убежище, а постоянный двор какой-то.— Конан оглянулся на обитателей дома Сезии, расположившихся в большой обеденной комнате.— К тому же Ринга сейчас занята

кое-чем поважнее таких мелочей...— Варвар ухмыльнулся.

По лицу Мораддина пробежала судорога, но он ничего не ответил.

За Конаном и гномом увязался Серт, под предлогом показать им дорогу к Роще. На самом деле достойный тюремщик надеялся выслужиться перед Рингой, уповая на будущий высокий пост.

Роща Девы больше походила на ухоженный парк. На земле не валялись сухие ветки и стволы рухнувших деревьев, дорожки были посыпаны гравием и обсажены кустами, кое-где были даже разбиты цветники и врыты скамеечки для отдыха. Повсюду в зеленой траве виднелись вытоптанные поединщиками проплешины. При входе в Рощу шла бойкая торговля. Крестьяне продавали молоко, вино и хлеб для ожидающих своих местьоров слуг; кондитеры предлагали пирожные и сласти для дам, прибывших полюбоваться на подвиги возлюбленных; кузнецы тут же меняли подковы захромавшим лошадям; виноделы выкрикивали названия вин, обещая победителю продажу со скидкой; оружейники разложили прямо на траве мечи и кинжалы. Здесь же примостились лекари, гробовщики и писцы, готовые за скромную плату помочь составить завещание. В общем, для прибывавшей сюда знати были созданы все удобства.

Конан придержал коня и огляделся. Кое-где из-за кустов слышался звон оружия, выкрики дерущихся и манерные взвизгивания зрительниц. Ринги нигде не было видно.

— Поехали, поищем ее,— предложил Мораддин, пуская лошадь рысью по одной из дорожек.

Позади тряся Серт, яростно хлеща веткой своего ленивого мула, который все норовил вильнуть в сторону в поисках сочной травы.

Наконец они забрались в более глухую часть Роции Девы, где никого не было. Конан выехал на небольшую поляну и спешился.

— Пусть Ринга сама нас ищет, если ей надо,— пробурчал он, растянувшись на траве и подставив лицо солнцу.

Мораддин устроился рядом. Тишину нарушали только фыркание лошадей и ругань Серта, который гонялся за своим мулом по кустам. Внезапно раздались испуганный крик тюремщика, затем лягание стали о сталь и протяжный стон, свидетельствующий, что чье-то оружие попало в цель. Конан и Мораддин молниеносно оказались на ногах.

— Попался Серт,— сказал киммериец, вытаскивая меч.— Не повезло.

Но, к его удивлению, на поляну из кустов выскочил тюремщик с окровавленным кинжалом в руке. За ним бежали вооруженные люди.

— Ох, только не бросайте меня!— умолял Серт, торопясь к Конану и Мораддину.

Киммериец оглянулся: на другом краю поляны показались еще противники.

Это было уже похоже на хорошо организованное нападение.

— Кром! — хмуро пробормотал Конан, досадуя на себя, что так легко попался на чью-то уловку.

Барвар и гном торопливо вскочили на коней, но вооруженные наемники уже окружили друзей кольцом. Их было человек десять, и намерения у них были самые серьезные.

— Будем прорываться,— буркнул киммериец и, пнув коня ногой, помчался прямо на врагов.

Мораддин подождал, пока запыхавшийся Серт взберется на коня позади него, и собрался последовать за северянином, однако крепкие руки подоспевших противников схватили его скакуна под уздцы. Мораддин обрушил удар на того, что был справа, но к нему подбегали все новые наемники, не давая возможности вырваться из кольца. За спиной гнома Серт отчаянно лягался и тыкал во все стороны кинжалом, сопротивляясь попыткам стащить его на землю. Вдруг конь под Мораддином заржал и начал заваливаться на бок: кто-то из нападавших перерезал несчастному животному связки на задних ногах. Туранец едва успел соскочить на траву и увернуться от бьющих по воздуху передних копыт.

Обернувшись, Конан увидел, что Мораддин сражается один против пятерых и что только его непревзойденное мастерство позволяет ему до сих пор оставаться в живых. Лицо Мораддина было спокойно и сосредоточенно, а руки, в каждой из которых было зажато по мечу, мелькали с такой быстротой, что, казалось, уследить за ними просто невозможно. Пока киммериец разворачивал коня, Мораддин разделался с двумя противниками. К немалому удивлению северянина, в руках Серта он тоже увидел меч, который тю-

ремщик выхватил из рук убитого туранцем наемника. Серт ясно осознал, что спасения ждать не откуда и ему самому придется защищать свою драгоценную жизнь. Трудно сказать, какие приключения случались у бравого тюремщика в юности, но оружие он держал уверенно и с некоторым успехом отбивался от обратившего на него внимание наемника, хотя рассчитывать на победу ему вряд ли приходилось.

Конан больше привык сражаться пешим, поэтому spryгнул с коня и бросился на подмогу туранцу. В глазах варвара горел боевой азарт, он лихо вращал меч, не подпуская врагов близко. Но нападающих все же было слишком много, и они не торопились, выжидая, пока киммериец и гном ослабнут и можно будет без помех разделаться с ними. Конан рассчитывал пробиться к Мораддину, чтобы обороняться спина к спине, но это ему никак не удавалось. Варвару и туранцу приходилось проявлять изрядную изворотливость, чтобы избежать удара в спину. Поодаль Серт уныло отмахивался от наемника, мысленно готовясь к встрече с Нергадом.

Положение становилось все более трудным. Конан уже подустал, пот градом катил с его лба. Куртка варвара была располосована в нескольких местах; лезвие одного из противников задело левую руку, и хоть рана оказалась неглубокой, но сильно кровоточила. Мораддин не был ранен, но и он перешел от нападения к обороне, бережно расходуя силы. Сопение Серта оглашало всю поляну. То, что он еще жив, объяснялось скорее

всего лишь тем, что его соперник не горел желанием помочь товарищам справиться с такими бойцами, как Конан и Мораддин, предпочитая относительно безопасную драку с тюремщиком. Напряжение боя давало себя знать, киммерийцу все тяжелее было следить за всеми противниками, парируя их удары.

Отчаянным усилием Конан достал лезвием одного из наемников, и тот с криком повалился в траву. Краем глаза киммериец заметил своего скакуна, одиноко стоявшего на краю поляны и терпеливо поджидавшего всадника. Вдвоем с Морадином они могли бы вырваться отсюда, тем более что их враги были пешие. Но троих его конь не вынесет. Конан с затаенной надеждой скосил глаза на Серта, но тюремщик был все еще жив. Киммериец привык никогда не сдаваться, однако сейчас он ощутил уныние, и по его спине пробежал холодок. Неужели колдун, предсказавший, что он станет королем, обманул, и ему суждено пасть в Роще Девы?

Но нет, маг не солгал тогда киммерийцу. Это он понял в следующее мгновение, когда, ломая кусты, на поляну выехал отряд городской стражи во главе с бравым сотником. Стражники угрожающе опустили пики и галопом помчались на наемников. Те мигом бросились врассыпную и исчезли среди деревьев.

Никогда в жизни Конан не испытывал такой радости от встречи со стражами закона. Опустив меч и вытирая пот со лба, он смотрел на сотника, испытывая непреодолимое желание обнять

его. Впрочем, по лицу командира отряда было видно, что он этого желания не разделяет.

— Что, нападение в целях убийства? — разочарованно спросил сотник, пока его подчиненные рыскали по лесу в поисках наемников.

— Еще какого убийства! — бодро откликнулся Серт, в волнении размахивая руками. — Накинулись, разбойники, ни с того ни сего на мирных людей и ну мечами махать!

— Угу, мирных, — протянул сотник, окидывая взглядом валявшиеся на поляне трупы.

К нему подошел Мораддин, спокойный и учтивый, как всегда.

— Позволь поблагодарить тебя, сотник, за то, что своим неожиданным появлением ты спас наши жизни, — вежливо произнес гном, вытирая пучком травы окровавленные мечи.

— Да уж, неожиданным! — с досадой воскликнул тот. — Хотел бы я потолковать по душам с тем парнем, что меня сюда направил. Говорит, в глухой части Роши Девы поединок, и соперники что надо, заплатят, сколько скажешь! А я и поверил, как дурак! — Сотник даже сплюнул в негодовании. — Помчался сюда со своими ребятами, как на пожар. А тут простое нападение! И добро бы на барона какого — так на бродяг-чужестранцев, с которых и медной монеты за спасение не стрясешь!

Гнев сотника был вполне понятен. Поскольку дуэли были запрещены и за нарушение указа виновным грозила высылка или даже тюрьма, вельможи предпочитали откупиться от заставших их

на месте поединка стражей порядка и замять эту историю.

Правда, от гвардейцев требовалась известная изворотливость, поскольку за попытку ареста высокопоставленного лица можно было здорово пострадать самому, а из какого-нибудь пятого сына или троюродного брата из знатного, но давно обнищавшего рода выколачивать было просто нечего. Поэтому стражники очень ценили сведения о дуэлях, где встречались люди не бедные, но и не слишком могущественные.

— И как же, позволь спросить, выглядел человек, который направил тебя сюда и тем заставил спасти наши жизни? — невозмутимо поинтересовался Мораддин, пропустив мимо ушей возмущенную тираду стражника.

— Как выглядел, как выглядел! — злобно отрезнул сотник. — Как последняя свинья!

Махнув рукой своим подчиненным, приказывая следовать за собой, он удалился с поляны, недовольно бормоча что-то под нос.

— Вот так! — пожал плечами гном. — Кто и за чем напал на нас, неизвестно, кто помог нам — тоже. Не люблю, когда меня водят за нос!

— Это госпожа Ринга послала сюда стражников! — убежденно сказал Серт, в представлении которого Ринга по своему могуществу стояла на третьем месте после Митры и короля Нимеда.

— Хотелось бы верить. Надеюсь, с ней самой все в порядке, — тихо произнес Мораддин.

Конан, закончив обматывать раненую руку обрывком рубахи, подошел к туранцу.

— Кажется, я знаю, кто нам это подстроил,— тоном, не предвещавшим ничего хорошего, заявил киммериец.— И, клянусь Кромом, он за это поплатится!

— Да кто же это? — спросил Серт и затаил дыхание.

— Этот щенок! — рявкнул Конан.— Ревенд!

Глава девятая

Конан ворвался в дом Сезии злой, как демон, и столкнулся с Ингодой, которая несла корзину с мокрым бельем.

— Где он?! — зарычал киммериец, заставив девушку попятиться.— Где Ревенд?

— Ушел,— ответила Ингода и поставила корзину на пол.— Ты ранен, Конан, давай я перевяжу тебя.

— К демону! — отмахнулся варвар.— Куда он направился?

— Не знаю,— покачала головой девушка, но по ее смущенному взгляду и слегка покрасневшим щекам было видно, что она лжет.

— Говори, чтоб тебя взял Нергал! — заорал киммериец и грубо схватил Ингоду за плечо, но тут же получил в ответ звонкую пощечину, ответственную крепкой, привыкшей к тяжелой домашней работе рукой.

— Остынь, Конан,— спокойно посоветовала дочь тюремщика.— Твоя рана может открыться.

Несколько мгновений северянин оторопело смотрел на девушку, словно не веря, что она дала ему отпор.

— Я принесу воды, чистую тряпку и перевяжу тебя,— как ни в чем не бывало сказала Ингода и ушла в кухню.

Скоро она вернулась, неся в руках медный таз с горячей водой. Конан молча и безропотно дал размотать повязку. Девушка тщательно промыла рану и аккуратно перевязала ее белоснежной тканью.

— Скоро заживет. А ты пока постарайся поменьше двигать рукой,— посоветовала Ингода.

— Спасибо,— буркнул Конан.

Девушка вытерла испачканные кровью руки и поднялась: ее ждали дела. Конан торопливо вскочил вслед за ней.

— Послушай, Ингода, мне очень нужно узнать, где Ревенд,— со всей возможной мягкостью и настойчивостью проговорил северянин.— Это очень важно. На нас с Мораддином напали и чуть не убили. Может быть, опасность грозит и Ревенду...

Девушка испытующе взглянула в глаза Конану, и варвар едва сумел выдержать ее взгляд.

— Ревенд просил меня никому не говорить, куда он пошел,— медленно произнесла Ингода.— Но раз ты говоришь, что это очень важно...

— Очень! — воскликнул северянин.

— Он ушел еще вчера,— пояснила девушка.— Сказал, что понял, как ему надлежит поступить, и что пойдет к Корелиусу...

— Вот! — торжествующе вскричал Конан, грохнув кулаком по столу так, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула.— Я так и знал, что он нас выдаст! Ну, берегись, змееныш! — И с этим воплем киммериец выбежал из кухни.

Ингода растерянно посмотрела вслед северянину и закончила фразу:

— ...И прямо спросит у него, что он сделал с королем Нимедом.

Яростно проклиная Ревенда, Конан гнал коня к знакомому особняку в уверенности, что найдет юношу там. Жажда мести распирала киммерийца. Если бы племянник ученого решил поддержать заговор Корелиуса и попытался убить варвара и его друга своими руками, Конан нисколько не обиделся бы, здраво рассуждая, что каждый волен выбирать, на чьей стороне сражаться. Но то, что юноша подло предал их и навел на киммерийца и гнома убийц, возмутило варвара до глубины души. Нечестную игру Конан презирал, а тех, кто пытался смошенничать, отправлял на Серые Равнины без малейших угрызений совести.

Вслед за киммерийцем ехал Мораддин, опасавшийся, что его горячий друг снова наломает дров там, где этого вовсе не следовало бы делать. Он пытался удержать Конана от опрометчивого поступка, но северянин хотел во что бы то ни стало покарать Ревенда. Может быть, Ринге и удалось бы уговорить его, но девушки-гуля, как назло, не было дома. Она вообще теперь нечасто появлялась у Сезии, словно позабыв о живущих там людях.

Киммериец резко осадил скакуна у дверей особняка и спрыгнул на землю. Он собирался ворваться к Корелиусу, найти Ревенда и вышибить из его головы жалкие мозги, но необычное столпотворение возле дома удержало Конана от немедленных действий. Улица была запружена людьми, в основном низкого сословия, которые горячо что-то обсуждали и пытались заглянуть в окна. Поодаль варвар заметил оседланных лошадей, которых держал под уздцы гвардеец, и повозку с зашторенными окнами.

— Что здесь происходит, любезный? — осведомился Мораддин у какого-то человека с повязкой на голове.

— Так графа с сыном арестовывают! — с готовностью откликнулся тот. — Жена прибежала, говорит, к дому месьора Корелиуса отряд гвардейцев подъехал, и тюремная повозка при них. Я сразу и бросился сюда, даже, вон, примочку с головы не успел снять...

Конан и Мораддин переглянулись. Конечно, они сами раскрыли заговор графа барону Вику, но то, что арест последует так быстро, киммериец и гном не ожидали.

— Значит, Вик выследил колдуна, который на Нимеда чары навел? — недоуменно пробормотал Конан. — Почему же Ринга нам ничего не сказала?

Мораддин лишь пожал плечами, словно говоря, что тоже ничего не понимает.

Вскоре из особняка вывели арестованных. Сам Корелиус держался гордо, хоть и был бледен, как

кружева на рукавах рубашки его сына. Агритас съежился и опустил голову. Рядом с сыном семенила заплаканная графиня, пытаясь под руками стражников просунуть юноше какой-то узелок. В дверях стояла рыдающая Кларион, которая от горя подурнела еще больше.

Вслед за графом и Агритасом гвардейцы вели уже знакомых Конану казначея Готаро, военачальника Йонана, еще каких-то вельмож и военных. Видимо, заговорщики были в сборе, когда нагрянула стража. Ревенда среди них не было.

Внезапно граф обернулся и встретился взглядом со стоявшим в толпе Конаном. Несколько мгновений Корелиус молча смотрел в лицо киммерийцу, потом его губы шевельнулись, и северянин понял, какое слово он произнес, словно отчетливо слышал его. Конан никогда не питал к Корелиусу расположения и нисколько не огорчился его арестом, но тут его словно обдало жаром. Никто и никогда еще не называл киммерийца предателем.

Графа, казначея и военачальника втолкнули в повозку, остальных усадили на лошадей, и заговорщики в сопровождении стражи двинулись к Каземату. Зеваки еще немного потоптались у дома и, не дождавшись больше ничего интересного, стали расходиться.

Конан почувствовал, что его гнев на Ревенда угас, как залитые водой угли. Он вяло оглянулся, словно надеясь увидеть юношу в толпе, не увидел и, махнув рукой, вскочил на коня. Мораддин задумчиво ехал рядом.

Ринга была дома. Примостившись на столе, девушка поглощала яблочный пирог и оживленно болтала с Сезией и Ингодой, не давая им вставить ни слова. Ильма сидела в уголке и бросала неприязненные взгляды на раскрасневшуюся и похорошевшую рабирийку. Войдя, Конан буркнул что-то вместо приветствия и уткнулся в поданную ему Ингодой тарелку похлебки. Мораддин невозмутимо прошел мимо девушки-гуля, но рабирийка сама окликнула его.

— Что это ты, Мораддин, такой мрачный? Опять Конан кого-нибудь убил, не посоветовавшись с тобой? — Ринга звонко расхохоталась.

— Убил, но с полного моего одобрения, — холодно ответил гном, отчужденно взглянув на девушку.

— Что случилось? — удивленно спросила рабирийка.

— Почаще дома бывать надо, тогда и знала бы что, — хмуро пробормотал Конан. — Нас с Морадином пытались прикончить, пока ты развлекалась Нергал знает где...

— А вот это тебя не касается! — огрызнулась девушка-гуль и посмотрела на туранца: — Это правда?

— Истинная правда, госпожа Ринга! — заторопился Серт, только что вошедший в комнату и сразу смекнувший, о чем речь. — Месьора Конана и месьора Мораддина вызвали якобы для беседы, а там на них напали злодеи с огромными мечами! Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы я не поехал с ними... — Серт вздохнул.

Да и тебе, госпожа, спасибо: вовремя ты стражников к нам направила!

— Каких стражников? — недоуменно подняла брови Ринга. — Кто на вас напал?

— Можно подумать, тебя это волнует, — буркнул Конан. — Надо было за Ревендом приглядывать, ничего и не случилось бы.

— Ревенд? С ним что-то случилось? — Веледор взволнованно посмотрел на варвара, оторвавшись от фолианта, который читал, сидя рядом с Ильмой.

— Выдал нас твой Ревенд с потрохами! — рявкнул Конан.

— Ревенд выдал? — растерялась Ринга. — Кому выдал?

— Как бы то ни было, наше дело окончено, — произнес Мораддин, не глядя на рабирийку. — Что случилось с Нимедом, вы знаете, принц у вас в руках, Корелиус в Каземате, так что вам остается лишь...

— В Каземате? — ошеломенно переспросила рабирийка. — Ничего не понимаю!

— Конечно! — хихикнула Ильма. — Куда тебе понять, для этого ведь думать надо! А тебе последние дни явно не до того!

Ринга даже не обратила внимания на ее выпад.

— Корелиуса арестовали? Но почему же Аррас мне не сказал?! — Она закусил губу.

Внезапно все услышали стук. Кто-то отчаянно барабанил во входную дверь дома. Сезия торопливо пошла открывать, и вскоре в комнату ворвался племянник философа. Он был бледен, взгляда

его блуждал, кулаки то сжимались, то разжимались, и вообще казалось, что юноша не в себе.

— А, все здесь! — воскликнул Ревенд и зловеще улыбнулся. — Отлично!

— Мальчик мой, что случилось? — встревоженно спросил ученый муж.

Юноша нетерпеливо отмахнулся и в упор уставился на Рингу.

— Я знаю, чьих это рук дело, — заговорил Ревенд. — Ты, госпожа, так прекрасна, но сердце у тебя чернее ночи! Ты умеешь вызывать у людей доверие и обращать его в свою пользу! Ты можешь принудить стать предателем даже того, кто скорее готов умереть, чем опозорить себя таким деянием! Твои глаза чисты и непорочны, и душу не тревожит пролитая по твоей вине кровь! Ты женщина, и тем самым ограждена от возмездия! Но наступит день, и тебе воздастся за твои гнусные дела!

— Ну, это все понятно, — деловито сказал Серт. — А что случилось-то?

Ревенд дико оглянулся и вновь посмотрел на застывшую в удивлении Рингу.

— По твоей вине меня считают предателем, — горько сказал юноша. — Да я и сам так считаю. У меня теперь есть только один выход. Но сначала я должен отомстить за моих друзей, за мою поруганную честь. На тебя я не могу поднять руку, ибо ты женщина. Но твои приспешники должны заплатить за все!

Судорожно всхлипнув, Ревенд выбросил вперед руку, в которой оказался кинжал, спрятан-

ный до этого в рукаве, и прыгнул на Конана. Киммериец вскочил, опрокинув миску с похлебкой, и одним ударом обезоружил юношу, отшвырнув его в противоположный угол комнаты. Кинжал, выпавший из руки Ревенда, воткнулся в пол. Племянник философа скорчился у стены и зарыдал.

Все безмолвно смотрели на Ревенда, не зная, что сказать. Одна Ингода решительно подошла к юноше и, опустившись рядом с ним на колени, прижала его голову к своей груди.

Под ее укоризненным взглядом киммериец невольно покраснел, чувствуя себя так, словно обидел котенка.

— Ревенд, но что же все-таки случилось? — воскликнул донельзя расстроенный ученый. — Что ты бросаешься на людей с ножом, точно разбойник?

— Корелиуса арестовали, — пробормотал его племянник. — И Агритаса, и других... Они считают, что это вы их выдали, а я помог вам в этом. И не говорите мне, что это не так! — Юноша яростно взглянул на своих недавних друзей, и Ринга невольно отвела глаза. — Мне удалось бежать от стражи, приехавшей за нами. Сделал я это только для того, чтобы отомстить вам. Но я даже этого не смог! Зачем мне теперь жить?!

Ингода ласково погладила Ревенда по голове.

— А то, что ты предал нас, тебя не волнует? — мрачно поинтересовался Конан. — Твой прекрасный Корелиус подослал к нам убийц. И, я думаю, не без твоей помощи.

— Я не предавал вас! — горячо воскликнул юноша. — Я и слова про вас не сказал, хотя граф лично просил меня об этом!

— Зачем же ты тогда отправился к нему? — язвительно спросил киммериец.

— Я хотел узнать, правда ли, что он воспользовался услугами мага и ввергнул нашего короля в безумие, — глухо сказал Ревенд. — И теперь знаю, что это не так. Да, граф честолюбив, но он ничего не предпринимал против Нимеда до тех пор, пока в стране не начались эти безобразия.

— И ты поверил ему? — усмехнулась Ринга.

— Да, поверил, — кивнул юноша. — Граф приехал в Немедию уже после того, как здесь начались казни. До этого он почти два года жил в Коринфии. Вряд ли можно организовать заговор, живя за сотни лиг от королевского дворца.

Конан и Мораддин посмотрели друг на друга, в глазах Ринги мелькнула растерянность.

— Но Корелиус выманил нас отсюда, чтобы убить в Роще Девы! — воскликнул Конан. — Откуда он узнал, где находится дом Сезии?

— Не знал он этого. — Ревенд судорожно вздохнул, встал на ноги и помог подняться Ингоде. — Иначе не грозил бы мне вчера всякими карами, если я не расскажу, где вы прячетесь.

— Но он же хотел убить принца! — воскликнула Ильма.

— Глупость какая, — поморщился юноша. — Он собирался возвести его на престол и быть при нем регентом. Граф был вне себя, когда вы похитили мальчика. Он очень беспокоился о его судьбе.

— Всеблагая Иштар! — прошептала Ринга. — Я же слышала, как Аррас и барон говорили о каких-то людях, которых надо убить! И что-то про Рощу Девы!

— Сдается мне, нас здорово надули, — спокойно произнес Конан.

— Благодаря нам они получили принца и заговорщиков, а потом решили от нас избавиться. — Мораддин нехорошо усмехнулся.

— Наверняка барон проследил нас прямо до этого дома, когда мы возвращались от него, — кивнул киммериец.

— Мне с самого начала казалось, что история с магическими чарами, якобы наведенными на короля, нелепость, — заметил Веледор. — Но все с такой готовностью поверили в нее...

— Но что же тогда случилось с королем Нимедом? — серьезно спросила Ингода.

— Да Митра с ним, с Нимедом! — вскричал Серт. — Что будет с нами?!

— О Иштар, что этот подлец сделает с принцем? — истерически вскрикнула Ильма.

— Говорил же я, от колдунов добра не жди, — пробурчал Конан. — Сдается мне, этот Аррас сам на короля чары и навел, а нам на графа для отвода глаз указал.

— Значит, вас тоже обманули? — мрачно произнес Ревенд. — Что ж, выходит, не я один такой дурак...

— Ты прав, — внезапно согласился Мораддин. — Мы добровольно сунули голову в пасть льву. Безоговорочно поверили всему, что наговорили нам

Вик и Аррас, и выполнили за них грязную работу, не распознав, что они ведут двойную игру.— Гном с досадой махнул рукой.— А ведь у меня были поначалу подозрения! Но Ринга...— Туранец резко умолк, не желая обвинять девушку-гуля.

Все невольно посмотрели на рабирийку. Ринга молча стояла посередине комнаты, но на ее лице была написана такая мука, что все тотчас отвели глаза.

* * *

— Я должна поехать! — упрямо твердила Ринга, пытаясь обойти Конана, загородившего ей дверь.

— Да они просто прикончат тебя! — убеждал киммериец.— И это в лучшем случае.

— Я должна выяснить, что они собираются делать и как им можно помешать, — упорствовала девушка-гуль.

— Но, Ринга, это очень опасно, — мягко сказала Ингода.

— Я подвела вас всех, теперь только я должна исправить дело.

Рабирийка в который раз попыталась оттолкнуть с дороги северянина. С таким же успехом она могла попробовать сдвинуть скалу.

— Я говорю, бежать надо! — бормотал Серт.— Этот барон нас теперь в покое не оставит! Слишком много мы знаем.

— Ринга, ты же умная девушка. Как же ты не понимаешь, что это безрассудство, — терпеливо повторял Веледор.

— Понимаю, — жестко произнесла рабирийка.— Но я не могу этого так оставить. Я не позволю Вику и... Аррасу, — второе имя Ринга произнесла с некоторым трудом, — использовать и выбросить нас, как старые перчатки!

— Ринга, в тебе говорят чувства, а не разум, — встревоженно вмешался Ревенд, уже забывший, что недавно хотел покарать девушку-гуля.— Это ни к чему хорошему не приведет!

— Не беспокойтесь, я буду осторожна.— Рабирийка натянуто улыбнулась.— Я сделаю вид, что хочу примкнуть к ним.

— И ты думаешь, они тебе поверят? — выразительно поднял брови Веледор.

— Ринга, не надо! — робко сказала Ильма, вцепившаяся в руку философа.

— Пусти, Конан! — почти умоляюще проговорила Ринга, снова толкая варвара в грудь маленькими узкими ладонями.

Киммериец лишь покачал головой.

— Пусть идет, — неожиданно сказал Мораддин, до этого с каменным лицом наблюдавший за спором Ринги с остальными.— Она все равно сделает это.

Конан с недоумением посмотрел на друга, не понимая, что это вдруг на него нашло.

— Мы не сможем помешать ей, — объяснил гном.— Так давайте лучше поможем.

Киммериец пожал плечами и отошел от двери. Ринга обернулась и, бросив на Мораддина теплый признательный взгляд, торопливо удалилась.

— Ты что, с ума сошел? — изумился Конан. — Зачем ты позволил ей уйти?

— Она была бы несчастна, если б не сделала этого, — медленно ответил Мораддин. — Ее чувства глубоко оскорблены, и мы не вправе мешать ей отомстить за поруганную гордость.

— Ты, Мораддин, просто осел! — в сердцах воскликнул варвар. — Несчастлива, не несчастна! Посидела бы взаперти пару дней, успокоилась и одумалась бы. В крайнем случае, пара хороших оплеух, — Конан невольно покосился на Ингоду, — выбила бы из нее эту дурь. А теперь барон тебе еще и спасибо скажет, что ты ее к нему отпустил! Сам ее теперь и спасай, раз такой чувствительный.

— Он Рингу нарочно к барону отправил! — запальчиво сказала Ильма. — Он ее приревновал, а теперь мстит!

Мораддин спокойно, без всякой обиды взглянул на девушку, и она замолчала, потупившись.

— Если надо, я за Рингу жизнь отдам, — сдержанно произнес гном. — Но здесь я ей не в силах помочь, как бы мне этого ни хотелось.

— Боюсь, доблестный Мораддин прав, — покачал головой Веледор и обнял притихшую Ильму. — Бывает, даже самые близкие и любимые люди не могут разделить с человеком его ношу. И им остается лишь ждать и надеяться.

— Ты верно поступил, Мораддин, — тихо сказал Ревенд и с уважительным сочувствием взглянул на туранца.

Конан только сплонул в досаде.

До вечера северянин уныло слонялся по дому, не зная, чем заняться, и старательно пряча от самого себя тревогу. Когда стало смеркаться, к нему подошел Мораддин.

— Пора, — только и сказал он.

Киммериец кивнул и отправился за своим мечом. Внизу их уже ждал Ревенд с саблей, одолженной ему туранцем.

— Ах, как жаль, что я не могу поехать с вами! — сокрушался Веледор. — Но боец из меня, увы, никудышный.

— Если мы не вернемся, забирай девушек и Сезию с сыном и беги из Бельверуса, — посоветовал Мораддин. — Иначе барон расправится и с вами.

— Не хочу даже думать об этом! — решительно заявил философ. — Вы вернетесь, привезете с собой Рингу, а тогда решим, что делать дальше.

Гном тепло улыбнулся магистру и на прощание пожал ему руку.

Уже на пороге дома Мораддина, Конана и Ревенда догнал запыхавшийся Серт с мечом, который он предусмотрительно захватил из Роши Девы.

— Я с вами! — заявил тюремщик. — А то неизвестно, что вас там ожидает. Надо же иметь надежного человека под боком...

Никто не возразил Серту, и бывший надзиратель удовлетворенно засопел.

...Они подъехали к дому Вика уже в темноте. Оставив лошадей в кустах на берегу реки, все четверо подошли к стене, ограждавшей сад. Она бы-

ла не слишком высока, но Серт все равно с трудом перебрался через нее, поддерживаемый сзади Конаном и подтягиваемый спереди Ревендом. Стояла тишина, пахло землей и жасмином. Киммериец неслышно двинулся вперед и вдруг резко остановился. Прямо на него неслась огромная собака с гладкой, блестящей в свете луны шерстью. В два прыжка Конан вновь оказался на стене, где уже сидели Ревенд и Мораддин. Серт последовал за варваром с похвальной стремительностью, словно не он недавно кряхтел и сопел, не в силах одолеть ограду.

Подбежав к стене, собака подпрыгнула, и ее когти с зловещим скрежетом проехали по камню. Поняв, что ему не достать незваных гостей, пес глухо зарычал, обнажив внушительные клыки, и уселся на траву, не спуская глаз с людей. Смотрел он почему-то на Серта.

— Ну, и что мы будем делать? — нервно спросил тюремщик, боязливо поджимая под себя ноги.

— Пока ничего, — невозмутимо ответил Мораддин и вынул из-под плаща небольшой сверток.

Он развернул тряпку, и все увидели, что в ней лежит кусок мяса. Мораддин ловко кинул мясо собаке, и та поймала угощение на лету. Какое-то время пес продолжал сторожить туранца и его спутников, но вдруг беспокойно закрутился, заскулил, неуверенно облизнулся, потом взвыл и опрометью бросился в глубь сада.

— Что там было? — поинтересовался Конан.

— Снотворное зелье. Все, какое нашлось у Сезии. — По голосу Мораддина было ясно, что он

улыбается. — В прошлый приезд я заметил здесь охранных собак и решил на всякий случай захватить для них гостинцев.

— Хвала Митре, он не лаял, — прошептал Ревенд.

— Эти собаки не лают. Они не сторожевые и не охотничьи, они обучены убивать, — спокойно пояснил гном.

В полном молчании Мораддин, Конан, Ревенд и Серт добрались до особняка. Он был погружен в темноту, и лишь на верхнем этаже слабо светились несколько окон. Свет был какой-то странный: не желтый, какой обычно бывает при свечах, а голубоватый.

— Нутром чую: они там и вершат свои грязные делишки, — пробурчал киммериец.

Парадный вход оказался заперт на засов, а вот дверь для слуг была закрыта всего лишь ключом. Конан вытащил отмычку и привычно принялся за дело. Вскоре в замке что-то щелкнуло и дверь с тихим скрипом отворилась.

— Второй раз влезаю в чужой дом, чтобы спасти эту неумную девицу, — пробормотал под нос Конан.

Проскользнув мимо комнат слуг, киммериец и его спутники поднялись наверх. Кабинет Вика находился в конце длинного коридора. Оставив Серта на страже, Конан, Мораддин и Ревенд со всей возможной осторожностью подкрались к двери кабинета. Она была полуоткрыта, выбивающийся из-за нее голубоватый свет становился все ярче. По дороге Ревенд зацепился ногой за стояв-

шую в нише напольную фарфоровую вазу и непременно повалил бы ее, если б не ловкость Мораддина, который подхватил вазу в последний миг. Конан приготовился к худшему, но те, кто находился в комнате, были так заняты своим делом, что не обратили на посторонний звук внимания. Киммериец вытянул шею и заглянул в комнату.

В лицо ему ударил одуряющий аромат благовоний. Кабинет казался наполненным туманом, окружающие предметы виделись словно сквозь дымное марево. На полу в каком-то странном порядке стояли необычные прозрачные светильники, дававшие голубоватый свет, похожий на сияние молнии. Посередине комнаты в окружении светильников на возвышениях лежали две женщины. В одной из них Конан сразу узнал Рингу. Глаза девушки-гуля были закрыты, а лицо такое спокойное, какого варвар ни разу не видел у порывистой, как ветер, рабирийки. Над головой каждой из женщин прямо в воздухе висело по блестящему черному шару.

Чуть поодаль киммериец заметил Арраса. Молодой маг с сосредоточенным выражением лица разглядывал толстую книгу, лежавшую перед ним. За его спиной застыл барон Вик. Внезапно Аррас оторвался от книги и, взмахнув руками, выкрикнул какое-то заклинание. Между шарами полыхнул сноп искр, похожих на болотные огоньки, и тотчас угас. Женщина, лежавшая неподалеку от Ринги, едва слышно застонала. Аррас выругался.

— Не получается? — холодно спросил барон, с неприязнью глядя на аквилонца.

— Это из-за того, что она не человек, а гуля! — Аррас лихорадочно переворачивал пергаментные страницы фолианта. — Но должно же получиться, во имя Митры! Сейчас я попытаюсь снова.

Конан взглянул на Мораддина, и гном молча кивнул в ответ. Распахнув дверь, киммериец и его друг ворвались в кабинет барона. Стараясь не задеть светильники и не наступить на проступающие на полу бледные линии пентаграммы, Конан молниеносно преодолел расстояние, отделявшее его от Арраса, и с наслаждением опустил на голову мага могучий кулак. Аквилонец повалился на пол, и из его руки вылетела коробочка, так хорошо знакомая варвару. Тем временем Морадин приставил к горлу Вика острие меча, а Ревенда плотно закрыл дверь и встал возле нее, зло глядя на своих врагов.

— Говорил же я тебе, месьор барон, слуг надо держать в большей строгости! — с усмешкой произнес Аррас, вытирая бегущую из носа кровь. — Твои наемники сплеховали в Роще Девы и даже не доложили нам, что не выполнили задание. К тому же твои телохранители спят, а привратники играют в кости, пока чужие люди разгуливают по дому.

— Замолчи, щенок, — огрызнулся барон, даже не пытаясь сопротивляться гному.

Аррас расхохотался. Конан увидел, что зрачки его глаз ненормально расширены, как у тех, кто вдохнул порошка лотоса.

— Что ты сделал с Рингой, отродье Сета?! — за-рычал Конан, наступая на мага.

— Ничего, — невозмутимо ответил молодой человек, поднимаясь на ноги.

В тот же миг киммериец стремительно заломил ему руки за спину, не давая возможности воспользоваться магией. Аквилонец изогнулся от боли, но на его губах по-прежнему играла усмешка.

Осторожно ступая, Ревенд подошел к девушке-гулю и медленно отвел от ее лица черный шар, который тут же с тяжелым стуком упал на пол. Юноша едва успел поймать тотчас сорвавшийся с места второй шар, который иначе разможил бы лежавшей под ним женщине голову. Затем племянник философа наклонился над Рингой.

— По-моему, она спит, — с некоторым удивлением сказал он.

— Она в трансе, — невозмутимо поправил его Аррас. — Но с ней все в порядке. Вы успели вовремя.

Конан яростно потрянул мага, взбешенный его хладнокровием и дерзкой насмешкой, звучавшей в голосе.

— Ты собирался сделать с ней то же, что и с Нимедом? — В голосе Мораддина звучала такая холодная ненависть, что киммерийца невольно мороз продрал по коже.

— А ты догадлив, потомок туранских карликов, — уже без усмешки произнес Аррас, подняв голову и в упор взглянув на гнома.

Глава десятая

Мемные глаза Мораддина сощурились, и Конан принялся гадать, убьет он мага сразу или сперва немного помучает.

— С меня уже достаточно догадок, — процедил Морадин. — Теперь ты все нам расскажешь. И в подробностях.

— Вряд ли вы что-нибудь поймете. — Аррас попытался пожать плечами, забыв, что находится в железных руках киммерийца. — Вам недоступно Тайное Знание.

— Ты ведешь себя как ярмарочный шут, Аррас, — поморщился Вик. — Эти люди, по крайней мере, честно исполняют свой долг, не опускаясь до предательства.

— Ты, дорогой мой, возможно, забыл, что предавал-то именно ты? — язвительно поинтересовался маг. — Я лишь выполнял задание. Король Нимед мне не друг и не родственник.

— Да, я предал короля, — устало вздохнул Вик. — И не раскаиваюсь. Я скорблю лишь о Не-

медии, которую ты и твой приспешник столь быстро довели до жалкого состояния.

— Твоя совесть, почтенный барон, проснулась очень вовремя, — хмыкнул Аррас. — Возможно, эти месьоры пожалеют тебя.

— Мне не нужна ничья жалость. — Вик гордо выпрямился, не обращая внимания на лезвие меча, все еще направленное ему в горло. — Я выполнил то, о чем мечтал на протяжении последних семи лет. Теперь ничто не имеет значения. Моя дочь отомщена, — он указал на портрет девушки, — и, надеюсь, обрела покой в царстве Нергала. — Вик судорожно вздохнул, и лицо его вмиг словно постарело на десять лет. — Когда она лежала передо мной здесь, такая холодная и неподвижная, а художник рисовал на холсте ее лицо — ведь у меня даже не было ее портрета! — я поклялся себе: во имя моей Деметрии и ее так и не рожденного ребенка я отомщу человеку, виновному в их гибели, пусть он даже и стал моим королем!

Барон говорил так искренне и с такой страстью, что Конан невольно посочувствовал ему. Такое могло случиться с каждым, и боль отца, потерявшего дочь, была вполне понятна.

— Она умерла в тот самый день, когда Нимед вел к брачному алтарю кофийскую принцессу Рэлею, — горько произнес Вик. — Мы до сих пор не знаем, где Деметрия достала яд. А ведь мы с королем были друзьями! Сколько раз потом я проклинал эту дружбу, позволявшую Нимеду приходить ко мне в дом и вести беседы с моей доче-

рю. Если б я знал, к чему это приведет! — Барон судорожно сжал руки. Его боль с годами ничуть не утихла. — Впрочем, теперь он мертв. И перед его смертью я взглянул в его глаза и напомнил о погубленных им двух невинных жизнях.

Конан даже не сразу сообразил, что он сказал, а когда понял, выпучил глаза.

— Значит, на троне — не Нимед? — невольно воскликнул киммериец.

— Нимед мертв, — глухо повторил Вик.

Внезапно он быстрым движением поднес ко рту руку, на указательном пальце которой было кольцо с крупным агатом. Морадин резким ударом отбросил его ладонь от лица, но было поздно. Несколько мгновений барон неподвижно стоял, глядя мимо гнома на портрет дочери, потом захрипел и повалился на пол. Камень на кольце оказался сдвинут в сторону, под ним открылся маленький тайник, в котором еще оставалось немного белого порошка.

— Яд, — только и сказал Морадин.

— Смерть достойная, но глупая. — Аррас тряхнул головой. — Покончить с собой, считая, что его месть свершилась...

Туранец резко вскинул голову, собираясь задать вопрос, но тут тишину спящего дома нарушил грохот. Мгновение спустя в кабинет ворвался побледневший Серт.

— Я уронил богиню, — виновато признался он. — У лестницы стояла. Я думал, она из мрамора, прислонился, а она — раз! — и свалилась прямо на ступени, да еще раскололась.

— Увы, конец творению великого Джирома,— вздохнул Аррас.— Я же предлагал ему отлить фигуру в бронзе, а он... Алебастр, мол, благороднее...

Почти сразу на лестнице послышались встревоженные голоса и топот ног. Конан толкнул аквилонца к Серту, а сам приготовился к драке, еще не зная, будут они пробиваться к выходу из особняка или держать оборону прямо здесь. Серт сделал самое зверское лицо, на какое был способен, и облапил Арраса, приставив меч к его груди. Судя по лицу молодого мага, объятия тюремщика не были для него сладостны.

Узкий коридор, ведущий к двери кабинета, давал киммерийцу и его спутникам некоторое преимущество, поскольку противники могли нападать лишь по очереди. Но Конан понимал, что это временный выигрыш, поскольку они сами оказались заперты в комнате, как в мышеловке. Слуги толпились по всей длине коридора до самой лестницы, гомоня и размахивая различным оружием, горя желанием освободить своего местьора.

Впереди оказались телохранители и охранники Вика, за их спинами во главе с престарелой баронессой выстроились повара, кухарки, горничные и конюхи.

Охранники, словно стараясь оправдаться за недавнюю беспечность, яростно бросились на Конана и Мораддина.

Киммериец и его друг отбивались, стоя в проеме двери. Им в затылки жарко дышал Ревенд, жаждущий подвигов.

— Надо прорываться и уходить! — крикнул гному варвар.— Пусть Ревенд несет Рингу, а мы втроем его прикроем.

— Нужно забрать и Арраса.— Мораддин легко обошел противника, и тот грузно повалился на пол.

— Ты рехнулся? — Конан махнул мечом над головой туранца, и еще один нападающий простился с жизнью.— Нам его не вывести. Я его сейчас прирежу, и все дела.

— Мы должны заставить его все рассказать.— Туранец присел, уходя от клинка, и ударил охранника по ногам.

— Все равно соврет. Эти колдуны — еще те сволочи,— убежденно сказал Конан и отбил мечом брошенную кем-то ночную вазу.

Затем северянин обернулся, чтобы исполнить свое намерение, и застыл, не в силах сдвинуться с места. Его ноги будто приросли к полу, а тело казалось чужим и неподвластным разуму. Конана пронзила ужасная мысль, что сейчас на его незащищенную спину обрушится клинок врага, но мгновения шли, а этого не происходило. Скосив глаза, он увидел очень растерянного Мораддина, который тоже замер с занесенным для удара мечом. Его противник, отведя вбок руку, точно его выпад только что отбили, с чрезвычайно глупым видом смотрел на гнома. Судя по воцарившейся тишине, в таком же плачевном состоянии находились и остальные. Рядом с Конаном Ревенд скрежетал зубами, пытаясь шевельнуть хоть пальцем. Серт неподвижно сидел на полу, и взгляд у

тюремщика был еще более виноватый, чем когда он разбил статую. Двигаться мог один лишь Аррас. Он с невозмутимым видом поправлял на себе одежду, помятую могучими руками варвара. Видимо, Серт отвлекся, и аквилонец смог освободить руки и сотворить какое-то заклинание.

— Разум всегда восторгается над грубой силой, — с насмешкой произнес маг, взглянув на неподвижного Конана. — Сейчас я мог бы вас уничтожить без всяких усилий. Но я, в отличие от вас, не убийца.

«Ну да, не убийца, демон тебе в печенку! А Роцца Девы?» — подумал Конан.

— А Роцца Девы — лишь необходимость, — словно в ответ на мысль киммерийца сказал Аррас. — Теперь же я дам вам еще один шанс. Попробуйте. Может, у вас получится обыграть меня...

Неожиданно Конан заметил, что Ринга уже пришла в себя и теперь молча смотрит на аквилонца. Аррас тоже увидел это. Он подошел к девушке-гулю и наклонился над ней.

— Прощай, прекрасная Ринга. Ты подарила мне незабываемые мгновения, — проговорил маг, и было непонятно, издевается он или говорит искренне.

В ответ рабирийка лишь бросила на него взгляд, полный жаркой ненависти. Аррас улыбнулся и поцеловал девушку в лоб. Затем спокойно отошел к стене и потянул вниз укрепленный на ней серебряный подсвечник. Скрытая ковром часть стены отъехала в сторону, и за ней обнаружилась узкая витая лестница.

— А вы продолжайте, сражайтесь. Не буду больше вам мешать. — Аррас отвесил шуточный поклон и исчез в потайном ходе.

Какое-то время все оставалось по-прежнему, но внезапно Конан почувствовал, что снова может владеть своим телом. Киммериец мигом подскочил к Ринге, легко поднял девушку на руки и бросился к тайной двери. Следом за ним шмыгнул сообразительный Серт.

Позади них Ревенд, которому наконец представилась возможность вступить в бой, неуклюже размахивал саблей под прикрытием Мораддина. Правда, у юноши обнаружилось одно преимущество: его высокий рост и длинные руки помогали ему достать противника.

Лестница спускалась в узкий короткий коридор, выводивший в оранжерею. Конан мчался, сворачивая в темноте кадки с редкими растениями. По хрусту черепков и проклятиям киммериец понял, что его друзья следуют за ним. Выбив ногой хлипкую дверь, киммериец с Рингой на руках выбежал в сад и бросился к воротам, понимая, что с такой ношей ему не перелезть через стену. Сзади уже раздавался звон мечей, но варвару было некогда смотреть, кто с кем сражается. Ворота имения были закрыты, но возле них, глядя на мелькание огней в доме, стоял встревоженный привратник, державший за ошейник собаку.

— Открывай! — рявкнул киммериец, надеясь взять его на испуг.

Привратник действительно испугался, но сделал совсем не то, что ожидал Конан, а со страху

отпустил пса, и тот с тихим рыком понесся к варвару. Он ловко увернулся, стараясь прикрыть неподвижную Рингу.

Вдруг между готовящимся к прыжку псом и северянином возник Ревенд. Зверь кинулся на нового противника, целясь клыками юноше в горло. Тот вскрикнул и выставил вперед руки с зажатой в них саблей. В следующее мгновение Ревенд и собака покатались по земле, но по истощенному визгу Конан понял, что клинок попал в цель.

Вскоре Ревенд поднялся, ощупывая левую руку, в которую пес успел вцепиться перед смертью.

Тут из-за деревьев на дорожку выкатился Серт и бодро подбежал к привратнику.

— Ключи! — воинственно заорал тюремщик, размахивая мечом перед носом бедняги.

Привратник торопливо отцепил от пояса внушительный ключ и протянул Серту. Тюремщик молниеносно отворил ворота и юркнул в темноту. Ревенд и Конан с Рингой поспешили за ним. Вскоре их нагнал Мораддин. По тому, что гном слегка запыхался, киммериец предположил, что туранец за это время уложил по крайней мере шестерых.

В ночном мраке преследователи безнадежно потеряли своих врагов. Северянин уселся на коня, бережно поддерживая снова потерявшую сознание Рингу, остальные тоже вскочили в седла, и стук копыт растворился в напоенном ароматами ночных цветов и запахами близкой реки воздухе.

* * *

— Податель Жизни, как болит голова! — жаловалась Ринга, морщась и потирая виски, пока Сезия готовила для нее укрепляющий травяной отвар.

— Ничего, пройдет, — бодро утешал ее Серт. — Главное, ты жива, госпожа, остальное образуется.

Девушка-гуль кисло взглянула на жизнерадостного тюремщика и вздохнула. Ингода тут же поспешила вновь смочить в холодной воде полотенце, которое она прижимала ко лбу рабирейки. Ринга одарила ее признательным взглядом.

— Да хватит вам вокруг нее суетиться, — с некоторой досадой произнес Конан. — Можно подумать, она совершила какой-нибудь подвиг.

— У тебя, Конан, нет сердца! — воскликнула Ильма, бережно подавая недавней сопернице мисочку с вкусно пахнущим отваром.

— Зато у меня есть голова, — буркнул варвар.

— Если ты устала, Ринга, мы поговорим потом, — предложил Мораддин, весь день старательно скрывавший ото всех свою радость по поводу спасения девушки.

— Нет, у нас мало времени. — Ринга приподнялась на постели и вернула Ильме чашу с напитком. — Может быть, я и сгруппировалась, поехав к Вику, но иначе мы никогда бы не узнали, что случилось с Нимедом. Этот... Этот... — Ринга хотела подобрать словечко покрепче в адрес аквилонца, но, взглянув на Мораддина, передумала и продолжила: — ...сам все мне рассказал перед тем, как использовать свою грязную магию. Оказыва-

ется, он нашел в каких-то тайных книгах поклонников культа Сета способ перемещать души людей в чужие тела. Этот индюк так гордился своим открытием, что даже рассказал мне, как это делается. Правда, я тем временем мечтала о том, как полосну его ногтями по горлу, и все прослушала.— Ринга посмотрела на своих друзей.— В общем, теперь нетрудно догадаться, что барон и его подручный тогда у Эле вселили в тело нашего короля душу и разум другого человека, а душа самого Нимеда, очевидно, была ввергнута в тело подменыша. Поэтому внешность Нимеда осталась прежней — даже жена не смогла бы придраться, но по сути это другой человек. Они и со мной собирались то же проделать. Этот выкидыш гиены прямо так и заявил. Ему, мол, до смерти необходимо иметь своего человека в Вертрауэне, и мое тело вполне для этого подходит.— Ринга невольно покраснела, вспомнив, что Аррас обещал использовать ее тело не только для этого.

— Говорил же: где чернокнижник, там какая-нибудь пакость! — воскликнул Конан.

— И зачем им это было нужно? — поднял брови Мораддин.

— Пока не знаю,— задумчиво произнесла девушка-гуль.— Зависит от того, кто нанял мага. Хотя то, что он из Аквилонии, уже говорит о многом...— Ринга замолчала и махнула рукой.— Это потом. У нас и так много дел. Но ясно одно: человек на троне полностью подвластен Вику и этому мерзавцу.

— Вик мертв,— напомнил Мораддин.

— Что ж, он сам покарал себя за предательство,— пожала плечами Ринга и поморщилась. Ингода вновь смочила полотенце.— Действительно, лет семь назад была какая-то история с его дочерью. Правда, считалось, что она умерла во время родов. А то, что отец ребенка — Нимед, никого не удивляло. Наш король до женитьбы удержу в этом деле не знал.— Рабирийка досадливо скривила губы.— Как же я могла забыть об этом? Тогда я поостереглась бы доверять Вику. Неужели старею? — Ринга бросила взгляд на стоявшее возле кровати зеркало и едва заметно улыбнулась.

— Э, но этот барон сказал, что Нимед мертв! — вдруг вспомнил Серт.

— А вот Аррас утверждал обратное,— пробормотал Мораддин.— Кому же верить?

— Конечно, ничто не мешало им уничтожить тело, в которое они пересадили душу короля,— вздохнула Ринга.— Тогда я не представляю, что делать. Кроме его сына, законных претендентов на трон нет, а где мальчик, мы не знаем.

— Дернул же вас демон красть принца у Корелиуса и тащить его к Вику,— недовольно буркнул Ревенд, потирая перевязанную Ингодой руку.

Вообще, с тех пор как племянник философа героически убил пса, он обрел уверенность в себе и заметно обнаглел, на взгляд киммерийца.

— Постойте,— взволнованно заговорил Веледор.— Может быть, вы сочтете меня сумасшедшим, но я тут подумал... То есть вспомнил... Мне, знаете ли, кажется...

— Да говори ты толком! — рявкнул Конан.

— Нищий! — горячо воскликнул ученый. — Который булку украл!

Конан и Морадин посмотрели друг на друга, а Ревенд открыл рот, изумляясь находчивости всегда рассеянного дядюшки.

— Точно. — Конан взглянул на довольного своей проникательностью Веледора. — Это наверняка он!

— Надо его найти! — Ревенд порывисто вскочил на ноги, точно собираясь немедленно бежать неизвестно куда.

— Да кто — он?! — раздраженно спросила Ринга, которую всегда бесило, если она чего-то не понимала.

— Мы видели нищего, который говорил, будто он Нимед, — быстро пояснил Ревенд. — Это и есть тот человек, в теле которого находится душа нашего короля!

— Конечно, не исключено, что он просто помешанный, — рассудительно заметил Морадин. — Но найти и расспросить его стоит.

— Найти нищего в Бельверусе? — покачала головой Ринга. — Мы барона Вольденского с трудом нашли, а тут какой-то бродяга.

Конан победно взглянул на девушку-гуля.

— Есть тут у меня один знакомый, — небрежно сказал киммериец. — Он вашего бродягу вмиг отыщет. Недотепа Берт.

Морадин невольно поморщился, вспомнив своего новоиспеченного покровителя.

— Ну так поезжай, найди этого Берта! — нетерпеливо воскликнула рабирийка, сбрасывая со

лба влажное полотенце. — Что ты тут расселся, как на свадьбе?

— Может, надо было позволить колдуну довести свое дело до конца? — задумчиво протянул Конан. — К такому телу, как у тебя, да еще и норов покладистый...

Киммериец нашел Берта там, где и рассчитывал — в «Королевском плоту». Недотепа гнусавил что-то насчет своих заслуг в битве при Эль-Касаре, где он, по его словам, потерял руку, и приставал к посетителям с просьбой помочь увечному герою и его несчастному сыночку. За полухламиды Берта держался мальчик лет десяти с неподвижными глазами слепого. Увидев Конана, Недотепа прекратил заунывные жалобы и радостно замахал варвару здоровой рукой.

Киммериец коротко изложил бывшему соратнику свое дело, и Берт важно кивнул:

— Это мы быстро. Невысокий, чернявый, худой, Нимедом себя кличет? Найдем!

Недотепа что-то сказал мальчику, и мгновенно прозревший оборвыш исчез за дверью постоянного двора.

— Сын? — кивнул ему вслед Конан.

— А кто его знает! — пожал плечами Берт.

...Нищего привели в «Королевский плот» под вечер, когда Конан уже начал беспокойно поглядывать вокруг, опасаясь городской стражи, которая все еще, по утверждению Берта, безуспешно разыскивала беглецов из Каземата. Оборванец бо-

язливо посмотрел на киммерийца, но, узнав одного из своих недавних спасителей, робко заулыбался. Выглядел он еще более тощим, жалким и оборванным, чем при их последней встрече. Конан с сомнением оглядел бродягу, уже не веря, что это и есть могущественный король Немедии. Ничего не объясняя, киммериец махнул рукой, давая нищему знак следовать за собой. Тот покорно пошел за варваром. Терять ему явно было нечего.

До прихода Конана Ринга, мигом обретя былую живость, в нетерпении металась по дому. Услышав стук в дверь, девушка-гуль легко сбежала по ступеням лестницы и отодвинула засов. За ее спиной столпились остальные, снедаемые любопытством.

Киммериец вошел и, указав на своего растерявшегося спутника, отодвинулся, давая возможность рассмотреть нищего. Все разочарованно начали переглядываться, не находя в этом человеке ничего общего с королем. Веледор смущенно кашлянул, считая, что его догадка не подтвердилась. Одна Ринга продолжала настойчиво смотреть в лицо бродяге, и тот наконец отважился взглянуть в глаза девушки-гуля.

— Ринга... — неуверенно произнес оборванец.

— Ваше Величество?... — Рабирийка сделала шаг вперед.

Грязное и заросшее лицо бродяги внезапно искривилось, и он судорожно зарыдал. Девушка-гуль растерянно замерла, не зная, что делать. Тогда к нищему, по обыкновению спокойно, подошла Ингода и потянула его за руку.

— Сперва тебе надо помыться и поесть, — рассудительно сказала дочь тюремщика. — А потом вы обо всем поговорите.

Вскоре чистый, переодетый в платье умершего мужа Сезии и побрившийся Нимед сидел за столом, стараясь не слишком жадно набрасываться на еду. Время от времени он обводил взглядом обитателей дома Сезии, словно опасаясь, что они исчезнут.

Наконец Нимед насытился и откинулся на спинку стула. Теперь взглядом и осанкой он гораздо больше походил на монарха, хотя его нынешняя внешность не имела ничего общего с привычным всем обликом немедийского короля.

— Нет слов, чтобы выразить вам мою благодарность, — торжественно произнес Нимед, в последний раз обводя взглядом стол и явно жалея, что не может больше проглотить ни кусочка. — За последнюю луну я перенес столько злоключений, что встретить друзей для меня — просто благословение богов. О, Ринга! — Король порывисто обернулся к рабирийке. — Если бы ты знала, что мне довелось пережить! Мне негде было укрыться от дождя, меня травили собаками, меня избивали лавочники, надо мной издевались мальчишки, меня прогоняли нищие, что просят милостыню у храмов Митры. Никто не верил, что я король, никто не хотел помочь мне. А самое главное — этот вечный голод, грызущий внутренности днем и ночью!

Конан невольно пожал плечами. Ему казалось странным, что взрослый и крепкий мужчина до-

шел до такого плачевного состояния и не смог прокормить себя на улицах большого города.

— Да, я знаю, мой король, тебе пришлось нелегко,— мягко сказала Ринга.— Но, Ваше Величество...

— Ах, Ринга, перестань издеваться,— махнул рукой король.— Какое тут «Величество»? Зовите меня по имени. Хотя и оно уже не принадлежит мне.— Нимед судорожно вздохнул.

Поднялся шум: все дружно принялись утешать короля. Ринга нетерпеливо сдвинула брови, дожидаясь тишины.

— Нимед, мы уже распутали нить заговора,— сказала рабирийка.— Это дело рук барона Вика и Арраса, не так ли?

— Аррас...— Нимед поморщился, точно от зубной боли.— Вик представил его ко двору полгода назад как своего родственника. И ведь этот молодой человек мне понравился: умен, честолюбив, сдержан, с чувством юмора, чего не скажешь о многих моих придворных. Я собирался со временем ввести его в Королевский Совет. Поэтому я был просто потрясен, когда узнал Арраса в одном из тех, что напали на меня у Эле! — Нимед с досадой тряхнул головой.— Они запросто одурачили мою глупышку, и она пустила их в дом. Аррас заставил меня выпить что-то одурманивающее, отчего я потерял сознание, а когда очнулся,— король грустно развел руками,— уже не был правителем Немедии. Я не понимал, что со мной произошло, не знал, куда они меня привезли. Потом в комнату, где меня держали, явился барон

Вик. Признаюсь, я было подумал, что спасен. Но Вик осыпал меня гнусной бранью, твердил все время о своей дочери.— Нимед бесхитростно, как ребенок, посмотрел на Рингу.— Но я не мог на ней жениться! Ты же помнишь, как раз тогда начались неприятности на аквилонской границе, а в Офире принцы устроили свару, и нам позарез нужен был союз с Кофом! Вот я и женился на Рэлее. Я же послал Деметрии письмо, где все объяснил, и обещал даровать ее будущему ребенку поместье и титул. Что же ей было еще надо?! — Король с искренним недоумением пожал плечами.

Ильма незаметно скривила губы, Ингода печально вздохнула, а мужчины сочувственно закивали.

— Я так и сказал Вику,— продолжил Нимед.— Но он лишь взъярился еще больше, кликнул каких-то наемников мрачного вида и приказал вывести меня в лес и там убить. Я уж решил, что мне конец, но на полпути наш отряд догнал Аррас и, щедро заплатив наемникам, приказал доложить Вику, будто я мертв, а сам отвез меня в какой-то дом на окраине Бельверуса. Похоже, планы Арраса шли гораздо дальше устремлений барона.— Король недобро прищурился.— Этот аквилонец умен и проницателен, не чета старому Вику. Наша знать, месьюры, загнивает прямо на глазах. Дарованные немедийским вельможам привилегии превратили их в тупоголовых индюков. Нашей стране нужна свежая кровь, месьюры, нужны люди, способные думать, а не махать мечом и отбирать у крестьян последнее! — Нимед вели-

чественным жестом простер руку и пламенным взором оглядел собравшихся.

Серт вскочил, затянул песню во славу Немедии, но, так как остальные не поддерживали, сбился и умолк. Нимед смущенно кашлянул.

— Простите, забылся.— Король торопливо принялся доедать остатки хлеба, еще лежавшие на столе.— Охраняли меня из рук вон плохо, и мне удалось без труда бежать. Позже я не раз пожалел об этом. Подручные Арраса по крайней мере меня кормили. Вот, собственно, и все. Я потерял свое лицо, свое имя, трон, друзей. Моя жена в тюрьме, любовница бежала, сын умер...— Нимед снова впал в уныние.

— Одну хорошую новость я могу сообщить тебе, мой король,— бодро сказала Ринга.— Твой сын жив.

— Правда?! — радостно воскликнул Нимед.— О, хвала Митре за это!

— Это я его спасла, Ваше Величество! — затараторила Ильма.— Ее Величество королева Рэля поручила мне вывезти наследника из...

— Что толку! — перебил девушку Ревенд.— Вы все испортили! Оставили бы мальчика у Корелиуса — сейчас он был бы в безопасности.

— Как же, в безопасности! — язвительно воскликнул Конан.— Его схватили бы те стражники, что арестовали графа.

— А кто навел стражников? Может быть, я?! — горячился племянник философа.

— Но наши друзья действовали из лучших побуждений,— миролюбиво произнес Веледор.

— Ваше Величество, знай: это я всех вызволил из Каземата! — вмешался Серт.

— Да какой от тебя вообще толк? — орал киммериец на Ревенда.— Чистеньким хотел остаться? И нашим, и вашим?

— Что? Что?! — задыхался юноша.— Да что ты вообще знаешь о чести, варвар!..

— Друзья мои, друзья...— растерянно бормотал Веледор.

— Конан, перестань орать! — повысила голос Ринга.

— Да где бы ты без нас был со своим дядюшкой?! — ярился киммериец.— В Каземате на дыбе!

— Я бы попросил!..— оскорбился философ.

— Ваше Величество, из Каземата я всех вызволил,— гнул свое Серт.

— Папа... Ревенд...— Пунцовая от стыда Ингода умоляюще протягивала руки то к одному, то к другому.

— Конан, немедленно замолчи! — закричала рабирийка.

— А что ты нам вечно рот затыкаешь, а? — вскинулась Ильма.— Думаешь, умнее всех?!

— Ты бы уж постеснялась рот открывать! — одернула ее Ринга.— Может, забыла, кто упустил принца, развлекаясь с мужчиной в постели?

— Ты убийца без тени благородства! — потрясал кулаками Ревенд.

— Трусливый ублюдок! Щенок! — ревел киммериец.

Нимед растерянно озибался, забыв даже ссыпать в рот тщательно собранные со стола крош-

ки. У Мораддина вид был не менее ошарашенный. Сдержанный гном до сих пор не мог привыкнуть к взрывному темпераменту своих спутников.

В этот миг дверь отворилась и в комнату вбежал запыхавшийся Трим.

— Стражники! — закричал он. — К нам идет отряд стражников!

Глава одиннадцатая

Все, как по команде, замолчали, и в воцарившейся тишине мальчик, захлебываясь, заговорил:

— Мы с ребятами играли на соседней улице, и мимо ехал отряд стражников. Их сотник спросил у нас, где дом вдовы Сезии. Я им указал в другую сторону, но они все равно скоро будут здесь!

— Сколько их? — быстро спросил Конан.

— Много! — Трим округлил глаза. — Человек тридцать, все на лошадях, и у каждого во-от такая сабля!

— Это Аррас их послал, чтоб его... — пробормотала Ринга.

— А ты, может быть, ожидала, что он пришлет тебе корзину цветов? — съехидничала Ильяма.

— Уносим ноги, кто как сумеет, — распорядился варвар. — Встретимся в «Королевском плоте».

С приобретенной за последнее нелегкое время сноровкой все молниеносно бросились забирать самое необходимое из своих вещей. Ринга первой

была готова к бегству. Накинув плащ, девушка-гуль поспешила к выходившему на задворки черному ходу.

Мораддин бросил неуверенный взгляд на Конана и последовал за рабирийкой. При всей преданности другу гном просто был не в состоянии оставить ее одну.

Прежде чем покинуть дом, девушка-гуль подбежала к Сезии.

— Будь осторожна, дорогая! — быстро проговорила Ринга.

— Не беспокойся обо мне. — Женщина крепко сжала руку сына. — Я укроюсь у сестры мужа, она живет неподалеку.

— Когда все закончится, дай о себе знать.

Ринга торопливо поцеловала Сезию в щеку и вместе с Мораджином скрылась за дверью. Вслед за ними выскочила Ильма, тянувшая за руку Веледора. Серт попытался было юркнуть за ними, но через несколько мгновений ворвался в дом и задвинул засов.

— Там стражники! — с ужасом завопил тюремщик.

Оставшиеся в доме кинулись к парадному входу. Сезия достала ключ и начала тщательно запирать дверь, невзирая на понукания сына. Серт схватил дочь за руку и потащил ее вверх по улице. Ингода вырвалась, подбежала к Ревенду, порывисто поцеловала его и, не сказав ни слова, повернулась и устремилась за отцом, который уже сворачивал в какой-то проулок. Открыв рот, племянник философа смотрел ей вслед.

— О женщинах после мечтать будешь! — одернул его Конан.

Сезия ласково притронулась к руке Ревенда, тепло улыбнулась Конану, кивнула Нимеду и вместе с Тримом спокойно пошла прочь от своего дома. Неожиданно из-за угла вывернул второй отряд стражников, который ехал прямо на вдову и мальчика.

Сезия продолжала медленно идти, даже не глядя на солдат, а вот Трим забеспокоился и даже попытался вырвать ладонь из руки матери, намереваясь бежать. Командир стражи придержал коня, внимательно посмотрел на них и что-то спросил у Сезии. Женщина принялась отвечать, а Трим затравленно прижался к стене. Стражник наклонился над мальчиком и схватил его за плечо. Сезия закричала. Конан, собравшийся было перемахнуть через забор, остановился. Тут Ревенд, уже сидевший верхом на заборе, спрыгнул и выбежал на середину улицы.

— Эй! — заорал юноша, размахивая руками. — Вы не нас ищете, месьоры?

Командир стражи выпустил Трима и, не обращая больше внимания на Сезию и ее сына, пустил лошадь галопом. Ревенд бросился бежать по улице. Конан в ужасе посмотрел на юношу и помчался вслед за ним. За варваром неслись король. Хотя Нимед без труда мог скрыться в одиночку, ему явно не хотелось потерять едва обретенных друзей. За их спинами зловеще стучали копыта, бряцало железо о железо: конные стражники немолимо догоняли беглецов. Киммериец, имевший

солидный опыт всевозможных погонь, знал, что у них есть единственный выход — юркнуть в какой-нибудь дом, и желательно со вторым выходом. Пока солдаты спешатся, у беглецов будет немного времени на то, чтобы скрыться.

Завернув за угол, Конан заметил впереди лавку и, не раздумывая, схватил Ревенда за плечо и втащил в дверь. Вслед за ними ввалился запыхавшийся Нимед. В лавке повсюду были разложены ткани, и степенный купец расписывал немолодой женщине достоинства зингарского бархата. При виде встрепанных посетителей с оружием хозяин лавки лишился дара речи, а женщина завизжала тонким голосом, удивительно не соответствовавшим ее комплекции.

Не обращая на них внимания, Конан огляделся, приметил в глубине лавки дверь и, не колеблясь, бросился туда. Как оказалось, дверь вела на склад. Тюки самых разнообразнейших тканей загромождали небольшое помещение с одним окном. Посередине склада на коленях стояла девушка и с вороватым видом отрезала кусок от рулона прозрачной легкой ткани — очень дорогого туранского шифона. Услышав шум, девушка быстро вскочила на ноги, стараясь спрятать за спиной свою добычу.

— Здесь есть другой выход? — торопливо спросил Конан у девушки, крутя во все стороны головой и не видя ничего за горами материи.

— Н-нет, — запинаясь, ответила та.

Киммериец яростно выругался. Позади него тяжело дышали Нимед и Ревенд. Конан подско-

чил к окну, забранному дешевой слюдой и едва пропускавшему дневной свет. Сквозь мутную поверхность варвар не смог ничего разглядеть и обернулся к девушке:

— Что там, снаружи?

— Двор, — кратко ответила девушка.

У нее было хитренькое личико городской служанки, шифон она по-прежнему комкала в руках, и в глазах у нее вовсе не было страха. Не без восхищения оглядев могучую фигуру варвара, девушка кокетливо взмахнула рыжими ресницами и спросила:

— Ограбили кого-нибудь?

— Почти, — кивнул Конан, положил сильные руки на плечи служанки и, наклонившись к ее уху, жарко прошептал: — Красавица, на тебя вся надежда.

Девушка зарумянилась.

— Ладно уж, — манерно протянула она. — Помогу вам, глупые. Лезьте сюда. — Служанка показала Конану узкий проход между тюками.

Ущипнув девушку за пухлый зад, киммериец протиснулся в глубь склада. Следом проскользнули Ревенд и Нимед. Девушка обрушила за ними стопку тюков, завалив беглецов материей. Чуть погодя Конан услышал треск разбиваемого витражного окна и порадовался сообразительности девушки. Яростно залаяла дворовая собака, гремя цепью. Тут в помещении раздались грубые голоса стражников, зазвенело оружие, ощутимо запахло потом и лошадьми. Конан, Ревенд и Нимед затаились.

— Ну, где они, задави вас демон?! — слышался хриплый пропитой голос, по которому за лигу можно было узнать городского стражника.

— Тайри, что тут... О-о, мое окно! Они разбили мое окно с витражом! Милостивая Иштар, оно стоило пять золотых! — Судя по безысходному горю, звучавшему в голосе, это был хозяин лавки.

— Ах, месьор Стритор, — затараторила служанка, — эти разбойники ворвались сюда с огромными мечами, повалили тюки, чуть меня не лишили чести, а потом разбили окно и выскочили во двор. Слышите, как Злыдень заливается? Говорила я, не надо его на цепь сажать, тогда они не убежали бы!

— Моя жена обещала, что ежели увидит пса не на цепи — отравит. — Хозяин тяжело вздохнул.

— Что ж ты их не задержала, дура? Это ведь преступники, заговорщики, будь они неладны! — рявкнул стражник.

— А что ж ты их сам не задержал? — невинно поинтересовалась Тайри. — Что для такого храброго стражника, как ты, всего трое преступников!

Командир стражи зло ругнулся.

— Я б с тобой разобрался, стерва, да времени нет, — пробурчал он. — Купец, куда выходит твой двор?

— А прямо на берег Бельверы! — с готовностью сообщил хозяин лавки. — Там все больше огороды, а дальше — лодочная пристань. Они, видать, туда побежали. Кроме как на лодке, здесь через реку не перебраться.

Стражник снова выругался и, тяжело стуча сапогами, вышел. Уже из-за стены донеслись его команды и торопливый стук копыт.

— О боги! — причитал Стритор над разбитым окном.

— Посмотри, хозяин, они порвали туранский шифон! — В голосе Тайри было столько ужаса и негодования, что Конан едва удержался от того, чтобы хмыкнуть. — Зацепили своими проклятушими железяками, наверное!

— Хоть бы ты мне что хорошее сказала, неумеха! — в сердцах воскликнул Стритор. — Я пойду пока в лавку, всучу-таки госпоже Ханне этот траченный молью бархат, а ты приберись тут да посчитай, не прихватили ли эти разбойники что с собой. А Злыдня я и правда спущу. Пусть жена побесится, ей полезно.

Вскоре Конан услышал тихий шепот девушки:

— Эй, там! Вылезайте!

Киммериец легко расчистил себе дорогу среди тюков ткани и, кашляя от пыли, выбрался наружу. Вылезшие вслед за ним Ревенд и Нимед принялись благодарить девушку, но она смотрела только на северянина.

— Насчет того чтобы чести лишить — это ты уж слишком, милая! — добродушно заметил Конан.

— Да что я не знаю таких, как ты? — хохотнула Тайри. — Обязательно попытался бы, будь у тебя время.

Ревенд и Нимед принялись бурно оправдываться, а Конан лишь игриво подмигнул служанке.

— А вот с окном — это ты ловко! — похвалил девушку Нимед.

— У хозяйина была такая рожа, что я чуть со смеху не лопнула! — оживилась Тайри. — Так ему и надо, старому негодяю! Против своей стервы и пикнуть не смеет, а чуть она отвернется — ко мне под юбку лезет! И добро бы хоть был на что способен, а то... Эх, горе одно!.. И как он только семерых детишек наделал, ума не приложу. Видать, помог кто. — Служанка захихикала.

— Ну, нам-то помощь не нужна, — уверил Конан и, стиснув девушку в объятиях, поцеловал ее так, что Тайри потом долго не могла отдышаться.

— Да, это совсем по-другому, — шепотом призналась она и томно вздохнула.

Нимед выразил горячую готовность показать, что и он кое-что умеет, но Ревенд напомнил, что им надо уходить отсюда как можно скорее.

— Идите, идите, — заторопила девушка. — Мне еще тут прибираться да тюки пересчитывать.

— И скольких из них не хватит? — понимающе спросил Конан.

— Ты бы один столько не унес.

Тайри хитро улыбнулась варвару, осторожно выглянула за дверь и махнула мужчинам рукой.

В лавке уже никого не было: видимо, Стритор всучил-таки покупательнице бархат и отправился отвязывать собаку.

Конан, Ревенд и Нимед быстро выскочили на улицу. Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, все трое торопливым шагом двинулись прочь.

— Эх, вот вернусь на престол, найду эту Тайри и возьму ее вместо Эле, — мечтательно произнес Нимед и внезапно погрузился: — Если вернусь...

Поняв, что они все-таки оторвались от пого-ни, Конан почувствовал непреодолимое желание отметить это событие. Завернув в небольшую таверну, киммериец и его спутники заказали вина и выпили за удачу. Потом вспомнили о своих друзьях и великодушно выпили и за их удачу. Затем Нимед предложил выпить за то, чтобы их враги поскорее оказались на Серых Равнинах. Ревенд провозгласил верноподданнический тост за возвращение законного короля на трон. Конан решил поддержать его и выпил за процветание Нимедии. Король растрогался и выпил за Киммерию. Затем стали пить за женщин, потом за то, что от женщин одни неприятности, потом за здоровье каждого из присутствующих... Первым развезло Нимеда, который последнее время и питался-то из рук вон плохо, а уж о вине вообще забыл. Ревенд явно развеселился и затуманенным взором оглядывал внушительный бюст служанки, разносившей заказы. Конан залпом допил вино, убедился, что на следующий кувшин денег нет, и высказал мучившую его мысль:

— А что, собственно, дальше?

Нимед и Ревенд в недоумении воззрились на своего спутника.

— Я имею в виду, что мы будем делать дальше? — пояснил варвар, с трудом сдерживая ико-

ту.— Вик помер, Аррас сбежал, их заговор мы разгадали... Ты, твое величество, с нами. Твоего щен... сына нам пока все равно не найти. И как теперь? Как вернуть тебя на место? Ну, на престол?

Нимед и племянник философа растерянно переглянулись, удивляясь, почему такая простая мысль не пришла им в голову раньше.

— Ринга, наверно, что-нибудь придумает,— неуверенно произнес Ревенд.

— А у тебя что, своих мозгов нет? — ехидно осведомился Конан и икнул.— Будешь до смерти позволять женщине тобой командовать?

— Верно! — Нимед даже привстал на скамье от возбуждения.— Ринга умница, ничего не скажешь, но неужели мы, мужчины, не способны что-нибудь сообразить? Король я, в конце концов, или нет?!

— Король! — в один голос воскликнули киммериец и юноша.

Нимед расчувствовался от их преданности и уронил слезу в пустую чашу.

— Вот если бы мы смогли попасть во дворец,— размечтался вдруг Ревенд,— и встретиться лицом к лицу с этим лже-Нимедом! Уж мы бы побеседовали с ним, клянусь Митрой! Этому самозванцу приятно было бы узнать, что его грязные делишки выплыли наружу и что мы это так не оставим. Он как увидел бы тебя, государь Нимед, в своем теле, так от страха совсем бы ума лишился! — Юноша захохотал, находя свою шутку очень забавной. Что странно, Конан и король были с этим согласны.

— Во дворец просто так не пустят,— отсмеявшись, заметил киммериец.— Там охраны что крыс в трюме торговой галеры.

— Ну и наплевать, что не пустят! — грозно возопил Нимед.— Я в свой дом могу пройти когда пожелаю, и никто мне не помеха!

— Никто же не знает, что это твой дом,— рассудительно напомнил Конан.

— Ты не понял.— Король хитро прищурился.— В каждом порядочном дворце существует потайной ход. И мой дворец — не исключение.

— Как здорово! — восторженно воскликнул Ревенд.— Мы попадем в королевский дворец через потайной ход!

Конану тоже почему-то показалось, что это будет здорово.

Мысль предстать перед человеком, занявшим место короля, и выложить ему все прямо в лицо показалась киммерийцу столь забавной, что он захохотал. К нему с готовностью присоединились Нимед и Ревенд.

— Пойдемте же, месьюры! — Король порывисто вскочил, пошатнулся, ухватился за край стола, но каким-то чудом устоял на ногах.— Я проведу вас! Вперед! Мы им всем покажем!

Конан и Ревенд дружно поддерживали Нимеда. Они были уверены, что покажут, только не совсем понимали, кому и что. Впрочем, это им нисколько не мешало чувствовать себя героями. Прихватив с собой факел, освещавший таверну, они вышли наружу, сопровождаемые гневными воплями служанки.

Небо было затянуто тучами, дул холодный, пронизывающий ветер. Нимед шагал так быстро, что Ревенд и Конан с трудом поспевали за ним. Киммериец с тоской подумал о своей купленной еще в Заморе лошади, которая последнее время паслась на заднем дворе Сезии и которую очень любил Трим. Наверно, ее взяли Мораддин и Ринга, спасаясь от стражников. Хотя... у них же были свои кони.

При воспоминании о Ринге Конан почувствовал, как холодок пробежал по спине, и постарался отогнать мысль о том, что сказала бы рабирийка, узнав об их затее.

Между тем они подошли к городским воротам. Конан хотел было что-то спросить, но Нимед решительно прошёл мимо скучавших стражников. Дорога, начинавшаяся от этих ворот, шла в полночном направлении, по малозаселенной и негостеприимной предгорной местности и никогда не была оживленной. Немного пройдя по ней, король свернул в небольшую рощу. Там не было даже тропинок: путники не устаивали ее вниманием, торопясь в город. Проломившись через ореховые кусты, Нимед, Ревенд и Конан увидели обветшалое серое каменное строение.

— Древний храм,— пояснил Нимед.— Такой же старый, как мой дворец. И такой же уродливый и никчемный.

— Ну почему же...— Конан постарался быть вежливым.— Твой дворец мне даже понравился. Такой... Такой...— Киммериец не знал какой, поэтому очертил рукой что-то неопределенное.

— Ах, не утешай меня, Конан,— мрачно промолвил Нимед.— После того дворца, что я видел в Кордаве у моего дорогого брата Фердаруго, мне очень хочется спалить эту рухлядь и построить себе приличный дом. Но в казне, как обычно, не хватает на перестройку денег, и приходится делать вид, будто мне дорог замок моих предков, забери их Нергал!

— Уже,— коротко сказал Ревенд.

— Что «уже»? — не понял Нимед.

— Уже забрал,— пояснил юноша и первым вошел в старый храм.

Внутри ничего не было, через узкие окна под самым потолком падал свет, почти не разгоня царившего внизу полумрака. Каменный алтарь был разбит, в трещинах пола тут и там прорастали трава и маленькие деревца. У порога валялось пустое птичье гнездо.

— И где потайной ход? — Ревенд разочарованно огляделся.— Я ничего не вижу.

— На то он и потайной, чтобы его не было видно.

Король взметнул ногой кучку сухих прошлогодних листьев и наступил на одну из мраморных плит, которыми когда-то был выложен пол. Ревенд и Конан напряженно ждали, но ничего не произошло.

— А, кишки Сета! — выругался Нимед и принялся яростно стучать каблуком по плите.— Кажется, заело!

— Дай-ка я,— предложил варвар, подпрыгнул и опустился на нужную плиту.

Она со скрипом подалась под тяжестью северянина, и часть пола сразу за разбитым алтарем с гулом опустилась, открывая ведущую под землю каменную лестницу с узкими ступенями.

Нимед зажег факел и стал спускаться. Конан и Ревенд последовали за королем. Внизу находился невысокий коридор, стены которого были выложены крупными обломками гранита. Видно, строился этот ход на века. Дождавшись спутников, Нимед сунул руку в небольшую выемку в стене коридора и что-то нажал. Плита вернулась на место.

— Этот ход очень старый, я даже не имею представления, кто его построил, — небрежно сказал Нимед. — О нем почти никто не знает. До меня здесь давно никто не бывал, но перед женитьбой я велел тут кое-что подновить и залатать, чтобы можно было без помех проходить, не боясь, что камень с потолка рухнет на голову. С тех пор я им нередко пользовался. — Король доверительно посмотрел на своих друзей. — Понимаете, я же все-таки мужчина, а моя Рэля не то чтобы очень ревнива, а, скорее, слишком добродетельна. Вбила себе в голову, что супруги должны принадлежать только друг другу и быть примером для подданных. И где она нахваталась таких мыслей? Ведь ее покойный папаша, кофийский король, ходил налево чуть не каждую ночь; мамаша сама не знает, кто из ее шестерых детей зачат законным супругом, а ее братишка, наследный принц, вообще открыто устроил себе гарем по туранским обычаям!

— Правильно мыслит парень, — одобрительно проговорил Конан. — Ежели бы я стал королем, у меня был бы лучший гарем среди стран Заката!

— Ты думаешь, король всегда делает, что хочет? — усмехнулся Нимед. — Да если он сделает что-то по-своему, поднимается крик в Королевском Совете, знать мгновенно оказывает неповиновение, приходится посылать в провинции солдат всех утихомиривать, землевладельцы начинают драться с крестьян по три шкуры, чтобы оплатить наемников, и те, понятное дело, бунтуют, купцы, боясь смуты, к нам не едут, торговля чахнет, казна пустеет, солдаты не получают жалованья, возникают беспорядки в армии, соседи радостно потирают руки и начинают подтягивать к твоим границам войска... — Нимеда передернуло. — Мне еще никаких изменений не дали толком провести, а ты говоришь — гарем!

Они продвигались по коридору, проходившему прямо под городскими кварталами. Из-под ног с писком разбегались крысы, в воздухе стояло осязаемое зловоние, со стен капала вода, образуя на неровном полу лужи. Затея встретиться с лже-Нимедом понемногу переставала казаться всем такой остроумной. Тогда король вытащил флягу с крепким вином, которую, пользуясь недавно приобретенным опытом, просто стащил в кабачке у какого-то ротозея, и пустил ее по кругу. От вина кровь снова заиграла в жилах, и настроение друзей явно улучшилось.

— Ну, скоро там? — нетерпеливо спросил Ревенд, опять вспомнивший, как он ловко распра-

вился с собакой, и жаждущий новых приключений.

— Пришли.— Нимед указал на крутую лестницу с шаткими деревянными перилами, уходившую вверх.

— И как ты тут себе раньше шею не сломал? — пробурчал Конан, задрав голову.

— Меня вела за собой любовь, — туманно пояснил король и стал ловко взбираться по ступеням.

— Э, а куда этот ход выводит-то? — крикнул варвар.

— В умывальную комнату! — донеслось сверху.

Киммериец пожал плечами и полез вслед за Нимедом. Позади, пытаясь карабкаться Ревенд. Лестница спиралью вилась вдоль стены узкой башни. Каменная кладка здесь была древней, но добротной.

Конан вспомнил, что видел на королевском замке несколько симметрично расположенных башенок, но подумал тогда, что они построены для украшения.

На узкой площадке, которой заканчивалась лестница, король остановился. Прямо над его головой нависал дощатый настил. Нимед поднатужился, толкнул люк и, подтянувшись на руках, скрылся из вида. Конан поспешил за ним и оказался перед небольшой дверью.

— Пришли, — повторил Нимед и потянул вниз торчавший из стены каменный рычаг.

Заскрипели скрытые блоки, и дверь отворилась. Нимед, Конан и Ревенд шагнули внутрь.

Потайная дверь снаружи ничем не выделялась, представляя собой часть мозаичной картины, которая занимала всю стену. На ней была изображена купающаяся богиня с прислужницами. Посредине умывальной комнаты находился неглубокий бассейн, от которого к низкому потолку поднимался пар. В бассейне сидел голый человек, а две девушки в белых одеяниях старательно растирали его ароматическими маслами. Увидев, как прямо из стены к ним вышли трое вооруженных мужчин, служанки завизжали и, побросав притирания, выскочили через завешенный шкурой медведя арочный проход. Человек в бассейне, в котором Конан узнал лжекороля, вытаращив глаза смотрел на неожиданных гостей.

— А, вот и ты, самозванец, — зловеще процедил Нимед, медленно подходя к нему. — Нежишься в моем бассейне? Играешь с моими служанками? Жрешь мою еду? Носишь мои платья?

— О Митра, какой я, оказывается, тощий! — изумленно прошептал самозванец.

— Конечно, тощий! — заорал король, теряя над собой власть. — Пожил бы с мое среди нищих и воров, еще и не таким бы стал!

Нимед подскочил к поднявшемуся на ноги лжекоролю и замахнулся. Тот зажмурился и втянул голову в плечи.

— Эх, не могу, — с сожалением сказал Нимед. — Не могу бить по собственному лицу. Конан, дай-ка ему. Только не сломай ничего, я еще надеюсь получить это тело назад.

Киммериец с готовностью подошел к мужчине и с размаха ударил его по скуле. Самозванец повалился в воду, подняв целый фонтан брызг.

— Ты думал, занял мой трон навсегда, собака? — кричал король. — А я здесь, пришел по твою душу! Думаешь, ваши гнусные замыслы никому не по силам разгадать? А вот нашлись люди поумнее вас, Сетовы выкормыши! Пришло твое время, недоумок!

Ревенд взмахнул рукой и издал только что придуманный им боевой клич, гулко отразившийся от мозаичных стен и мраморного пола. Конан одобрительно хмыкнул, чувствуя, как его душу затопляет волна теплых чувств к спутникам, поднятая выпитым вином. Их враг затравленно огляделся и начал отодвигаться к дальнему краю бассейна. Нимед и Ревенд со зверскими лицами принялись обходить его с двух сторон. Конан заулюлюкал, предвкушая потеху. Мужчина не выдержал, выпрыгнул из воды и нагишом бросился в соседнюю комнату. Это была спальня. Оставляя мокрые следы на роскошном туранском ковре, который покрывал пол, лжекороль укрылся от преследователей за широким ложем с балдахинном. Киммериец заметил среди разбросанной на ложе одежды церемониальный королевский меч, но самозванец даже не попытался взять оружие.

— Я... Я не хотел, — вдруг залепетал бедолага. — Меня заставили, клянусь Митрой!

— О боги! — Настоящий король воздел руки к потолку. — Душа, поселившаяся в моем теле, принадлежит трусу! Представляю, как ты опозорил

меня, червяк! Ты, жалкое подобие монарха! Наверняка потирал свои потные ручки, радуясь, что Вик перерезал мне горло! А я вот жив! — Нимед с явным удовольствием сделал неприличный жест.

— Как перерезал? — забормотал лжекороль. — Мы так не договаривались! Они обещали, когда все кончится, вернуть меня в мое тело...

— Давайте заберем его с собой, — предложил Ревенд. — Найдем какого-нибудь колдуна, он поменяет ваши души местами — и все дела.

— О, юноша, ты достоин быть моим советником! — горячо воскликнул Нимед. — Одевайся давай, ты! — грубо прикрикнул он на самозванца.

Тот покорно кивнул и принялся торопливо натягивать штаны на мокрое тело. Конан тем временем бродил по спальне, прикидывая, что откуда можно стянуть.

Лжекороль уже заправлял в штаны белоснежную тонкую рубашу, когда за дверью спальни послышались возбужденные голоса и бряцание оружия. Самозванец вскинул голову, и в его глазах засветилась надежда.

— На помощь! — визгливо заорал он, отскакивая к двери. — Вашего короля убивают!

— Ко мне, гвардейцы! Взять изменника! — в свою очередь закричал Нимед, в котором разыгралась старая привычка повелевать подданными.

Вбежавшие солдаты на мгновение остановились в растерянности. Пока их покрытые шлемами головы усиленно соображали, какой из приказов надлежит выполнить, Конан и Ревенд бросились к потайному ходу. Нимед продолжал убеж-

дать гвардейцев, что именно он и есть истинный правитель Немедии, поэтому киммерийцу пришлось схватить разошедшегося короля за куртку и просто втащить в соседнюю комнату. Обезав бассейн, Ревенд первым достиг мозаичной двери, но поскользнулся на мокром полу и упал. Тут же закрипели блоки, и дверь начала медленно, но неумолимо закрываться.

— Отойди! — заорал Нимед. — Ты упал на рычаг!

Ревенд торопливо вскочил, но дверь все равно продолжала закрываться.

— Сойди же с рычага, осел! — рявкнул Конан.

Юноша в ужасе принялся высоко поднимать ноги, напоминая танцующего на раскаленной сковороде циркача, пытаясь при этом отыскать тот самый злополучный рычаг, но ничего не видел. Киммериец кинулся к двери и попробовал остановить ее плечом. Блоки натужно взвизгнули, дверь еще немного подалась, где-то что-то с хрустом сломалось, и она встала. Конан взглянул на оставшуюся щель: в нее мог пролезть разве что пятилетний ребенок.

— Нимед, открывай свой ход, я задержу солдат! — крикнул варвар и, обнажив меч, встал в арочном проеме.

Король яростно заколотил каблуком по какой-то едва заметной плитке в полу, но дверь не двигалась с места.

— Кажется, я ее сломал, — догадался Конан. — Кром! И что у вас в Бельверусе все ломается, едва к нему прикоснешься?

— Что вы стоите, идиоты? Арестовать заговорщиков! Нет, лучше сразу убейте их! Да не всех, дубины! Того низенького, чернявого, в суконной куртке — не трогать! Если хоть волос с его головы упадет — все на эшафот пойдете! — надрывался лже-Нимед, все еще разумно не высовывавшийся из-за ложа.

Солдаты медленно двинулись на Конана и его спутников. Северянин прикинул, что у них теперь остался один выход — прорываться через толпу гвардейцев из спальни, а там — как Митра решит. Подумав о том, что в последние дни, пожалуй, пришлось слишком часто драться, киммериец вытянул из ножен меч и встал в боевую стойку.

* * *

Рядом с Конаном неожиданно оказался Нимед.

— Приставь мне меч к горлу! — зашипел он в ухо киммерийцу.

— Это еще зачем? — оторопел варвар.

— Припугнем этого ублюдка! Может, что и выйдет, — ответил король. — Не хочется мне драться с моими же стражниками.

Еще не до конца понимая, зачем это надо, варвар схватил Нимеда за плечо и приставил лезвие меча ему к груди. Ревенд открыл рот и едва не выронил саблю. Лжекороль встревоженно высунулся из-за ложа, и киммериец наконец догадался, что задумал Нимед.

— Э, месьор! — забеспокоился самозванец. — Не порти мое тело, пожалуйста!

— Если не отзовешь своих солдат, еще как испорчу,— злоеце пообещал Конан.

— Он может,— поддакнул Нимед.— Он у нас такой, чуть что не по нему — сразу мечом махать начинает!

— Но... Но в этом теле — ваш король! — попытался убедить киммерийца лже-Нимед.— Ты не можешь убить собственного короля!

— Еще как могу,— нахально заявил Конан и слегка надавил на острие меча; хорошо наточенная сталь порвала куртку на груди его спутника.

— Попрошу поосторожней,— недовольно шепнул варвару настоящий король.

— Прикажи-ка своим солдатам выпустить нас из дворца, а то лишишься тела! — небрежно бросил Ревенд, разгадавший замысел друзей.

— А у меня... то есть у моего тела, печень не в порядке,— начал стращать самозванца Нимед.— И зубы не очень... Так что ты хорошо подумай, узурпатор.

— А я-то гадаю, почему у меня после дворцовых пиров в боку колет...— пробормотал самозванец.

Солдаты, понявшие из этой перепалки лишь то, что приказ их правителя может быть отменен, терпеливо ожидали новых распоряжений.

— Ну ладно,— жалобно протянул лже-Нимед.— Вы... идите себе. Сет с вами. Только,— обратился он к королю,— ты тело мое побереги. Я сроду ничем не болел и зубами могу орехи грызть. Может, я еще его обратно получу, так хотелось бы без порчи.

— Какая наглость! — восхищенно прошептал король.— На такого типа даже сердиться грешно.

Стражники расступились, давая дорогу киммерийцу и его спутникам. Не доверяя лжекоролю, Конан продолжал держать меч у груди Нимеда. Они прошли через спальню и оказались в коридоре.

— А теперь — быстрее! — крикнул Нимед.

— Почему? Стражники же нас не преследуют,— удивился Ревенд.

— Ты думаешь, все так просто? — хмыкнул Нимед.— Из моей спальни проведен шнур со звонком прямо в караулку у парадной лестницы. Наверняка наш друг уже подал туда сигнал тревоги.

— Вот змеиное отродье! — выругался киммериец, крепче перехватывая меч.

— Так зачем мы туда бежим? — спросил Ревенд.

— Мы бежим вовсе не туда,— объяснил король,— а к лестнице для слуг.

Расталкивая попадавшуюся по дороге дворцовую челядь, трое спутников достигли черной лестницы и спустились на первый этаж. Пробежав через жарко натопленную кухню, где среди клубов пара, брызжащих маслом сковородок и шипящих на вертеле окороков на них изумленно тарасились повара, сбив с ног дородного водоноса с двумя полными ведрами воды и распугав стайку молоденьких горничных, киммериец, Нимед и Ревенд выбрались на задний двор замка-крепости, занятый хозяйственными постройками и ко-

нюшными. Король огляделся и быстро втащил своих спутников обратно в дверь.

— Там солдаты! — свистящим шепотом пояснил он.

— Быстро твои стражники бегают, — с досадой произнес Конан.

Пришлось возвращаться. Горничные, увидев их, радостно завизжали. Предупрежденный визгом девиц водонос с яростной руганью запустил в беглецов обоими ведрами, причем обоими попал.

— Вернусь во дворец — переведу его из слуг в прачшники, — пробормотал Нимед, потирая ушибленную спину.

Повара, кухарки и поварята с восторгом побросали работу и начали ловить подозрительных незнакомцев. Конан, Нимед и Ревенд ничего не видели в дыму и чаду, задыхаясь от жары и думая лишь о том, чтобы не налететь на раскаленную печь или не обвариться кипятком. Слуги же со свистом и улюлюканьем гоняли друзей, охаживая их вертелами. Беглецы кашляли и чихали от вивавших в воздухе молотых пряностей, а на их головы сыпались увесистые овощи и сочные фрукты, метко кидаемые озорными поварятами. Поэтому, когда в кухню ворвались солдаты, им даже не пришлось применять оружие: избитые, измазанные соком фруктов, облепленные мукой и перцем, оглушенные визгом зрительниц и совершенно растерявшиеся, Конан, Нимед и Ревенд сдались без боя. Стражники отобрали у беглецов оружие и вытолкали их на улицу, где при свете дня принялись разглядывать свою добычу.

— Это кого же мы поймали? — наконец заговорил один из солдат, в то время как киммериец и его спутники липкими от фруктового сока руками пытались стряхнуть с волос муку. — Воры, или как?

— Воры — они в сокровищницу лезут, а не на кухню, — рассудительно заметил другой стражник. — Не окорок же они стащить собирались!

— Я бы окорок стащил, — мечтательно закатил глаза его товарищ. — Это, чай, не та дрянь, которой нас в казарме кормят.

— А кто приказ-то отдавал этих ловить? — не унимался первый стражник. — За действия без приказа и плетей прописать могут!

— Вроде никто не отдавал. — Тот, что жаждал попробовать окорок, задумчиво почесал затылок под железным шлемом. — В караулке звонок зазвонил, потом Санд закричал, что кого-то надо поймать: они, мол, на задний двор побежали. Ну, мы тоже туда побежали...

— Тоже, тоже, — передразнил первый стражник. — А ежели Санд тебе закричит, что надо в Бельвере утопиться, ты тоже побежишь?

— Да что вы спорите? — вмешался дотолемолчавший стражник, похоже, более сообразительный, чем остальные. — Отведем их к начальству, и все дела. Если нужно было их ловить, получим благодарность. Если нет, скажем, что увидели посторонних во дворце, они удирать принялись, вот мы их и взяли, чтобы порасспросить, кто такие.

Остальные молча посмотрели на говорившего, и на их лицах появились довольные улыбки.

— Ну, пошевеливайтесь, вы!.. — Первый стражник грубо толкнул Ревенда в спину.

Арестованных вывели с хозяйственного двора и повели через парк к главному входу во дворец. Конан, глаза которого все еще слезились от попавшего в них молотого мускатного ореха, оглядывался по сторонам, обдумывая, как бы сбежать. Но солдаты оцепили киммерийца и его друзей плотным кольцом и даже не вложили сабли в ножны. Что-то, а свое дело королевские стражники знали.

Внезапно все увидели спешившего им навстречу десятника. Он почти бежал, придерживая на боку ножны. Стражники нерешительно замедлили шаг, и идущий впереди Нимед ткнулся носом в спину своего конвоира.

— Что это за арестованные, и куда вы их ведете? — строго спросил десятник.

— Да, месьор, эти... Личности... установить надо... — забормотал любитель окороков.

— Устанавливать личность — это не вашего ума дело, — резко сказал десятник. — Вам отдавали приказ схватить этих людей?

— Я же говорил! — зашипел позади Конана первый стражник. — Попались, как новобранцы!

— Месьор десятник, там в караулке сигнал тревоги был, и мы подумали... — начал было отвечать самый сообразительный из солдат, но десятник прервал его досадливым жестом:

— Ваше дело — исполнять, думать будем мы. — Он посмотрел на арестованных. — Освободите этих людей и верните им оружие. А если не хо-

тите получить плетей и наряд на чистку нужников, советуя помалкивать об этом деле.

Стражники торопливо вернули Конану, Ревенду и Нимеду оружие и, радуясь, что отделались столь легко, помчались к своему посту. Ревенд хотел что-то спросить, но десятник сделал знак молчать и быстро зашагал по парковой дорожке. Юноша и его спутники двинулись за своим освободителем. Вскоре он привел их к незаметной калитке в стене королевского парка.

— Уходите, и в следующий раз будьте осторожней, — сказал десятник. — Вообще не понимаю, что привело вас сюда. Все сведения вам могли передать через Конюха. Мы всегда так поступаем.

— Это... В каком смысле? — оторопел Нимед.

— В крайнем случае, воспользовались бы срочной связью через Хромого: он как раз встречался сегодня с Пташкой, — продолжал десятник, и в его голосе явно звучало неодобрение. — Нельзя же так рисковать! А если бы я не узнал, что за вами погоня, и не успел бы вас перехватить? В Каземате, конечно, есть наши люди, но неизвестно еще, захотел ли бы Главный вас оттуда вытащить.

— Да, это вряд ли, — горестно согласился Конан, который по собственному опыту знал, что всевозможные Главные имеют дурную привычку забывать о попавших в беду помощниках.

— Лучше затаитесь где-нибудь, — посоветовал десятник. — Смените внешность, имя — ну, не мне вам объяснять. Кажется, за вами идет большая охота. Вы уж простите, но опытные люди так не

нарываюся.— Он кивнул им на прощание и быстро зашагал ко дворцу.

— О чем это он? — поинтересовался Ревенд.

— Кажется, нас приняли не за тех, кто мы есть.— Нимед решительно отворил калитку.— Но этому мы обязаны своим спасением, так что не будем обижаться.

— Птички, рыбки...— сплюнул Конан.— Прозвища толкового придумать не могут. Вот у нас в Киммерии был один вождь, так его звали Хелдер-Убийца-Ваниров. Очень воинственный и смелый вождь был. А у моего деда, например, было имя Аудагос-Разрыватель-Медведей. Это потому, что в юности он встретился с медведем и...

— ...Разорвал его на множество маленьких кусочков,— закончил за варвара Нимед.— Давай поторапливаться, а то нас тоже разорвут на много маленьких кусочков.

Конан что-то буркнул, разочарованный тем, что ему не позволили поведать о славных деяниях предков, и трое друзей быстро покинули королевский парк и растворились в ночной темноте, спустившейся на улицы немедийской столицы.

* * *

— Нет, это просто какое-то наказание богов! — Ринга всплеснула руками.— Ладно Ревенд — он еще мальчишка! Ладно Конан — если бы у него рот и глаза находились в другом месте, то голову можно было бы смело отрезать за полной ненадобностью! Но ты, мой король, правитель Немедии —

как ты мог решиться на подобную, прости меня, глупость!

Нимед покраснел. Ильяма невольно хихикнула, выглянув из-за плеча Веледора.

— Оставь, Ринга,— слегка раздраженно произнес король.— Я не привык отчитываться в своих поступках. Если я так поступил, значит, так было нужно.

— Ваше Величество, сейчас королевский гонор нам ни к чему,— с упреком сказала рабирийка.— А своей авантюрой вы ничего не добились, разве что насторожили наших врагов еще больше и заставили их бросить все силы на наши поиски.

— Прости, Ринга. Конечно, ты права,— вздохнул Нимед.

Серт бросил на короля сочувственный взгляд и дернул за руку свою дочь, которая начала шептаться о чем-то с племянником философа. Конан подмигнул Мораддину, надеясь найти у туранца поддержку и одобрение, но гном лишь холодно посмотрел на варвара, разделяя недовольство девушки-гуля.

...Все обитатели дома Сезии, кроме самой вдовы с сыном, снова собрались вместе. Сейчас они находились в старых катакомбах, прорытых в незапамятные времена в одном из предместий Бельверуса. Тайны происхождения этих подземных пещер никто не знал. Возможно, когда-то здесь был рудник, полностью выработанный и со временем заброшенный. Ходили также слухи, что катакомбы обустроили из естественных пещер адепты культа Ибис в те времена, когда в Немедии их ве-

ра была запрещена и они были вынуждены прятаться, чтобы свершать свои ритуалы. Как бы то ни было, теперь здесь поселились городские нищие. Но тут вовсе не было грязно, никто не дрался и не бушевали оргии, как утверждали в Бельверусе.

Наоборот, в обиталище отбросов общества царил образцовый порядок и было установлено строгое подчинение старшим, которых выбирали из рядов самих нищих. Здесь, в катакомбах, бродяги и оборванцы могли отдохнуть, отоспаться, поесть из общего котла, подлечить раны или болезни. Здесь разрешали споры о месте сбора милостыни, делили между собой кварталы и паперти храмов, рассматривали жалобы, наказывали провинившихся и даже устраивали свадьбы. Многие лишенные крыши над головой жили здесь постоянно. По коридорам с криками носились дети, худые и бледные, но такие же веселые и озорные, как их более благополучные городские сверстники.

Рингу с Мораддином, Ильму, Веледора, Серта и его дочь сюда привел Берт. Он встретил их в «Королевском плоту», где все, собравшись после бегства от стражников, ожидали Конана, Ревенда и Нимеда, нервно оглядываясь вокруг и очень напоминая людей, за которыми охотится пол-Бельверуса. Однорукий нищий признал гнома и, горя желанием помочь другу самого Конана, предложил спрятать туранца и его друзей в надежном месте. Мораддин задумался, с ужасом представляя, где их может спрятать Недотепа, но Ринга немедля согласилась, и так они оказались в свя-

тая святых нищенской братии. На следующее утро мальчик, которого Берт выдавал за своего слепого сына, привел в катакомбы и Конана со спутниками. Спутники выглядели несколько смущенными, втайне сожалея о своей выходке; киммериец же, как обычно, пребывал в блаженной самоуверенности, которую не в состоянии был рассеять даже гнев Ринги.

Берт поселил гостей в одной из пещер, временно оставленной ее обитателями. Ночевали на кучах соломы. Откуда-то сверху из пробитого отверстия скупно падал дневной свет, но все равно приходилось жечь чадающие факелы, чтобы разогнать вечный полумрак. Ночью все слышали горестные стенания Ильмы, которая все никак не могла устроиться на жесткой подстилке. Наутро выпавшимся и отдохнувшим выглядел только Конан — он привык довольствоваться малым. Остальные были мрачны, злы и голодны, вследствие чего то и дело вспыхивали перепалки по любому поводу.

Выяснение отношений прервал Берт, притащивший для гостей медный котел с горячей похлебкой, несколько мисок и ложки. Его мальчишка тащил следом кусок черствого хлеба и кувшин воды, слегка подкрашенной вином.

— Смотрите, что я для вас достал! — с гордостью воскликнул Недотепа. — Едва уломал Сейбла, чтобы она налила мне похлебки. Они там ждут наших, что побираются у королевского дворца, и Сейбл боится, что им не хватит. Зато варево — пальчики оближешь!

Ринга заглянула в котел и брезгливо сморщила носик.

— А вот это кстати! — бодро воскликнул Конан. — После беготни прошлой ночи есть уж очень охота. Удружил, Недотепа!

С этими словами киммериец выхватил из рук бывшего соратника миску, плеснул туда похлебки и уселся на солому. Серт хмыкнул и присоединился к варвару. Остальные молча смотрели на них, глотая слюнки.

— Что же вы не подходите? — удивился Берт. Подскочив к котлу, он налил в одну из мисок похлебки и протянул Ингоде: — Бери, красавица!

Девушка растерянно улыбнулась, взяла миску и осторожно съела несколько ложек нищенского варева. Все напряженно смотрели на дочь тюремщика, ожидая, что будет, но Ингода продолжала есть как ни в чем не бывало.

— Раз угощают — невежливо отказываться, — извиняющимся тоном произнес Ревенд и жадно набросился на еду.

— Собственно, если подойти к этому разумно, то любая еда, усвоенная одним человеком, вполне может быть усвоена другим... — глубокомысленно заметил его дядюшка, протягивая руку за миской.

— Хм... В конце концов, интересно же, чем питаются низшие слои общества, — как бы про себя сказал Нимед, присоединяясь к Веледору.

— Ну, у нас на рудниках и не таким еще кормили! — Мораддин криво улыбнулся и принялся осторожно хлебать угощение.

— Мы ведь со вчерашнего дня ничего не ели, — прошептала Ильма и примостилась со своей миской рядом с философом.

Ринга с горечью посмотрела на своих спутников, и ее взгляд молча обвинял их в предательстве. Все уткнулись в свои миски. Рабирийка гордо тряхнула головой и, подобрав юбку, уселась в уголке, держась прямо, точно на дворцовом приеме.

— А ты что же, госпожа, не кушаешь? — вежливо осведомился Берт.

— Она не голодна! — со смехом пояснил Конан.

— Чего только богачи не выдумают! — сокрушенно покачал головой Недотепа. — Мы целый день в поисках еды рыщем, любому объедку рады, а им все в рот кладут, так они еще и нос воротят...

— Эй, Берт, ты тут? — В пещеру заглянул вихрастый паренек с деревянной подпоркой. Оглядевшись, он заметил гостей и радостно спросил: — О, а это новенькие? Слышишь, Берт, отдай мне ту девку, что в углу сидит, будет мою жену изображать. Я ей такой шрам на щеке сделаю — загляденье!

— Что?! — завизжала Ринга, в гневе вскочив на ноги. — А ну, иди сюда, я тебе покажу шрам, грязное отродье!

— Ты что, не видишь? — укорил паренька Берт. — Это благородные месьоры, а здесь только прячутся.

— А-а, — разочарованно протянул тот. — Жаль. Эта девка... то есть госпожа... такая худющая, ей

бы хорошо подавали... Да, Берт, я ж по делу.— Паренек вошел в пещеру, небрежно неся подпорку на плече.— Наши от дворца вернулись, мальчонку привели. У дворцовых ворот болтался. Говорит, что он принц, сын нашего короля. Посмотри, может, к сумашедшим его послать? Слепой-то из него не выйдет — больно глаза яркие.

— Принц? — Нимед вскочил, побледнев и уронив миску.— Как... Как он выглядит?

— Да обыкновенно,— пожал плечами парень.— Грязный, оборванный, голодный. Настоящий принц! — Нищий весело ухмыльнулся.

— Но все-таки,— с волнением произнес Нимед,— можно я на него посмотрю?

— Приведи мальчишку,— тотчас распорядился Берт.

Паренек кивнул и выбежал из пещеры.

— О боги, неужели...— бормотал Нимед, нервно сцепив руки.

— Успокойся, мой король,— тихо сказала Ринга.— Скорее всего, это просто какой-то...

— Ниди! — закричал король, бросаясь навстречу маленькому грязному мальчугану, в котором Конан тотчас узнал воспитанника Ильмы.

Нищий, который привел его, в изумлении отступил.

— Ниди, мальчик мой,— бормотал Нимед, сжимая найденыша в объятиях.— Я уже думал, что потерял тебя навек...

Маленький принц уже не походил на сытого, изнеженного и избалованного ребенка, каким его запомнил киммериец. Сейчас это был измучен-

ный, усталый и похудевший малыш. Он безропотно дал Нимеду обнять себя, а потом тихо спросил:

— Дядя, а ты кто?

— Я твой папа, сынок,— ласково сказал король.— Меня заколдовал злой колдун, чтобы я не был похож на себя и никто бы меня не узнавал. Но ты же узнаешь своего отца, правда, Ниди?

Мальчик серьезно поглядел в лицо королю, подумал и кивнул:

— Правда.

— Да, Берт, еще одна новость,— сказал парень.— Во дворце говорят, будто король Нимед прошлой ночью исчез.

— Как исчез? — удивился Недотепа.

— А вот так. Исчез из дворца, и все,— развел руками нищий.— Никто не знает, где он. Королевский Совет, слышно, со вчерашнего утра заседает, все разойтись не могут. Думают, что делать. Страной-то управлять надо... В город слухи еще не просочились, но мы-то завсегда наперед все знаем.

— Вот, значит, как...— протянул Конан.— Кишка тонка у этого лжекороля. Так перетрусил от встречи с нами, что просто сбежал.

— И что теперь? — растерянно спросил Ревенд.— Предъявим нашего короля?

— Ерунду-то не говори,— поморщилась Ринга.— Нужно найти этого самозванца и заставить его во всем признаться перед Королевским Советом. Лишь тогда нам поверят.

Нимед, посадив сына на колени, слушал рассказ мальчика о том, как он оказался один в го-

роде. Ильяма тем временем пыталась хоть немного смыть грязь с лица принца.

— Я жил у дяди Вика и тети Альдиссы,— говорил Ниди, польщенный общим вниманием.— У них было хорошо, но не так, как у дяди Корелиуса. И еще там был дядя Аррас. Я его не любил. Он все время разговаривал непонятно и смеялся — наверно, надо мной.

— Вот дрянь! — невольно воскликнула Ринга.— Даже ребенка не мог в покое оставить, изверг проклятый!

— Потом дядя Вик куда-то пропал, а тетя Альдисса все время плакала. А позавчера к нам приехал мой папа... То есть заколдованный злой дядя,— поправился мальчик.— Я-то сразу догадался, что это не мой папа. Он называл меня Нимедом, а дома, во дворце, меня никто так не звал. И он не помнил, как зовут мою собаку. Ты ведь помнишь, папа?

— Конечно, ведь это я тебе ее подарил.— Нимед погладил сына по голове.

— Этот заколдованный дядя спросил у тети Альдиссы, где барон Вик и Аррас. Она ответила, что барон умер, а Аррас убежал, но она не знает куда. Тогда заколдованный дядя стал страшно ругаться, прямо как наши стражники, и сказал, что знает, куда убежал этот прохвост... Папа, а кто такой прохвост?

— Я потом объясню,— нетерпеливо отозвался Нимед.— Дядя сказал, куда сбежал Аррас?

— В Замок Королевы,— с готовностью ответил мальчик.— Это замок моей мамы, да?

— Нет, малыш, моей. Твоей бабушки,— пояснил король.— С тех пор как она умерла, замок пустует. Вот, значит, где они прячутся!

— Заколдованный дядя хотел туда уехать,— продолжал рассказывать принц,— а тетя Альдисса сказала, чтоб он взял меня с собой. Он посадил меня на седло, и мы поехали. Только потом он спустил меня на дорогу и почему-то попросил прощения. Сказал, что если перед кем и виноват, то перед безгрешным ребенком. Это передо мной, да? — с гордостью спросил Ниди и, не дождавшись подтверждения, продолжил: — Дядя оставил меня одного и ускакал. А я решил пойти домой и найти маму. Хотя была ночь и очень холодно, но я не плакал! Ну, почти... Потом меня подвезла до города добрая дама в карете. Я обещал, что ты сделаешь ее графиней. Не забудь, ладно? Потом...

— Хорошо, сынок, когда-нибудь ты обязательно все расскажешь.— Нимед уже не слушал, погруженный в размышления.— Нам надо добратсья до самозванца и колдуна, любым способом!

— Нет такого замка, в который нельзя было бы проникнуть,— заметил Конан.— Я готов съездить в этот Дворец Королевы, или как там его, на разведку. Если только он находится не слишком далеко,— предусмотрительно добавил киммериец, уловив в глазах Ринги опасный блеск.

— До замка моей матери всего три лиги,— успокоил варвара Нимед.— У нее, знаете ли, были некоторые разногласия с моим отцом, и она на склоне лет предпочла жить отдельно, но вблизи от столицы.

— Отлично! — Ринга нетерпеливо взмахнула рукой. — Значит, Конан и Мораддин поедут в замок... Куда, кстати, Берт отвел наших лошадей? Их, надеюсь, еще не продали кому-нибудь?

— Как можно, госпожа, — укоризненно покачал головой Недотепа, с интересом прислушивавшийся к разговору. — Мы же не воры, а нищие. Воровской цех находится совсем в другом месте. Вот на мясо ваших лошадок хотели забрать, это верно. Но я отстоял, клянусь Митрой!

— Благодарю, — сухо произнесла рабирийка. — Ну, что же вы стоите? Время сейчас на вес золота! Мы должны опередить заговорщиков, пока Аррас не заставил лжекороля начать игру заново!

— Уже бегу, — пробурчал Конан, тщательно и не торопясь облизывая ложку.

Мораддин поднялся и, ни слова не говоря, надел перевязь с мечами, как всегда, спокойный и невозмутимый. Его летучая мышь, как обычно, таращилась на всех из складок капюшона.

— Только не лезьте там ни во что. Разузнаете, что к чему, и обратно, — внезапно дрогнувшим голосом проговорила Ринга.

Конан от удивления едва не выронил ложку, но, оглянувшись на рабирийку, увидел, что она смотрит лишь на Мораддина. Киммериец нахмурился.

После ухода варвара и гнома каждый принялся убивать время по-своему. Ингода и Ильма хлопотали над принцем. Пока Ильма пичкала мальчика похлебкой, дочь тюремщика штопала его курточку с помощью одолженных в соседней пе-

щере ниток и иглы. Веледор начал гонять несчастного Ревенда по курсу философии, чтобы, как выразился достойный магистр, он совсем не отвык мыслить в обществе людей сугубо ненаучных. Отвечая на вопросы, юноша выглядел довольно рассеянным и то и дело украдкой поглядывал в сторону Ингоды, точнее, на ее колено, которое виднелось в складках примявшейся юбки. К тому же Ревенда постоянно отвлекал Серт, бодро помогавший Веледору проверять знания племянника и нещадно перевиравший все услышанные от философа слова. Ринга, которой Берт по ее просьбе принес в котле чистой теплой воды, пыталась вымыть свои роскошные волосы. При этом она разбрызгивала воду по всей пещере и отчаянно ругалась.

Нимед, не нашедший себе занятия, побродил по пещере и, сказав, что пойдет прогуляться по катакомбам, ушел вместе с Бертом. Вернулся он не скоро, крепко обнимая длинноволосую стройную нищенку с красиво вырисованной язвой на ноге.

За ними ввалились еще оборванцы во главе с Бертом, которые дружно величали своего короля и горланили какую-то невразумительную песню. При этом от всей компании за лигу несло дурным, но крепким вином. Видимо, король решил на деле сблизиться с собственным народом, что ему в полной мере удалось. При этом попрошайки нисколько не подвергали сомнению историю их монарха о колдовстве и обмене душами, обращаясь с Нимедом как с истинным королем.

Нестройный хор нищих фальшиво, но от чистого сердца выводил похоронный марш немедийской гвардии:

Ринга презрительно фыркнула и дернула плечиком, но это получилось у нее не так изящно, как всегда, поскольку сама рабирийка в этот миг больше всего напоминала мокрую рассерженную кошку.

— Ты чем-то расстроена, дорогая Ринга? — вежливо осведомился Нимед, прижимая к себе спутницу. — Знаешь, я понял, что среди простых людей гораздо больше достойных, чем среди знати. Когда я вернусь на трон, издам указ об обязательной уплате милостыни нищим Бельверуса.

Сопровождавшие короля оборванцы дружно заорали от восторга и бросились качать на руках своего монарха. Нимед польщенно улыбался и посылал длинноволосой девице воздушные поцелуи.

Конан и Мораддин вернулись поздней ночью. Девушка-гуль нетерпеливо бросилась им навстречу.

— Дело дрянь, — махнул рукой Конан в ответ на невысказанный вопрос рабирийки. — Аррас хорошо подготовился, чтоб его!.. Каждую дыру там охраняют вооруженные наемники, и я видел парочку таких собачек, каких держал Вик. Если бы кто-нибудь хотел обокрасть этот замок и попросил у меня совета, я бы предложил ему поискать что-нибудь другое.

Нимед, недавно еще покрывавший жаркими поцелуями шею своей новой подруги, мгновенно охладел к любовным играм и вскочил на ноги.

— Неужели все так плохо? — расстроено вскричал король.

— Мы прождали довольно долго, но из дворца никто не выходил и никто туда не входил, — сказал Мораддин, устало опускаясь на солому. — Видимо, продовольствия у них достаточно, и даже ворота хозяйственного двора крепко заперты. Я хотел подкупить кого-нибудь из слуг, но, похоже, их не выпускают за стены дворца. — Гном виновато посмотрел на Рингу. — Я даже не знаю, что делать. Этот дворец проще взять штурмом, чем пробраться в него тайно.

— Взять штурмом? — прошептал Нимед. — Ни один командир моей армии не пойдет за мной, пока я не верну свое тело. Они никогда не поверят, что я и есть их король.

— Почему бы и нам не нанять несколько десятков солдат? — предложил из своего угла Ревенд. — Мне кажется, госпожа Ринга богата... — Юноша внезапно покраснел, пожалев о своей бестактности.

— Я не смогу тайно собрать столько денег, — ответила Ринга, глядя на Нимеда. — Домой мне нельзя возвращаться, а с собой у меня ничего нет.

— Ваше Величество, не падай духом, — нарочито бодро произнес Серт. — Мы найдем выход. Обязательно! — Последнее слово прозвучало у тюремщика далеко не так уверенно, как он хотел.

— Ваше Величество! — К королю подошел Берт и положил руку ему на плечо. — Я тут слышал, о чем вы разговаривали. В обычное время мне до

тебя не ближе, чем до солнца. Но, видать, Митра не напрасно положил тебе очутиться среди нас. Бывает, и те, о ком ты никогда не думал, могут оказаться надежнее самых доверенных людей. Для нас ведь слова «Немедия», «корона» — тоже не пустой звук. Мы свою родину любим не меньше других. А уж за короля, который был меж нами, делил с нами хлеб и вино и знает не понаслышке, что такое жизнь обездоленного оборванца, мы готовы и головы сложить.

— Ты о чем это, Берт? — с затаенной надеждой спросил Нимед.

— Мы возьмем этот дворец штурмом, — спокойно пояснил тот. — Обитатели катакомб пойдут за тобой, король. Веди нас на своих врагов, и, клянись богами, мы посчитаемся с ними!

Глава двенадцатая

На приготовления к столь же смелому, сколь и безумному шагу — походу нищих на Замок Королевы — проводились в спешном порядке и были завершены всего за сутки. Сперва Берт произнес перед собравшимися в самой большой пещере сотоварищами пламенную речь, взывая к их «верным немедийским сердцам», где «под рубищем никогда не угасала любовь к нашей великой державе». Речь нищего, сочиненная для него лично Рингой, была встречена с большим воодушевлением. После Берта говорил Ревенд. Он в общих чертах поведал историю монарха, обманутого коварным приближенным и продажным колдуном. Рассказывал все это юноша просто, но горячо; в нужных местах голос его дрожал, а руки сжимались в кулаки. Слушатели были растроганы, некоторые женщины даже шмыгали носами.

Затем выступил Нимед. Прижимая к груди отмытого общими силами для такого случая сына,

он обрисовал ожидающее Немедию печальное будущее, если самозванца не скинуть с трона, прозрачно намекнул на возможные блага и послабления для нищенского сообщества, которые он готов ввести, и закончил горячим призывом к справедливому возмездию. При этом он обращался к своим слушателям не иначе как «братья» и «надежда Немедии». Речь короля завершилась общим восторженным ревом и соответствующими выкриками.

Воодушевление царило полное.

Последним взял слово Мораддин. Кратко, ясно и просто объяснив замысел короля и его спутников, он попросил остаться в пещере лишь тех, кто хочет участвовать в штурме, предупредив, что сражение будет настоящим, в связи с чем каждый должен сам решить, что для него важнее — собственная жизнь или благо страны. После таких слов из пещеры не ушел никто, поэтому женщин, детей и не годных для битвы калек пришлось выгонять силой. Оставшихся разделили на два отряда. Тех, кто хоть раз в жизни держался за любой конец любого холодного оружия и, оказавшись в воде, не сразу шел ко дну, объявили «гвардией» и отдали под начало Конана. Тех, кто не попал в число счастливиц, окрестили «ополчением» и поставили над ними Серта. Гвардейцев оказалось совсем немного, главным образом потому, что городские нищие, как правило, не умели плавать. Нимед был главнокомандующим, Мораддин, Берт и Ринга — его военачальниками. Вместо армейского знамени почитался маленький Ниди.

Он очень быстро вжился в новую роль, неотступно следуя за отцом и оглядывая всех печально-серьезными глазами юного пророка. Женщины со слезами на глазах гладили его по голове, мужчины сурово сдвигали брови и обещали жестоко отомстить обидчикам маленького кроткого принца. Конан же ухмылялся, украдкой разглядывая небольшой розовый шрам, оставшийся на руке после укуса тихого дитяти.

Тут встал вопрос об оружии, но Конан решил его быстро и по-своему. С несколькими отобранными им самим крепкими и сообразительными парнями киммериец ограбил подводы офирских оружейников, которые привезли в немедийскую столицу свой товар. В распоряжении маленькой армии оказались орудия убийства всевозможных видов: от затейливо изукрашенных парадных мечей в кожаных ножнах с золотым тиснением до арбалетов, со ста шагов пробивавших железные доспехи средней толщины. Конан и Мораддин раздавали трофеи добровольцам, стараясь при этом, чтобы новый хозяин оружия имел хоть малейшее понятие о том, как его использовать. Глядя, как нищие держат выданные им клинки, гном вздыхал и болезненно морщился.

Вечером Мораддин и Ринга едва не поссорились. Туранец утверждал, что необходимо провести хотя бы простейшие учения, иначе их затея окажется глупой и чересчур опасной. Ринга возражала, что их затея и так донельзя глупая и опасная и от каких бы то ни было учений иной не станет; к тому же у них на это нет времени.

На обвинение гнома-полукровки в том, что они посылают многих на верную гибель, рабирийка цинично ответила, что род людской невероятно плодовит и скоро восполнит все потери. Мораддин вскочил на ноги и назвал Рингу бессердечной женщиной, которая в своем неумном честолюбии забыла обо всем, в том числе и о собственной душе, и что занятие домашним хозяйством и рождение детей пошли бы ей на пользу куда больше, чем служба в Вертрауэне. Потом туранец и девушка-гуль долго и тихо о чем-то говорили; при этом глаза у Ринги были злые и почему-то несчастные, а лицо Мораддина казалось холоднее асгардских ледников. В конце их разговора Конану почудилось, что на щеке рабирийки блеснула слеза, но киммериец решил, что у него просто рябит в глазах после трудного дня, ибо представить Рингу плачущей ему было не легче, чем вообразить себя законопослушным отцом семейства.

Штурмовать замок было решено под утро, когда все, кроме стражников, видят самые сладкие сны, но в то же время уже достаточно светло, чтобы Аррас и его подопечный не смогли втихомолку сбежать в темноте, превратив тем самым нападение в бессмысленную бойню. Вечером, когда начало темнеть, армия нищих двинулась в дорогу. Впереди бежали трое подростков, в задачу которых входило сообщать командирам обо всем подозрительном. В авангарде шли подчиненные Конана, следом нестройной толпой валило ополчение, подгоняемое грозными окриками Серта. Рядом с тюремщиком держался Веледор. Достой-

ный магистр не попал в гвардию, поскольку честно признался, что единственное оружие, которое ему когда-либо приходилось держать в руках, это остро отточенные гусиные перья. Племянник философа гордо шествовал позади Конана, сжимая в руке подаренную Мораджином саблю, уже обогренную кровью баронской собаки. Рядом с Ревендом решительно шагала Ингода в мужском костюме, неся врученный ей арбалет. Девушка выглядела такой спокойной, словно шла на кухню замешивать тесто для пирожков. При взгляде на нее Ревенд переставал нервно кусать губы и лицо его становилось куда более решительным и мужественным, чем можно было ожидать от мирного школяра-философа.

Между двумя отрядами на единственных во всей армии четырех лошадях следовал Главный Штаб. На жеребце Конана восседал король, держа на седле перед собой сонного Нида. На своей каравовой кобыле рядом ехала Ринга с мечом на боку, очень соблазнительная в мужском платье, которое ей было очаровательно велико. На третьем коне отличных туранских кровей следовал Мораддин, за спиной которого сидела Ильяма, сцепившаяся обеими руками в пояс гнома. Несмотря на свою полную бесполезность в предстоящем штурме, Ильяма наотрез отказалась остаться одна в катакомбах среди нищих и теперь ехала вместе со всеми. Бывшая служанка королевы тряслась от страха так, что Мораддин чувствовал плечом, как дрожит ее подбородок; но жаловаться девушка не решалась, опасаясь гнева Ринги. Четвертым

на смирной лошадке, которая послушно везла Илью от самого Шусфа до немедийской столицы, величественно возвышался Берт, донельзя гордый уже тем, что едет верхом.

Мальчишки, бегущие впереди, несколько раз возвращались, чтобы доложить, что все спокойно. Армии нищих повезло: по пути им не встретились ни карета, ни разъезд стражи. Лишь какой-то припозднившийся крестьянин с возом, торопившийся из города в родную деревню, вытаращив глаза, смотрел, как его обгоняет пестро одетая и гомонящая толпа вооруженных людей. На чье-то предложение присоединиться к ним, чтобы спасти короля, крестьянин сложил пальцы в охранный знак и под общий хохот подхлестнул своего старого мерина.

Отряд прошел две лиги по хорошо наезженному тракту, ведущему в Нумалию, и свернул на размытую дождями неширокую дорогу, которая шла к Замку Королевы. Сам Замок располагался на берегу небольшого чистого озера, обрамленного со всех сторон лесами. Поблизости не было ни одной деревни. Нимед рассказал, что его мать любила природу и уединение, поэтому, когда строили дворец, по ее приказу все близлежащие дома просто снесли, а их жителей вывезли в пустынные области близ Пограничного Королевства под тем предлогом, что эту местность необходимо осваивать. Дворец представлял собой уютное здание в три этажа, аккуратное и некогда ухоженное. Правда, сейчас дом выглядел немного запущенным, краска на фасаде облупилась, украшаю-

щие балкон барельефы утратили некоторые существенные детали, а одну из стен густо обвил плющ, явно выросший сам по себе.

Бывшее жилище королевы не походило на крепость, что несколько облегчало задачу войска Нимеда, но окаймляющая здание и прилегавший к нему сад высокая каменная стена служила вполне надежной защитой обитателям дворца. К тому же Аррасу нельзя было отказать в предусмотрительности: колдун не пожалел денег на наемников, которые бдительно охраняли дворец днем и ночью, осматривая окрестности с крыши, балконов и надвратных башенок.

Стена начиналась прямо от озера, поскольку сад королевы спускался к самой воде, где была расположена купальня. Эту часть озера отгораживали прикрепленные к вбитым в дно сваям сети, чтобы никто не смел тревожить покой монархини, пока она купается. Но все же проникнуть в сад можно было только здесь. План, выработанный Морадином, Конаном, Нимедом и Рингой, был таков: пока ополчение по мере сил разыгрывает попытку штурма стены, Конан со своей гвардией должен переплыть озеро, разрезать сети и, выбравшись на берег, ударить наемникам в спину и открыть ворота товарищам. Все при этом надеялись на неожиданность, на то, что нищих куда больше, чем защитников дворца, а также на удачу и благоприятное стечение обстоятельств. Чтобы удача не отвернулась от доблестного войска, с ним следовали несколько бывших жрецов, давно лишившихся работы и обретавшихся среди

отбросов общества. Жрецы были призваны молить любых известных им богов о ниспослании победы. С собой служители культа тащили петуха, подаренного кому-то из нищих на базаре милосердным купцом. Петух предназначался в жертву богам, причем всем сразу, поскольку других животных у армии не было. При взгляде на изнуренную многодневным постом и долгой жизнью птицу закрадывалось нехорошее сомнение в угодности такой жертвы; оставалось только надеяться, что боги куда менее прихотливы и разборчивы, чем люди.

Последнюю часть пути армия нищих проделала по лесу, чтобы ее не заметили раньше времени. Неподалеку от дворца отряды разделились. Гвардейцы вместе с Конаном двинулись к озеру, остальные, подождав немного, начали подкрадываться к вырисовывающемуся в утреннем тумане дворцу. Звуки, которые они производили в предрассветной тишине, разносились на добрых пару лиг и распугали все окрестное зверье, вообразившее, что началась королевская охота.

Позади своих подчиненных двигался Главный Штаб, оставивший лошадей на поляне в укромном уголке леса. Там же остались и жрецы, чья ругань из-за того, как надлежит проводить обряд жертвоприношения, и взаимные упреки в ереси порой даже заглушали шум, поднятый ополчением. На краю поляны, под толстым буком, укрытый чьим-то плащом, сладко спал маленький Ниди в обнимку с равнодушным ко всему жертвенным петухом.

Место для штурма было выбрано неподалеку от главных ворот, где лес подступал почти вплотную к стене. В кустах расположились лучники и арбалетчики маленькой армии. У каждого было не больше чем по три стрелы, но держались они при этом весьма бодро. Остальные растянулись цепью, ожидая сигнала к наступлению. Морадин с тоской оглядел оборванных ополченцев, неуклюже державших оружие, напряженных стрелков, которые больше всего боялись попасть в своих, вздохнул и крикнул:

— Вперед!

— Давай, парни! — заревел Серт, размахивая мечом.

Ополчение откликнулось нестройными выкриками и бросилось вперед, с треском ломая кусты. Их почти тотчас заметили. Во дворце резко взвыл сигнальный рог, слышались отрывистые команды, в окнах замелькал свет. Нападавшие заторопились. Те, что полегче, вставали на плечи более крепких товарищей и, цепляясь за край стены, взбирались наверх. Там они привязывали веревки, по которым должны были залезть остальные, к расположенным через равные промежутки зубцам. Не привыкшие к таким упражнениям нищие болтались на веревках, как мешки, но все же ползли наверх под отчаянную ругань ожидавших своей очереди соратников. Вскоре их начали обстреливать из арбалетов. Стрелки укрылись в надвратных башнях и на крыше. Появились первые убитые и раненые, ополченцы заме-

тались: большинство ныряло в кусты, но кое-кто пытался всевозможными способами одолеть преграду. Серт бегал вдоль стены, понукая медлительных и стараясь не дать струсившим удрать в лес. Арбалетчики и лучники нищих яростно бранились, не в силах разглядеть противников. Пущенные ими стрелы лишь стучали по каменной кладке или разбивали дорогие оконные стекла дворца.

Нимед смотрел на все это из кустов и беспокойно грыз ногти. Он рвался в бой, но ему толковали, что, если он погибнет, все их старания окажутся напрасными. Теперь король в отчаянии наблюдал за суетой ополченцев около стены. Рядом с ним, пытаясь разглядеть среди нападавших Веледора, Ильяма беспрестанно взвизгивала, прижимая ладони к щекам. Ринга, очень бледная и собранная, стояла, стиснув рукоять легкого меча. Ее глаза неотрывно следили за Мораудином, который среди первых оказался на стене и прыгнул в сад. Судя по доносившемуся оттуда звону клинков, там уже завязался бой. Потеряв гнома из виду, рабирийка нервно взмахнула рукой, подчистую срезав острыми ногтями несколько листьев. За спиной девушки-гуля Берт, который не мог преодолеть стену из-за своего увечья, красочно и с животрепещущими подробностями поминал Конана, его подчиненных, а также перечислял недостатки и некоторые противоестественные наклонности их родичей, вплоть до седьмого колена: по уверению Недотепы, только так можно отвести от гвардейцев неудачу.

Конан в это мгновение тоже ругался, но не потому, что верил в приметы, а главным образом для того, чтобы облегчить душу. Как раз сейчас киммериец и его спутники плыли по озеру. Расстояние до купальни оказалось значительным, вода была холодная, гвардейцы плавали из рук вон плохо. То и дело кто-нибудь из них принимался тонуть, отчаянно молотя руками по воде, и его товарищам приходилось помогать бедняге держаться на плаву. Если бы Конан предусмотрительно не приказал привязать всем клинки вместе с одеждой к голове, добрая половина отряда давно была бы безоружной.

Чуть позади северянина плыла Ингода, выглядевшая несколько странно с привязанным к голове арбалетом. К удивлению варвара, дочь тюремщика хорошо держалась на воде. Пока Конан, злобно бранясь, нырял то за одним, то за другим гвардейцем, девушка первой добралась до заграждения и кинжалом разрежала сеть. Те, кто подплыл следом, расширили дыру, и вскоре весь отряд выбрался на берег рядом с королевской купальней. Пока нищие торопливо одевались, Ингода, отвернувшись, пыталась выжать волосы и костюм: она единственная плыла в одежде, несмотря на уверения Конана, что все они взрослые люди и потому стесняться нечего. За отворотом ее куртки киммериец заметил полураспустившуюся лилию и в который раз про себя подивился женщинам: только они способны, идя на бой наравне с мужчинами, не забыть при этом украсить себя цветком. Знай киммериец, что Ревенда не по-

ленился сплавать за этой лилией едва ли не на другой конец озера, он удивился бы еще больше.

Тем временем некоторым ополченцам все же удалось перебраться через стену и вступить в бой с наемниками. С одной стороны, им повезло, поскольку арбалетчики противника не обстреливали нападавших, опасаясь попасть в своих. Но, с другой стороны, драться с хорошо обученными солдатами оказалось куда сложнее, чем воображали себе нищие, воинственно размахивая в катакомбах полученным оружием и похваляясь друг перед другом тут же выдуманными подвигами. Оправившись от первого изумления, защитники дворца быстро поняли, с кем имеют дело, и теперь рубили противника, словно капусту, даже успевая обмениваться циничными шуточками. Возможно, нищие давно бы разбежались, но скрыться им было некуда: позади возвышалась стена, впереди был враг. В первых рядах ополчения сражался Мораддин, стараясь по возможности прикрыть неумелых соратников. Рядом с ним собрались те, кто хоть немного был способен постоять за себя. Этот маленький отряд в основном и наносил урон врагу, спасая жизни своих товарищей.

По другую сторону стены метался Серт, яростно и без особого успеха понукая тех, кто остался, лезть через стену: по доносившимся выкрикам тюремщик понимал, что дело плохо. Сам Серт, пару раз попробовав подтянуться, оставил это безнадежное занятие, решив дождаться, пока Конан откроет ворота. Магистра Веледора, висевшего на веревке ровно посередине стены и уже собирав-

шегося потихоньку спуститься обратно, кто-то нетерпеливо подтолкнул так, что ученый, к собственному неудовольствию, мгновенно оказался наверху. Перво-наперво он уронил в сад меч, потом свалился туда сам. Немного посидев в колючих кустах и переведя дух, достойный преподаватель философии нашел в себе мужество присоединиться к соратникам. Присмотрев Веледора, Мораддин тотчас оказался рядом, чтобы защитить приятеля от случайного удара.

Стрелки маленькой армии короля праздновали победу: кому-то из них случайно удалось подстрелить арбалетчика, который высунулся из-за парапета, обрамлявшего плоскую крышу дворца. Нимед в отчаянии молотил кулаком по стволу дерева, за которым укрывался. Ринга и Ильма едва удерживали короля, не позволяя ему кинуться в бой. Берт, исчерпавший весь богатый запас ругательств и проклятий, беспомощно смотрел, как арбалетчики уничтожают тех, кто еще не сбежал в лес.

— Ну где же они, во имя Митры?! — Ринга в нетерпении топнула ногой, глядя на закрытые по-прежнему ворота.

...Конан с трудом дождался, пока его подчиненные выберутся из воды и приготовятся к бою. Горячка близкого сражения уже бурлила в крови варвара, заставляя сердце биться быстрее. Как всегда в такие мгновения, слух и зрение киммерийца обострились, точно у дикого зверя. Он слышал звуки боя, который шел в противоположном конце сада, видел приникшие к окнам лица слуг,

пытавшихся разглядеть, что происходит. Оглянувшись, Конан обнаружил, что гвардейцы уже одеты и держат оружие в руках. Махнув им, северянин бросился вперед по едва заметной тропинке, идущей вдоль стены сада. Остальные последовали за командиром. Вскоре отряд выбежал на открытое пространство, заросшее травой, посреди которого возвышался давно разрушенный фонтан. Их тут же заметили арбалетчики, сидевшие на крыше дворца. Внезапно за спиной Конана раздался крик, который сразу перешел в хрип: это противник точным выстрелом уложил одного из гвардейцев. Все, не дожидаясь команды, вернулись в заросшую деревьями часть сада. Сам Конан вместе с Ингодой и Ревендом укрылись за фонтаном.

— Чтоб демон выпустил кишки тому садовнику, что устроил здесь эту проплешину! — в сердцах ругнулся киммериец.

— Сейчас все вельможи делают в саду такие площадки. Они здесь играют в шары, новомодную игру, придуманную в Коринфии. А ввела ее у нас королева — матушка Нимеда. Дурацкое занятие. Нужно загнать костяной шар в такую ямку... — принялся было объяснять Ревенд, но замолк под свирепым взглядом варвара.

Тем временем Ингода молча натянула тетиву арбалета, поставила ложе к плечу, как учил ее Морадин, и, дождавшись, пока арбалетчик противника высунется для следующего выстрела, спустила крючок. Наемник опрокинулся на спину. Болт вошел ему точно между глаз.

— Да ты прирожденный стрелок, девочка! — восхищенно воскликнул киммериец.

Ингода улыбнулась и пожала плечами, словно не видела в этом ничего особенного. Ревенд открыл было рот, подумал и закрыл его снова.

Последний оставшийся в живых арбалетчик после гибели двух товарищей не рискнул сразу же высунуться из-за парапета, поэтому отряд Конана без помех преодолел пустое пространство и вновь скрылся среди деревьев. Неподалеку от ворот Ингода остановилась и метким выстрелом сняла еще одного арбалетчика, сидевшего в надвратной башне. Правда, остальные, увидев, что враг уже пробрался в сад, прекратили обстреливать находившихся по ту сторону стены нищих и перенесли свое внимание на гвардейцев. Конан слышал, как сзади к ним через цветники бегут наемники, которые раньше стояли у входа во дворец.

Киммериец занервничал. Сейчас они увязнут в безнадежном бою, а стрелки с надвратных башен не позволят им приблизиться к воротам и открыть их.

Он взглянул на Ингodu, но девушка покачала головой: арбалетчики врага стали осторожными и уже не высовывались в окна. Конан перевел взгляд на своих подчиненных: те смущенно мялись и отводили глаза. Пространство перед воротами отлично простреливалось из обеих башен, а времени, необходимого для того, чтобы отодвинуть засов, вполне хватало, чтобы не торопясь прицелиться и в упор пристрелить свою жертву.

Конан быстро отобрал из рядов гвардейцев восьмерых, которые показались ему наиболее смысленными и крепкими.

— Вы четверо — в ту башню, вы — в эту, и выкиньте оттуда этих сукиных детей! — кратко приказал киммериец.

В глубине души он не слишком надеялся на успех, но другого выхода не видел — необходимо было во что бы то ни стало отвлечь арбалетчиков и не дать им выстрелить.

Сам Конан повернулся к наемникам, справедливо полагая, что, если первым не вступит бой и не подаст этим пример, его гвардейцы попросту разбегутся. Ингода, встав на одно колено и уперев локоть в другое, успела сделать несколько выстрелов, пока защитники дворца не приблизились к солдатам Конана. Киммериец взревел, и его гвардейцы откликнулись нестройными воплями, храбро кидаясь в атаку вслед за командиром. Нищие дрались отчаянно, поскольку речь шла об их жизни, наемники — осторожно, прикидывая при этом, сколько запросить за бой с хозяина сверх уговоренного. Варвар шел впереди всех, стараясь, как и Морадин, прикрыть тех, кто был ближе к нему.

Один из наемников увидел одиноко стоявшую Ингоду и, рассчитывая на легкую добычу, прыгнул на нее, замахиваясь мечом. В последний миг девушка успела разрядить арбалет, прошив нападающего навывлет. Другой наемник, заметив, что его товарища убила какая-то девка, выругался и, мимоходом вспоров грудь одному из нищих, дви-

нулся на нее. Ингода растерянно отступила и бездумно подняла разряженный арбалет, защищаясь. Подойдя к девушке, наемник даже не воспользовался мечом, а просто ударил ее кулаком в лицо, присовокупив к этому грязное слово. Ингода упала, ее лицо залила кровь из разбитого носа. Наемник занес ногу для второго удара, но вынужден был обернуться, чтобы защитить свою жизнь, ибо на него напал Ревенд, совершенно озверевший от увиденного. Выкрикивая что-то нечленораздельное, юноша яростно наседавал на ошалевшего противника, который уже понял, что ругать эту даму ему не следовало. Обернувшись, Конан лишь восхищенно цокнул языком и подумал, что никогда раньше не видел настоящего берсерка. Посягнувший на Ингоду наемник был буквально смят Ревендом и не сбежал лишь потому, что не успел. Когда красный туман злобы в глазах Ревенда развеялся и он увидел то, что осталось от врага, юноша затрясся, и его вырвало.

Тем временем из каждой четверки, посланной Конаном на стрелков, до башен добрались лишь по двое: в каждой башне сидели по два арбалетчика. Открыв двери башен, гвардейцы бросились внутрь, и варвар понял, что у него есть несколько мгновений, пока арбалетчики расправятся с нищими. Махнув мечом напоследок и отрубив кисть своему противнику, киммериец понесся к воротам, вжав голову в плечи в ожидании арбалетного болта. Добежав до ворот, он перевел дух и без труда отодвинул тяжелый железный засов, поскольку сил ему придавала любовь к собствен-

ной жизни. Толстые деревянные ворота распахнулись, и скрип давно не смазанных петель не хуже боевой трубы возвестил нищим, что весы победы склоняются на их сторону. Вскоре вооруженная толпа оборванцев, прятаясь дотопе в лесу, ворвалась в сад и поспешила на помощь товарищам.

Теперь численный перевес был на стороне нищих. В драке они использовали старый и хорошо известный прием, нападая на наемников по трое и даже по четверо: пока один отвлекал внимание противника, остальные били в спину. Не выдержавшие натиска защитники дворца спешно отступали в глубь сада. В первых рядах среди своих солдат сражался и Нимед, которого уже ничто не могло удержать от священного боя за свою поруганную честь. Серт, напротив, не рвался вперед, а неустанно подгонял отстающих и раздавал команды направо и налево. Те наемники, что бились с Мораджином и горсточкой ополченцев, что была с ним, почуяв неладное, решили не жертвовать собой и поспешно отступили. Долгожданная победа приближалась.

* * *

Конан выбрался из надвратной башни, где прикончил двоих арбалетчиков и тем спас жизнь оставшегося гвардейца, и с опаской посмотрел на вторую башню. К его удивлению, оттуда никто не стрелял, а из окна высовывался один из посланных туда нищих — тот парень, что привел маленького Ниди, — и махал киммерийцу рукой.

Барвар пожал плечами, восприняв удачу парня как еще одну необъяснимую улыбку судьбы, и, увидев Мораджи и Веледора, направился к ним.

— Где король? — вместо приветствия спросил гном.

— Я откуда знаю! — пробурчал киммериец, досадуя на полную бесчувственность друга. — Как у вас там было?

— Хуже некуда, — вздохнул туранец. — Наемники положили многих, а я в одиночку не мог им помешать.

— Ах, месьюры, боюсь, я не оправдал вашего доверия, — грустно заметил ученый. — Во время боя мне несколько раз выпадала возможность убить врага, но я не смог заставить себя нанести роковой удар. Я не гожусь в ратники. Если бы не старания месьюра Мораджи, ваш покорный слуга давно лежал бы бездыханным в этом прекрасном саду.

— Знаешь, друг мой, способность убивать себе подобных — не такое уж большое достижение, — усмехнулся Мораджин. — Мир держится на таких, как ты. Если бы все вокруг годились в ратники, люди давно перебили бы друг друга.

— Дорогой друг, это утверждение спорно, — протестовал Веледор и явно приготовился к долгому спору. — Если позволишь, я докажу тебе, что счастье напрямую связано с добром и...

Через открытые ворота вбежала Ринга с обнаженным мечом. За ней семенила Ильма. Оглянувшись, рабирыйка увидела Конана и Мораджи, и на ее лице на мгновение вспыхнула радость. Ко-

нан приосанился, ошибочно отнеся это лишь на свой счет. Ильма, заметив разглагольствующего Веледора, победно взвизгнула и повисла у него на шее, осыпав поцелуями и не дав достойному философу закончить мысль. Ученый муж смущенно покраснел, но вид у него при этом был довольный, и философия, во всяком случае на время, перестала его интересовать.

Внезапно Ринга нахмурилась.

— Где король? — требовательно спросила девушка-гуль.

— Вот бы кто меня так искал! — обиделся Конан.

— Станешь королем — будут, — серьезно пообещал Мораддин.

— Вы что, его упустили? — Ринга гневно посмотрела на Конана и туранца. — О чем вы думали?

— Знаешь, когда вокруг сыплются арбалетные стрелы и парни размахивают мечами, думать обычно некогда! — поморщился Конан.

— На это всегда надо находить время, — назидательно заметила Ринга. — Что же вы стоите? Нимеда надо догнать, пока его не убили!

С этими словами девушка-гуль легко побежала вперед, туда, где кипел бой. Неожиданно у нее на пути оказался наемник, решивший, видимо, что уже отработал свое жалованье и теперь пришло время сматываться. Ринга подняла меч, но ее противник, будучи гораздо выше и сильнее рабирийки, одним ударом выбил оружие из ее руки. Мораддин дико закричал и бросился к ним. Ловко упав на траву, Ринга избежала первого уда-

ра мечом, но второй неминуемо должен был пригвоздить ее к земле.

Понимая, что не успеет, гном перехватил свой меч и с силой метнул его в спину стражника. Хорошо сбалансированный клинок пролетел несколько локтей и с хрустом вошел слева от хребта, раздробив ребра и проткнув легкое. Наемник пошатнулся, захрипел и рухнул на лежавшую перед ним девушку-гуля. Мгновение спустя Мораддин уже был рядом и вытаскивал из-под умирающего залитую чужой кровью Рингу.

— Тысяча демонов, я уже думала, мне конец, — слегка дрожащим голосом проговорила рабирийка и криво улыбнулась.

Она поднялась с земли, но ноги ее подогнулись, и девушка снова упала бы, однако Мораддин подхватил ее и крепко прижал к себе.

— Никогда больше не позволю тебе взять в руки меч, — твердо сказал гном. — Слышишь? Никогда!

— Я же гуль. Ты забыл? Кровь мне не в новинку, — слабо усмехнулась Ринга, но не сделала попытки освободиться. — В конце концов, я могу убить и без меча.

— Я заметил, — с ласковой насмешкой ответил туранец, и рабирийка вспыхнула, поняв, что выглядит сейчас глупо.

— Ну, гном, бегаешь ты так, что и верховому не догнать! — вскричал подоспевший Конан. — Как тебе это только удастся?!

Киммериец хотел еще что-то добавить, но осекся, увидев, что Мораддин даже не замечает его.

Зато Ринга подняла голову и мягко, но настойчиво отстранилась от туранца.

— Да, собственно... А где же король? — встрепенулся Мораддин и смущенно кашлянул.

Пришлось снова кидаться в гущу боя, чтобы вытащить оттуда короля. Нимед отбивался и что-то кричал, но его не слушали, а Конан даже пару раз встряхнул монарха, чтобы привести его в чувство.

— Простите, увлекся, — пробормотал король. — Будучи воином, я не могу наблюдать бой со стороны.

— Вот вернем тебе трон, тогда и навоюешься, — сказала Ринга. — Если захочешь, берусь устроить небольшую войну с Аквилонией. А сейчас нам необходимо найти Арраса и самозванца, пока они не поняли, что их игра проиграна, и не сбежали!

— Да-да, мое тело! — заторопился Нимед.

Бой шел теперь вокруг дворца. Наемники еще удерживали позиции, но явно помышляли о бегстве, не в силах справиться с такой толпой.

Конан, Мораддин, Ринга и Нимед пробились через заслон у парадной двери и ворвались во дворец. На первый взгляд он казался вымершим: слуги где-то попрятались, хозяева, похоже, затаились.

— Покои моей матери на втором этаже. Думаю, они там, — сказал Нимед. — Вряд ли они стали бы жить в комнатах для гостей или слуг.

— Аррас точно не стал бы, — фыркнула Ринга.

— Надеюсь, в этом дворце нет потайного хода? — поинтересовался Конан.

— Зачем он моей матери? — удивился Нимед. — Она была честной женщиной и не изменяла мужу. По крайней мере, с мужчинами, — немного подумав, уточнил король и покраснел.

Конан и его друзья торопливо поднялись наверх и почти сразу нос к носу столкнулись с самозванцем, который собирался удрать по парадной лестнице. Увидев преследователей, он вскрикнул и бросился в одну из комнат. Нимед и Конан ринулись за ним. Вбежав в столовую, они сразу увидели Арраса, который стоял у окна, и рядом — лжекороля с клинком.

— Что ж, сбежать мы не успели, — хладнокровно проговорил молодой маг, повернувшись к двери. — Доброе утро, месьоры... И дорогая Ринга.

Рабирийка взвизгнула и прыгнула вперед, целясь острыми ногтями Аррасу в горло. Мораддин и Нимед с трудом успели удержать девушку-гуля. Ее глаза полыхали желтым огнем, как у разъяренной кошки.

— Наша дама, как всегда, очаровательна, — усмехнулся аквилонец. — Однако несколько несдержанна. Не думал, что уважаемую Рингу настолько сдает тоска по мне, что она готова на глазах у всех кинуться в мои объятия.

— Придержи язык, а то я отрежу его вот этим мечом, — посоветовал Мораддин.

Аррас посмотрел в холодные глаза гнома и сразу же перестал ухмыляться.

— Ваша игра проиграна, месьоры, — небрежным тоном заметил Нимед. — Так что прошу вернуть мне... То есть вернуть меня в мое тело.

— Наша игра не проиграна, уважаемый король,— проговорил Аррас,— пока ты в теле Тулеара. А вернуть ли тебе твоё тело, зависит только от меня. Я не знаю другого чародея, владеющего этим способом. Может быть, кто-нибудь из вас знает? — Колдун насмешливо поклонился в сторону Конана, Мораддина и Ринги.

— Когда почувствуешь острие моего меча у своего тощего горла, ты по-другому запоешь, индюк позолоченный,— пригрозил Конан и шагнул к аквилонцу.

Аррас быстро пробормотал какое-то заклинание и очертил вокруг себя и Тулеара овал. Киммериец сделал ещё шаг и уткнулся в невидимую, но твердую стену.

Он в ярости рубанул преграду мечом, но оружие отскочило, едва не задев стоявшего сзади Нимеда.

— Изменение плотности воздуха,— сообщил Аррас.— Мой наставник научил меня этому заклинанию, когда мне было четырнадцать. Очень простенькое, но надежное и полезное.

— Ах ты тварь! — в сердцах воскликнул Конан и плюнул.— Сейчас откроет портал и уйдет,— горестно пробормотал киммериец.— Как ведьма Чари в Дэлираме...

— Конан, нож! — зашипела вдруг Ринга.

— Какой... А, нож! — оживился северянин и вынул из прикрепленных к поясу маленьких ножен магический кинжал, вывезенный им из Турана.— Ну, держись! — радостно завопил он и метнул нож в сферу.

Раздался звон, словно сталь ударилась о прочное стекло, и кинжал упал на пол, заставив Конана изумленно поднять брови.

— Как же так? — растерянно пробормотал варвар.— В Дэлираме же сработало!

— А, магическое оружие? — хмыкнул Аррас.— Что ж, вы неплохо подготовились. Но мой наставник обучил меня справляться с такими штучками, когда мне было семнадцать...

— Чтоб он сдох, твой наставник! — буркнул Конан, подбирая кинжал.

— Ну что ж, ничего не остается, как начать переговоры,— с философским спокойствием заметил Нимед.— Мы, месьор Аррас, в равном положении. Тебе отсюда не выйти, пока ты не согласишься вернуть мне тело.

— Посидит в своем коконе пару дней без воды и пищи, мигом согласится! — зло сказал Конан.

— Я могу перенести сюда воду и кое-какую снедь,— непринужденно улыбнулся маг.— Правда, на это требуются значительные усилия, но мой наставник обучил меня...

— Да катись ты к Нергалу со своим наставником! — взревел варвар, взбешенный сверх меры.

Мораддин успокаивающе похлопал друга по плечу.

— Чего ты добивался, Аррас, затеяв эту странную игру? — продолжил Нимед.— Денег? Высокого титула? — Король пристально взглянул в лицо своему бывшему придворному.— Ты все это получишь, если выполнишь то, о чем мы просим тебя.

— Я не верю тебе, король,— холодно ответил аквилонец.— Получив свое тело обратно, ты четвертуешь меня на площади Трех Ворот. И ты это знаешь не хуже меня.

— Я согласен дать письменное заверение в твоей безопасности,— настаивал Нимед.

— Пергамент слишком легко горит,— покачал головой Аррас.

Молчавший доселе Тулеар беспокойно пошевелился.

— Соглашайся, Аррас! — взволнованно заговорил он.— Пусть король пообещает нам жизнь! Все кончено, заговор провалился. Нам ничего не остается, как принять их условия.

— Если бы не твоя трусость, Тулеар, мой замысел удался бы,— жестко сказал Аррас.— Я уже не раз пожалел, что именно твою жалкую душонку пришлось переселить в тело короля. Но ты был единственным, кто хорошо знал дворцовую жизнь, но при этом сам оставался в тени, и кто согласился за деньги предать своего монарха.

Глаза Тулеара злобно сверкнули. Внезапно он обхватил Арраса и приставил лезвие меча к его шее.

— Я держу его, Ваше Величество! — заорал он.— Я с тобой! Они заставили меня предать тебя! А ну, пес, снимай защиту, иначе горло пережду! — рявкнул он на мага.

Ринга невольно подалась вперед, но опомнилась и скривила губы, досадуя на саму себя.

Аррас даже не вздрогнул, только презрительно усмехнулся.

— Если ты убьешь меня, кто же поменяет ваши с королем души местами? — невозмутимо поинтересовался он.

— Да, Тулеар, отпусти-ка его,— скомандовал Нимед, и самозванец со вздохом послушался.

Аррас тщательно расправил помятые кружева и с насмешливой благодарностью слегка поклонился Нимеду.

Король, Морадин, Конан и Ринга растерянно переглянулись. Им казалось, они уже дошли до конца и остается лишь с почетом водворить истинного короля во дворец и наказать заговорщиков, но выяснилось, что все не так просто. Они уперлись в тупик, и никто не видел выхода. Тулеар с тоской смотрел на короля и переминался с ноги на ногу. Аррас с деланным равнодушием разглядывал свои безупречные ногти, но было видно, что маг тоже обескуражен и не знает, что предпринять.

— Что приуныли, почтенные месьоры и дамы? — раздался вдруг незнакомый Конану голос.— Возникли непримиримые противоречия? Что ж, дело привычное, будем улаживать.

В комнату вошел хорошо одетый мужчина средних лет. Был он невысоким, блеклым, с тусклыми волосами, водянистыми светлыми глазами и невыразительным лицом. Взгляд скользил по этому человеку, ни на чем не задерживаясь, и через несколько мгновений его образ начисто улетучивался из памяти. И если бы кто-нибудь

сказал, что это один из самых богатых и влиятельных людей Немедии, что он определяет всю внутреннюю и внешнюю политику державы, что он узнает о действиях монархов сопредельных стран раньше, чем они начинают их предпринимать, и что к тому же самые красивые и знатные дамы складывали свои сердца к его ногам,— поверить в это было бы почти невозможно. Особенно в последнее. А зря, поскольку этот человек был главой Вертрауэна и непосредственным главой легендарной тайной службы Немедии.

— Лаварон!? — воскликнула Ринга, округлив от удивления глаза.

— Лаварон? — повторил за ней Нимед.— Что ты тут делаешь, задери тебя Сет?!

— Как всегда, Ваше Величество, соблюдаю интересы Немедии,— поклонился герцог.— И, кажется, прибыл как раз вовремя.

Тут дверь снова отворилась, пропуская остальных: Ильму, Веледора, Серта, Ингоду и Ревенда. По счастью, никто из них даже не был ранен, лишь дочь тюремщика то и дело притрагивалась к распухшему носу.

— Мы победили! — восторженно закричал племянник философа.— Сейчас наши разделяются с теми, кто не успел сбежать! Я зарубил еще одного! — не смог не похвастаться юноша.

— Нашел чем гордиться, неразумный! — одернул его Веледор.

— Никогда не понимал, почему за идею люди сражаются с гораздо большим рвением, чем за деньги,— покачал головой Аррас.

— Потому, дражайший Аррас, что, сражаясь за деньги, человек первым делом печется о своей жизни, чтобы иметь возможность потом эти деньги использовать,— любезно пояснил Лаварон.

— Эй, что же вы не хватаете Арраса и самозванца? — возбужденно закричал Ревенд, делая шаг вперед.— Зачем время тянуть?

— Ревенд, взяв в руки оружие, ты стал самоуверен и, как следствие, глуп,— поморщился его дядюшка.— Раз наши друзья не хватают мага и его спутника, значит, не могут.

— В самую точку, магистр,— хмуро кивнул Конан.

— Лаварон, может быть, объяснишь нам, как ты здесь оказался? — с раздражением вновь спросил Нимед.

— Если ты не спешишь, с величайшим удовольствием, Ваше Величество,— склонил голову герцог.— Я, правда, собирался поначалу довести до конца переговоры с месьором Аррасом, но королевская воля — для меня закон.

Лаварон позволил себе в голосе ровно столько иронии, чтобы все поняли, что королевская воля не всегда принуждает к целесообразным поступкам.

— Когда, мой король, ты около двух лун назад вдруг неожиданно сменил политику — прости, теперь я знаю, что это был не ты,— Лаварон снова поклонился: видимо, привычка к поклонам глубоко укоренилась в каждом немедийском царедворце,— я сразу заподозрил неладное. Особенно после начавшихся казней. Я заметил, что на

эшафот идут лучшие военные и политические умы государства, те люди, что обеспечивали успех нашей армии, дипломатии и торговли. В официальную чушь о якобы раскрытых заговорах я не поверил, ибо все заговоры, и застарелые, и только нарождающиеся, всегда становятся известны мне, и карательными мерами испокон веков занималась наша служба. По правде говоря, сперва я заподозрил наследственное умственное расстройство. — Герцог развел руками и посмотрел на Нимеда. — Ведь, мой король, не секрет, что твоя достойная бабушка...

— Да, да, — нетерпеливо оборвал его Нимед. — Все знают, что моя бабка всю жизнь искала какую-то сказочную страну, где нет ни магии, ни богов, ни демонов, зато люди ездят без коней и живут в домах высотой с гору. Эту историю сочинил для нее придворный поэт, когда она была ребенком. Зато, одержимая неустанными поисками, она заставила мужа завоевать два независимых графства, отобрать солидный кусок Бритунии и присоединить одну из коринфийских провинций, а это послужило только на благо Немедии.

— Я это учел, — кивнул Лаварон. — К тому же в твоих, извиняюсь, в действиях того, кто занимал последнее время трон, усматривалось слишком много рассудочности для простого сумасшедшего. Тогда я решил скрыться, ибо, по моему скромному мнению, меня вполне можно отнести к цвету немедийской нации, а значит, плаха для меня была предрешена. Но при этом я держал связь с моими подчиненными, которые доклады-

вали мне обо всех событиях, происходящих в столице и в королевском дворце. Признаюсь, я впервые в жизни растерялся и не знал, как повлиять на ход дела и остановить разрушение Немедии. И тут мне докладывают, что в Бельверусе видели мою дорогую Рингу, — герцог улыбнулся девушке-гулю, — видимо, вернувшуюся после дэлирамского задания. А при ней — кого бы вы думали? — служанку Ее Величества Ильму с Нимедом-младшим!.. Кстати, вам, — Лаварон взглянул в сторону Арраса и Тулеара, — было очень на руку, что королева Рэлея решила спрятать мальчика от своего якобы сумасшедшего мужа. Вы тут же объявили о смерти единственного законного наследника трона, усилив тем смуту в стране и расчистив на всякий случай дорогу к престолу... Кому, Аррас? Впрочем, теперь это не важно. Боюсь, Ниди был в серьезной опасности.

— Я не чудовище. Я не причинил бы вреда ребенку, — хмуро сказал Аррас.

— Что ж, это делает тебе честь, — не без насмешки заметил Лаварон. — Тут я окончательно утвердился в мысли, что дело нечисто и с королем что-то сотворили. Я с горечью признал, что упустил драгоценное время и при этом не обладаю никакими сведениями. Но надежда у меня была. — Лаварон вновь взглянул на рабирийку. — Я понял, что ты, дорогая Ринга, знаешь больше меня, и решил, что у тебя наверняка уже есть свой собственный план. Превратить твоё расследование в официальное в той обстановке было невозможно. Вдобавок мне не хотелось мешать тебе...

— Ты, герцог, мог нам помочь и не помог! — возмутилась Ринга. — Если бы у нас были твои связи и возможности, мы раскрыли бы этот заговор гораздо быстрее и гораздо меньше рискуя жизнью!

— Ну, Ринга, после многих лет работы на Вертрауэн ты должна была знать, что высшие интересы государства иногда требуют от нас не слишком благовидных поступков, — укоризненно сказал Лаварон. — Вспомни, к примеру, случай с Франсесом, когда ты...

— Да, я помню, — торопливо пробормотала рабирийка.

— Но, конечно, совсем без помощи я вас оставить не мог, — продолжил Лаварон. — И поэтому я связался с нашей маленькой Ильмой... Как, вы до сих пор не знали, что Ильма была моим лагутчиком среди вас? Удивительно, при ее-то болливости...

— А что вы все на меня так смотрите? — запальчиво воскликнула Ильма, невольно покраснев. — Я же ничем вам не навредила! Наоборот, месьор герцог обещал, что будет помогать и защищать вас. Только поэтому я и согласилась, хотя вы, конечно, мне не поверите! — Девушка отвернулась.

— Дорогая Ильма поставляла мне кое-какие сведения, еще будучи на службе у королевы Рэлей, — невозмутимо пояснил Лаварон, словно не замечая сверлящего взгляда Ринги. — По правде говоря, я никогда не считал ее ценным шпионом, но... у меня не было выбора. Зато я знал все, что узнавали вы... Ну-ну, не сверкай глазами, любез-

ная Ринга. А как бы я смог вам помочь, когда например, вы спасались от стражников на Храмовой площади?.. Да-да, та карета, что стояла у храма Митры, была послана мною. Я предполагал, что у вас возникнут неприятности, когда вы пойдете вызволять месьора Мораддина из Каземата. Правда, я думал, что вас там будет трое, но никак не семеро, иначе я подыскал бы карету побольше... Кстати, кто же все-таки убил новоиспеченного барона Вольденского? — Лаварон посмотрел на Арраса.

Тот молчал, зато Тулеар встрепенулся.

— Это барон Вик и он! — Тулеар указал на мага. — Вольденский хотел их предать, совесть его заела. Я был против, я не хотел убийств, но они не слушали меня! Они никогда меня не слушали!

— Вполне их понимаю, — покачал головой герцог, смерив взглядом Тулеара. — Вернемся к нашей беседе. Знаете, если б не Ильма, сообщившая мне, что месьоры Конан и Мораддин отправились в Рошу Девы на какую-то туманную встречу, я не смог бы направить туда отряд гвардейцев, прибывших, как я знаю, очень кстати. Так что вы обязаны этой малышке жизнью. Ну, и мне тоже. Впрочем, я не из тех, кто требует за это плату. — Лаварон мило улыбнулся.

— Ты уж очень странно поддерживаешь своих людей, — сухо сказала Ринга.

— Некоторые начальники тайных служб вообще их не поддерживают, дорогая, — пожал плечами Лаварон. — Я делал что мог. Узнав, что же в действительности произошло с королем, призна-

юсь, я был ошеломлен. Как всякий политик, я никогда не придавал особого значения жрецам, магам, алхимикам и всяческим потусторонним явлениям. А вот король Вилер думал иначе, не так ли, месьор Аррас? — Он повернулся к магу, который с наигранно-скучающим видом прислонился к стене внутри своей защитной сферы. — Нетрудно догадаться, что тебя нанял аквилонский правитель. В последнее время он подтягивает к нашей границе войска. Король Вилер ждет, когда его ставленник на троне Немедии окончательно обескровит страну, чтобы без помех завоевать нашу державу.

— Ты можешь делать любые предположения, — холодно ответил Аррас, но по его лицу было видно, что Лаварон попал в цель.

Герцог усмехнулся и продолжил:

— После того как стражники напали на дом этой вдовы... м-м... кажется, Сезии... если не ошибаюсь, хозяйки тайного убежища нашей уважаемой Ринги, — Лаварон любезно кивнул в сторону раздосадованной девушки-гуля, — я потерял вас всех. Впрочем, разгадка тайны уже была у меня в руках, и я разрабатывал план дальнейших действий, когда мой человек из королевского замка донес, что видел достойных месьоров Конана, Ревенда и не знакомого ему третьего месьора не где-нибудь, а в спальне самого короля. Я было пришел в ужас, ибо уже знал, кем именно был тот третий месьор, но мне сообщили, что вас удалось спасти и вывести за пределы дворца. Это сделал человек, работающий на тайную службу уже де-

сятилетие... Он знал от меня, как вы выглядите, и думал, что вы тоже люди Вертрауэна. К счастью, он ошибался.

— Лаварон, через много лет, когда я составлюсь и отрекусь от трона в пользу Ниди, ты расскажешь мне, кто из моих слуг и приближенных работает на твоё заведение? — весело спросил Нимед.

— Думаю, Ваше Величество, будет проще перечислить тех, кто не работает, — поклонился королю глава тайной службы. — Своей выходкой, месьоры, вы вынудили самозванца скрыться и тем разрушили мой тщательно обдуманый и уже подготовленный план, — спокойно продолжил Лаварон, — но я вас не виню. Мои люди проследили за месьором... Как его зовут-то?

— Тулеар, месьор, — торопливо подсказал бывший самозванец. — Младший смотритель королевских покоев...

— Благодарю, — кивнул Лаварон, — ...за месьором Тулеаром до самого Замка Королевы. И каково же было их удивление, когда они заметили, что не одни наблюдают за дворцом! У моих ребят хватило ума не трогать вас, а сообщить мне. Я велел ничего не предпринимать...

— Проще говоря, снова решил выполнить самую грязную и кровавую работу нашими руками? — сдвинула брови Ринга.

— На этот раз — нет, — не смутился Лаварон. — Просто вы меня опередили. Я еще только рассылал тайные приказы верным мне командирам, а тут заявили вы с этой разномастной армией и

принялись штурмовать дворец. Ваши быстрота и решительность восхищают меня, месьоры! — Герцог склонил голову, словно не замечая хмурых взглядов. — Я прибыл с небольшим отрядом вам на помощь, но все уже было кончено. Так что примите мои поздравления. Вы прекрасно справились с делом. По отношению же к тебе, дорогая Ринга, мое безграничное уважение стало еще безграничнее.

— Польщена, — скривила губы девушка-гуль.

Аррас пошевелился, и Лаварон перевел взгляд на него.

— Теперь, я думаю, пришло время заняться нашим магом. — Герцог отыскал глазами единственный стул и бесцеремонно уселся. — Если хочешь переманить кого-либо к себе на службу, сначала узнай, что ему пообещали, и пообещай больше. Не думаю, что нашего достойного аквилонского друга интересуют деньги. Сдается мне, месьором Аррасом двигало честолюбие, столь обычное для нас, простых смертных, но редко встречающееся среди представителей его ремесла. Обычно маги копаются в заплесневелых пергаментх и переливают вонючие растворы из реторты в перегонный куб, насколько мне известно. А вот месьор Аррас решил, используя свои знания, удариться в политику и добиться определенных высот... План-то наверняка сам придумал и Вилеру предложил, а, месьор маг? И рассчитывал со временем начать свою игру, о которой бы не знал твой наемник. Может, метил остаться теневым правителем при месьоре Тулеаре.

— Да, — спокойно ответил Аррас.

— Ценю твою искренность. — Лаварон задумчиво покачался на стуле и в упор взглянул на аквилонца. — Твое дело не выгорело, Аррас, так почему бы тебе не перейти на нашу сторону? Ты умен и честолюбив, такие люди нам нужны. Пост одного из младших советников короля тебя устроит? Естественно, со всеми причитающимися титулами, поместьями и доходами.

Аррас и Нимед одновременно выпучили глаза и посмотрели на герцога так, словно тот рехнулся.

— А ты подумай, подумай. — Глава тайной службы как ни в чем не бывало продолжал покачиваться. — Такое предложение раз в жизни получают... Мой король, ты тоже подумай. Такого человека, как Аррас, лучше иметь в нашем стане и прикармливать с руки, чем ожидать от него новых каверз.

— Такому человеку лучше всего отрубить голову, — холодно сказала Ринга.

— Ну, моя дорогая, в тебе говорит личная обида, а так быть не должно, — укорил рабирийку Лаварон. — Если мы всех умных людей будем на плаху отправлять, то общество вскоре опустится до варварства... Извини, Конан, я не хотел тебя обидеть.

— Ничего, я привык, — хмыкнул киммериец.

— Я согласен, — внезапно с решимостью произнес Нимед. — Ты прав, Лаварон, как всегда. За годы правления я смог убедиться, что ни один твой совет не был плохим. Как только Аррас вернет меня в мое тело, я назначу его своим млад-

шим советником, дарую титул с поместьем и малую государственную печать.

Маг закусил губу, размышляя. Потом внимательно посмотрел на Нимеда, затем на Лаварона, словно удостовераясь в их искренности. И наконец кивнул.

— У меня нет другого выхода,— хрипло сказал аквилонец и криво улыбнулся.— Не до конца же жизни мне здесь сидеть...

— Мудрое решение, месьюры,— одобрил Лаварон и громко крикнул: — Эй, кто там с бумагами? Зайди!

В комнату немедленно вбежал человек в одежде писца, неся свиток пергамента, чернильницу и кисточку.

— Приказ насчет Арраса я уже заготовил, мой король,— небрежно проговорил герцог.— Подпишишь вот здесь... И здесь... Вот и печать... Готово!

Лаварон показал магу документ с еще не высохшими чернилами, где Аррас назначался советником с графским титулом. Маг пробормотал заклинание и сделал шаг вперед, показывая тем самым, что снял защиту. При этом он напряженно смотрел в сторону Ринги, Мораддина и Конана. Однако они не пошевелились, хотя киммерийцу очень хотелось слегка подпортить красивую физиономию мага, и, скорее всего, рабирийка разделяла это желание.

— А я? — забеспокоился вдруг Тулеар.— Почему обо мне не сказано ни слова? Я, можно сказать, сберег королевское тело, согласен вернуть его в целостности и сохранности...

— Успокойся,— махнул рукой Лаварон.— Тебе мы тоже что-нибудь подыщем... Соответствующее.

Самозванец довольно улыбнулся и потер руки.

— Боги, до чего мерзкая у меня ухмылка,— с отвращением произнес Нимед, глядя на Тулеара.

Аррас изучил приказ, аккуратно свернул его и спрятал за пазухой. Обычная насмешливость и самоуверенность вновь вернулись к нему.

— Пойдем, Ваше Величество,— позвал маг.— Сейчас я верну тебя в твоё тело... Тулеар, где ты там застрял, сожри тебя демон!

Аррас двинулся к двери, но остановился возле Ринги.

— Мне жаль, что ты сердишься на меня,— негромко сказал он.— Мы ведь сделаны из одного теста, оба игроки и идем до конца. Уверен, на моем месте ты поступила бы так же. Теперь мы на одной стороне, и нам неплохо бы подружиться.

— Держись от меня подальше, ублюдок,— прошипела рабирийка.— Еще раз подойдешь ко мне — располосую твою смазливую физиономию так, что даже девица из веселого дома на тебя не взглянет! Твои хитрости меня не волнуют, но то, что ты использовал меня в своих целях, я тебе никогда не забуду!

— Ничего, Аррас, ничего,— успокаивал молодого человека Лаварон.— Позлится и простит. Женщины переменчивы.

Маг вышел, за ним последовали Нимед и самозванец в сопровождении солдат, прибывших с Лавароном. Герцог удовлетворенно кивнул и обвел взглядом всех, кто остался в комнате.

— Что ж, месьоры, разрешите вас поздравить — наша страна спасена! — торжественно провозгласил Лаварон. — И, поскольку вы принимали в этом непосредственное участие, то заслужили хорошую награду. Что, например, желаешь ты, Веледор?

— Я... Я, право... Даже не знаю...

— Ценю твое бескорыстие, — склонил голову Лаварон и, не обращая внимания на протестующие жесты Веледора, повернулся к Серту: — А ты, достойный Серт, столь же бескорыстен?

— Ни-ни! — запротестовал тюремщик. — Я ради нашего короля жизнью рисковал. Неужели мне за это ничего не положено?

— Положено, — успокоил Серта герцог. — Что же ты хочешь? Какую-нибудь должность?

От умственных усилий на лбу тюремщика вспухли жилы. Видения, где он занимал самые высокие посты, за одно мгновение промчались перед внутренним взором Серта, вызвав у него испарину. Тюремщик издал несколько невразумительных звуков, откашлялся и сказал:

— Я тут подумал, месьор... Нельзя ли вернуть меня обратно на службу в Каземат? Мне уж там привычно, товарищи опять же... Я, поди, не го-жусь для разных высоких должностей. Вот жалование бы мне прибавить — все же дочка подрастает, деньги-то нужны...

— По-моему, твоя дочь давно подросла. — Лаварон покосился в ту сторону, где Ревенд в уголке целовался с Ингодой. — Впрочем, это не помеха для того, чтобы повысить тебе жалование. И существенно.

Не слушая бормотаний Серта, герцог посмотрел на Ильму:

— А что хочешь ты, девочка?

— Дом! — жадно воскликнула Ильма. — Большой-большой, с роскошным парадным входом, с садом и фонтаном, с тремя спальнями и гостиной, отделанной золотом!

— Но зачем тебе дом, дорогая? — удивился Веледор.

— А где мы будем жить? — подняла брови девушка. — Судя по тому, что ты мне рассказывал о своем доме, это просто дыра какая-то!

— Ну, знаешь ли, Ильма... — оскорбился философ.

— Ругаться будете потом, когда поженитесь, — остановил их герцог. — Я выполню твою просьбу, Ильма. Надеюсь, это последняя просьба, ибо ты не будешь больше сотрудничать со мной, целиком посвящая себя домашним обязанностям?

— Совершенно верно, — решительно сказал Веледор, и Ильма закрыла уже открытый для ответа рот.

— Так, ну им явно ничего не надо... — Лаварон махнул рукой в сторону все еще целующейся парочки. — Тебя, дорогая Ринга, наградят, как обычно...

— Надеюсь, не третьим Орденом Чести? — фыркнула рабирийка. — Лучше наградите меня Орденом Черной Розы. У меня как раз есть серьги и браслет с опалами — будет под цвет.

— О, женщины! — Герцог картинно воздел руки кверху. — Даже ордена подбирают для украше-

ния... Ну а вы, месъоры, как мне известно, наемники, поэтому вас в первую очередь интересуют деньги?

— Да! — сказал Конан.

— Нет, — спокойно произнес Мораддин.

Лаварон удивленно поднял брови и взглянул на гнома. Конан вздохнул.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты взял меня на службу, — пояснил Мораддин. — Я не наемник, я бывший сотник гвардии Илдиза Туранского. Жизнь наемника не по мне, я предпочитаю верой и правдой служить закону и порядку. Волею случая я близко узнал вашего короля и с радостью отдам свой меч под начало столь достойного правителя.

— Счастлив ответить на твою просьбу положительно, — улыбнулся Лаварон и огляделся. — Пожалуй, никого не забыли.

— А нищие? — подсказал Мораддин. — Они доблестно сражались за короля Нимеда.

— А, нищие... — пренебрежительно скривился герцог. — Да, конечно. Раздадим им немного денег и устроим гулянья за счет казны. Думаю, они будут довольны.

Мораддин усмехнулся. По его лицу было видно, что он так не думает.

— Ну-с, вот, собственно, и все! — объявил герцог и, поклонившись, вышел.

«Действительно, все, — подумал Конан. — Сейчас бы вина, потом девицу поласковее, а потом отоспаться. Нет, лучше сперва отоспаться, а потом девицу. Но первым делом обязательно вина!»

Эпилог

Ну что, Лаварон, у тебя наконец все? — нетерпеливо спросил король Нимед, раскачиваясь на кресле.

— Последний указ, Ваше Величество. — Герцог положил перед монархом лист пергамента. — Об освобождении из Каземата несправедливо обвиненных в измене барона Солвези и его...

— Да мне плевать кого. Давай подпишу. — Нимед небрежно обмакнул кисть в чернила. — Ну, дружище, и насажали вы в темницу народа! Целую седмицу освобождаю и освобождаю, а конца-краю не видно. — Король взглянул на устроившегося в другом кресле Арраса.

Маг улыбнулся.

— Вот мою Рэлею вы зря тронули, — укоризненно заметил Нимед, размашисто подписывая указ. — С ней теперь невозможно дело иметь. После освобождения из Каземата она только тем и занимается, что молится с какими-то бесноватыми жрецами и провидцами, а меня к себе

подпускает лишь в дни, указанные ей дворцовыми медиками и звездочетами как благоприятные для зачатия. Все остальное время дверь спальни на замке. Представьте, моя женушка утверждает, что безумие было послано мне богами в наказание за сластолюбие... Надеюсь, народ так не думает?

— Нет, мой король, — невозмутимо ответил Лаварон. — Народ поверил, что безумие было наслано на тебя коварным чернокнижником. Чтобы полюбоваться на казнь этого негодяя, люди из деревень и других городов за десятки лиг ехали.

— А кто был негодяем? — поинтересовался король.

— Один чернокнижник из Ибры, — пояснил герцог. — Тихий человек, но внешность у него самая злодейская, за это и выбрали. На костре все кричал, что невиновен, и отчаянно сопротивлялся. Зрители были в восторге.

— Ну, это главное... — Нимед зевнул и прекратил качаться в кресле. — Ах, Лаварон, ты не представляешь, как хорошо в собственном теле. Правда, увы, меня снова беспокоит больной зуб. И почему этот Тулеар им не занялся? Кстати, что там с моим дорогим Корелиусом? Его, кажется, уже освободили?

— Три дня назад, Ваше Величество, — подтвердил герцог. — Только, боюсь, тюремные палачи перестарались, и он теперь слегка не в себе. Жена увезла его в Коринфию, лечиться. Зато дети Корелиуса в восторге. Насколько мне известно, его сын Агритас пустился во все тяжкие, а дочь уже

выскочила замуж за какого-то безродного смазливового юнца...

— Пусть не надеется, что я приближу его ко двору только за то, что он зять Корелиуса, — хмыкнул король. — А Агритаса образумь. Все же потомок древнего и славного рода. А то промотает наследство, наплодит детей, наделает долгов, а потом ко мне в ноги: дескать, помощи, Ваше Величество! Ты уж сразу передай ему, что я помогать не буду!

— Ваше Величество... — укоризненно произнес Лаварон.

— Вот демон! — ругнулся король. — Был среди нищих всего-то луну, а все пакость какую-нибудь сказать хочется. — Нимед снова повернулся к Аррасу: — Ну что, младший советник, ты уже обдумал то, о чем мы говорили вчера?

— Да, Ваше Величество. — Молодой маг поднялся и положил на стол перед королем свиток, исписанный мелким почерком. — Здесь я подробно изложил мои мысли и идеи на этот счет.

— Отдай это Лаварону, пусть прочтет на досуге. Он у нас книг не читает, одни только доносы и доклады. — Король отодвинул бумагу. — Ты мне так Расскажи.

— Я думаю, лучше всего выбрать Офир, — заговорил Аррас. — Коринфия и так во всем готова нам подчиняться; Пограничное Королевство — местечко не слишком лакомое; Аквилония нам не по зубам, да и мне там появляться теперь нельзя; в Кофе правит твой тесть — его трогать неудобно.

— Да, я сам думал об Офире,— кивнул Нимед.— Добравшись до реки Красной, мы будем иметь надежный выход в море. Затем плодородные офирские равнины... Я смог бы обеспечить крестьян землей и выделить знати новые владения... Сколько понадобится времени на подготовку, Аррас?

— Луны четыре, я думаю.— Маг снова уселся в кресло.— Необходимо все разузнать об офирском дворе, подыскать того, кто получит тело короля Офира, и подготовить его. На этот раз я не совершу ошибки и не выберу ничтожество вроде Тулеара... Где он, кстати, а, герцог?

— Мы нашли ему соответствующую должность, как и обещали.— Лаварон усмехнулся.— Сейчас он пробирается через джунгли в город Кисангани, чтобы приступить к исполнению важной и ответственной миссии представителя Немедии в Зембабве.

— А что случилось с нашим прежним представителем? — поднял брови Нимед.

— Съели зембабвийцы,— пояснил герцог.

Король и Аррас засмеялись.

— Ваше Величество,— заговорил более серьезно Лаварон,— меня несколько беспокоит твой замысел. Я убежден в исключительных способностях месьора Арраса, но, если его затея в Офире провалится, как провалилась здесь, в Немедии, это вызовет большие неприятности, которые могут закончиться войной. Аквилония сейчас настроена очень дружески по отношению к Офиру. Ты, мой король, должен понимать, чем это нам грозит...

— Пустое, Лаварон,— махнул рукой Нимед.— Вспомни, кто, кроме Ринги и ее друзей, догадался о подмене и начал предпринимать хоть какие-то действия? Да никому и в голову не пришло! А уж офирцы не умнее нас. По счастью, Ринга — на нашей стороне, Мораддин теперь тоже на моей службе. Главное — перед началом наших действий в Офире проверить, не обретается ли там Конан, а если да, то незаметно изгнать его из страны. Тогда в успехе можно не сомневаться.

— А ты не предполагаешь, мой король, что в Офире могут найтись своя Ринга, свой Мораддин и свой Конан? — осведомился герцог.

— Насчет Ринги и Мораддина — не поручусь,— согласился Нимед.— А вот Конан — это вряд ли!

* * *

— Ну что ж, друзья,— Мораддин обвел взглядом всех сидевших за столом и поднял кубок,— пью за судьбу, которая свела меня с вами!

Слушатели польщенно и одобрительно зашумели, потянувшись своими кубками, чтобы чокнуться с потомком гномов. Все участники последних событий собрались в доме Ринги, чтобы проводить в дорогу Конана-киммерийца, который решил, что в Бельверусе ему больше делать совершенно нечего и пора двигаться дальше. Заодно обмывали новый орден рабирийки, новую должность Мораддина, назначенного главой особого воинского отряда Вертрауэна, новый дом Ильмы и Веледора, новое жалованье Серта и старые, как мир, но такие новые для них отношения Ревенда

и Ингоды, вчера вечером скрепивших брачный союз в одном из храмов Иштгар.

— У меня ответное слово! — вскричал Серт, уже умудрившийся захмелеть, поскольку пил тонкое заморское вино огромными глотками, словно это была вода. — За нашего дорогого... Нет, дражайшего друга Мораддина из Турана!

Все снова одобрительно зашумели. Конану стало скучно. Он уже наелся, а напиться этим легким дамским вином было просто невозможно. Варвар незаметно опустил руку за пазуху, нащупал там увесистый кошель с золотом, врученный ему от имени короля Нимеда, и на сердце его снова потеплело. Он представил, как заявляется к матушке Вилье и начинает сыпать золотые монеты в карманы ее девиц, а потом обыгрывает в кости половину посетителей матушкиного заведения. Конану стало совсем хорошо. Северянин справедливо полагал, что деньги на то и существуют, чтобы их незамедлительно спускать, причем с наибольшим шумом и треском.

— А теперь... А теперь выпьем за нашего друга Конана! — провозгласил Ревенд.

Конан снисходительно кивнул и поднял кубок.

«Ага, а это уже интересней, — подумал он. — Сейчас будут пить за каждого из присутствующих по кругу, потом, когда поймут, что еще трезвы, начнут пить за отсутствующих друзей; потом кончится вино и кто-нибудь предложит отправиться в ближайшую таверну — там-то вино покрепче... Хотя нет. Тут Мораддин и Ринга, а значит, потехи не будет». И Конан вновь поскучнел.

За окном опустилась ночь. Хозяйка дома уже несколько раз нарочито громко зевала, и гости наконец засобирались. Конан обрадовался этому не меньше Ринги, поскольку рассчитывал еще успеть в заведение матушки Вильи, где как раз начиналось самое горячее время, и там повеселиться как следует. Оставалось лишь проститься со своими недавними соратниками. И тут Конан невольно почувствовал грусть. Что ни говори, а он уже успел привыкнуть к своим спутникам и посвоему привязаться к ним. Пережитые вместе опасности, неудачи и победы сроднили этих разных людей, превратив в маленький сплоченный отряд, который теперь распадался, и всем было немного жаль этого.

К Конану подошли Ревенд и Ингода. Юноша сильно изменился за последнее время, повзрослел, стал увереннее и решительнее, но все равно выглядел младше своей невозмутимой и молчаливой жены. Ревенд принялся смущенно бормотать какие-то прощальные слова, а Ингода лишь улыбнулась варвару и поцеловала его в щеку.

— Единственная приличная женщина в нашей компании, а досталась молокососу, — тихо пробурчал Конан.

Ингода услышала слова киммерийца, подняла на него глаза и нежно прижалась к плечу мужа, без слов говоря варвару, что любовь необъяснима и непредсказуема.

— Ах, Конан, до чего мне жаль, что ты покидаешь нас! — горячо заговорил Веледор, тряся руку варвара. — Ты обогатил мой жизненный опыт

и изменил мои философские воззрения... Я ошибочно презирал физическое и материальное, ставя во главу угла дух. Я думал, что лишь духовное может изменить окружающий мир в лучшую сторону. Но я ошибался. Дух не изменяет ничего, он лишь оценивает и взвешивает поступки на весах морали и пользы. Но если бы не было физического, взвешивать было бы нечего, и мир застыл бы в своей неизменности. Такие люди, как ты, Конан, меняют окружающий мир, и пусть не всегда в лучшую сторону, но ведь меняют, сожри меня демон!

— Славный ты человек,— внезапно произнес киммериец.— И хотя я ничего не понял из того, что ты мне сказал, но я рад нашей встрече.

— Взаимно,— улыбнулся философ и направился вслед за племянником.

К Конану важно подплыла Ильма. Бывшая служанка королевы всю разучивала свою новую роль жены именитого ученого и хозяйки богатого дома. Ее туалеты по расцветке и количеству украшений соперничали с оперением дарфарских птиц, а прическа заставляла Рингу всякий раз страдальчески морщиться, когда немедийка попадалась ей на глаза. Ильма церемонно наклонила голову и протянула Конану унизаную кольцами руку.

— Ну что ж, прощай, Ильма,— сказал киммериец.— Ты береги Веледора. Он человек не от мира сего, не нам чета. Когда свадьба-то?

— Скоро. Он еще не договорился с жрецами. Я хочу, чтобы церемония происходила в самом

большом храме Бельверуса и чтоб были приглашены все знатные люди города,— жеманно проговорила Ильма. Но вдруг маска напыщенности слетела с ее лица, а глаза наполнились слезами.— Ой, Конан! Я никогда не встречала мужчину, подобного тебе! Ты мог бы составить счастье любой женщины, понимаешь? Если бы ты только захотел! Одно слово — и любая кинулась бы тебе в объятия! — Казалось, девушка сейчас разрыдается.

Конан обеспокоенно огляделся, не зная, что делать, если Ильма решит не дожидаться этого слова.

— Боишься, что захочу убежать с тобой? — Ильма торопливо вытерла набежавшие слезы, размазав краску по щекам.— Не бойся. Женщине нужен дом, нужна безопасность, семья, дети. А ты только и знаешь, что бродить по миру и находить все новые неприятности. С тобой хорошо провести ночь, но на большее может согласиться только сумасшедшая. А я еще в здравом уме, дорогой Конан.

Ильма приподнялась на цыпочки и поцеловала киммерийца в губы. Конан ощутил вкус ванильного крема, которым были обильно политы пирожные, подававшиеся на десерт.

— Прощай,— шепнула Ильма и выбежала вслед за Веледором.

— Ну что, Конан, все-таки уезжаешь? — Серт благодушно икнул.— Не понравился, значит, Бельверус? А и правда, что в нем хорошего, кроме Каземата? Ты, парень, помни: ежели в Каземат попадешь, у тебя там есть надежный друг, кото-

рый тебе все по высшему разряду обустроит: и камеру, и еду, и обслугу...

— Нет уж, спасибо,— пробормотал Конан.— Обойдусь как-нибудь.

Наконец в доме остались лишь киммериец, Ринга и Мораддин.

— Как там наш дружище Берт? — лениво очищая апельсин, поинтересовался гном.

— А что ему сделается? — пожал плечами варвар.— Просит милостыню на своем месте. Я вчера был в «Королевском плоту», видел его. Мы с ним пропили те деньги, что Лаварон из казны выделил Недотепе в награду.

— Немного же герцог выделил, раз вы пропили их так быстро и при этом не спалили пол-Бельверуса,— усмехнулся туранец.

— Другим нищим — и того меньше,— махнул рукой Конан.— Правда, Берт утверждал, что от имени короля в катакомбы прислали несколько бочонков отличного вина, да всем не хватило.

— Щедрость правителей не знает границ,— с издевкой произнес Мораддин.— Особенно немецких правителей.

— А ты бы хотел, чтобы король всю казну раздал нищим? — сухо осведомилась Ринга.

— Просто Морадину хочется, чтобы все было по справедливости,— вступился за друга Конан.

— Так не бывает,— улыбнулась рабирийка.— Неужели ты до сих пор этого не знаешь?

— Не знаю,— отрезал гном.— И знать не хочу.

— Ты не исправим,— грустно вздохнула Ринга.— Герой с парой мечей на поясе. Ну ладно, месью-

ры, я пойду спать: у меня завтра трудный день. Лаварон что-то опять для меня придумал. С утра поеду в Вертрауэн, посмотрю, стоящее ли дело.

Ринга поднялась и, шурша платьем, подошла к Конану.

— Ну что, бездельник, снова отправляешься искать неприятностей на свою... голову? — Девушка-гуль взлохматила киммерийцу волосы.— Кто же будет сдерживать твою бешеную натуру, когда меня не будет рядом?

— А ты уверена, что ее так уж необходимо сдерживать? — пробурчал Конан, приглаживая длинные космы.

— Не спорь со мной. Я лучше знаю.— Ринга снова растрепала черную шевелюру варвара.— Не скрою, мне приятно было с тобой работать... И не только.— Желтые глаза рабирийки лукаво блеснули.— К моему удивлению, ты оказался не лишен чести и благородства, что вызывает к тебе определенное уважение.

— Хотя сейчас ты можешь разговаривать нормально? — не выдержал Конан.— Ведь мы больше никогда не увидимся!

— Ох, чует мое сердце, так просто мне от тебя не отделаться,— вздохнула Ринга.— Смотришь, лет через двадцать я еще узрю твою покрытую морщинами и шрамами героическую физиономию... Пути, предначертанные нам богами, неисповедимы! Ты только не позволь какому-нибудь шальному клинку или взбесившемуся колдуну отправить тебя к Нергалу раньше, чем мы встретимся, ладно? — Девушка-гуль снова дотронулась

до волос Конана, и теперь киммериец почувствовал в ее прикосновении ласку.

— Хорошо, Ринга, не дам,— серьезно пообещал северянин.

Легко коснувшись губами виска Конана и обдав его ароматом сирени, рабирийка встала и направилась к выходу. Уже у порога девушка обернулась.

— Так я буду ждать, Конан,— сказала она.

— Чего? — не понял киммериец.

— Нашей встречи,— улыбнулась Ринга.— А если умудришься стать королем, пригласи меня на коронацию. Ручаюсь, это будет незабываемое зрелище...

— Приглашу.— Конан невольно улыбнулся в ответ.

Рабирийка ушла. Некоторое время Конан и Мораддин сидели молча, думая каждый о своем.

— Мораддин, поехали со мной,— вдруг сказал киммериец.— Что тебе здесь делать? В мире тьма интересных мест! Можно отправиться к корсарам в Зингару. Или в Пограничное Королевство. А можно двинуть на Барахские острова, я там плавал когда-то с Белит... Или поискать путь в Вендию. Богатая страна... Мы найдем уйму сокровищ, повстречаем таких красавиц, что дух захватит, увидим чудеса, которые и не снились здешним обитателям! Клянусь Кромом, перед нами столько дорог, а ты хочешь запереть себя в этом грязном, вонючем городе!

— Прости, Конан, но я не поеду с тобой,— покачал головой гном.— Я нашел то, что искал всю

жизнь, и ради этого я готов пожертвовать приключениями и свежим воздухом.

— Рингу? — Киммериец задумчиво стукнул ножом по серебряному кубку и вслушался в мелодичный звон.— Ты уж извини, но у нее на уме одни придворные интриги. А если она и увлечется кем на время, так лошеным красавчиком вроде Арраса. Поверь, Ринга никогда не оценит тебя.

— Не верю.— Мораддин принялся тщательно изучать орнамент на блюде с фруктами.— Она уже устала играть в эти игры с тайной службой и воображать себя нестигаемой и сильной, устала от своего вечного одиночества. Может быть, она сама еще этого не знает, но я-то знаю. Ринге, как и любой другой женщине, нужны тепло, ласка, любовь и защита. Если не сейчас, обязательно понадобятся в будущем. Я подожду. И тогда она оценит то, что я могу и хочу ей дать.

— Можно подумать, мало женщин на свете, которые побегут за тобой на край земли, едва ты свистнешь,— пробурчал Конан.

— Может быть, найдется парочка,— согласился Мораддин.— Но мне нужна Ринга. Только она и никто другой. И я готов бороться за нее и жертвовать многим. Может быть, когда-нибудь ты поймешь меня. Может быть, нет.

— Надеюсь, Кром охранит меня от такого безумия,— хмыкнул Конан.— По мне, так лучше свободы ничего нет.

— Есть,— спокойно возразил Мораддин.— Когда в твоей жизни появляется тот, ради которого ты готов добровольно расстаться с этой свободой.

— Вижу, ты крепко влип,— пожал плечами Конан, встал и потянулся, хрустнув суставами.— Ну, воля твоя. Может, свидимся еще. Хотелось бы мне посмотреть, каким станет неистовый воин Илди-за лет эдак через двадцать...

— И мне бы хотелось посмотреть, что станет-ся с тобой, Конан,— улыбнулся Мораддин.

— Известно что,— ухмыльнулся северянин.— Я буду королем. Только вот страну себе подыщу подходящую.

— Может, и станешь. Только, пожалуйста, не в Немедии, а то мне придется срочно переехать. И не в Туране — родина все-таки, жалко.

— Тогда из подходящих только Аквилония остается,— хохотнул киммериец.

Конан протянул руку гному, и тот крепко пожал ее. Воцарилось молчание: каждый думал слишком о многом, но вслух не решался выразить свои мысли.

— Ну, бывай, сын гнома,— сказал Конан.— Удачи тебе. Во всем.

— И тебе, варвар,— тепло произнес Мораддин.— Прощай, друг.

От избытка чувств Конан лишь выругался и стремительно вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он толкнул дверь и оказался на улице. Ночное небо было усыпано звездами, похожими на алмазы, сияющие на черном шелковом платье красавицы. Полная желтая луна снисходительно взирала на спящую немедийскую столицу.

— Но в Асгалун я все равно не поеду! — решительно сказал Конан.

У вот наконец спал нестерпимый дневной зной, и быстротечный вечер коснулся расплавленной солнцем земли прохладным, легким поцелуем. От раскаленных песков пустыни заструились потоки горячего воздуха, искажая резкие очертания молчаливых барханов, погружающихся в ночную тень. Атласный шелк заката в невесомой пелене растянутых вдоль горизонта перистых облаков еще окутывал полнеба, но с каждым мгновением отступал перед натиском темноты, пока не превратился в узкую линию, кольцом опоясавшую западный окоем.

В кровавом пламени светила резные листья высоких пальм, раскачиваемых порывами ветра, на бледном фоне угасающего дня напоминали человеческие руки с растопыренными пальцами, словно руки актеров из театра теней, разыгрывающих трагедию. И стоило лишь солнцу коснуться краешка земли, как в пустыне стало холодно и неуютно.

Конан, сидя у небольшого костерка, зябко поежился, подбросил в огонь несколько сухих веток и поплотнее закутался в одеяло из верблюжьей шерсти.

Хамра, что на языке шемитов означает — небольшой оазис, — этот крохотный островок среди моря песков, с дикой пальмовой рощицей, пересыхающим озерцом и глубоким колодцем вдали от торных караванных путей, вот уже третий день служил ему пристанищем и домом.

Мерцающий воздух струился над раскаленным белесым песком, огибая клочок чахлой зелени. Этот внезапный переход от дневной жары к ночному холоду никогда не нравился киммерийцу и всегда заставлял его врасплох, хотя Конан и провел в этих землях уже больше года.

«Все, сегодня бесполезно на что-то надеяться... — подумал он. — Три дня — большой срок.... Либо они погибли, либо пришлось уходить от туранцев в сердце пустыни — да помогут им светлые боги.»

Конан перевернул на углях подрумяненный кусок конины, провел рукой по заросшей щеке, ощупывая чуткими пальцами подсохшие края еще свежего шрама, никак не желавшего заживать.

Хотел было выругаться, но промолчал — за эти бессмысленные три дня он уже израсходовал столько проклятий, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней вперед. Мысли его вертелись по бесконечному кругу, все время возвращаясь к событиям того памятного дня.

«Кром, пошли на Туран черный мор! — все-таки не выдержал киммериец. — Дай мне возможность выбраться из пустыни, а уж тогда я доберусь до тебя, Илдиз. Будь трижды проклято твое имя!»

Илдиз — повелитель Турана, не простил ему убийство одного из своих вельмож, и Конан был вынужден бежать из Аграпура. Здесь, в шемских пустынях между Тураном, Хорайей и Хаураном киммериец стал предводителем шайки зуагиров и долгое время успешно занимался контрабандой и разбоем на караванных путях, нередко наведываясь и в Туран. Илдиз ничего не забыл, он считал делом чести наказать киммерийца, и не упускал ни единой возможности, отплатить варвару за убийство.

«Это была ошибка — открыто привести караван с награбленным в Замбулу. — Конан с сожалением покачал головой.»

Киммерийца узнали и тут же донесли наместнику. Хитрый туранский вельможа не стал поднимать шума в городе, опасаясь вызвать беспорядки, ведь у разбойников наверняка были здесь свои люди. Большой отряд туранской конницы под покровом ночи тайно вышел из города и на рысях ушел на запад. Продав награбленные товары, Конан и его шайка, обремененные тяжестью золота, довольные и беспечные, возвращались домой и угодили прямо в западню.

На этот раз чутье подвело киммерийца. Схватка была скоротечна и жестока. Конан бесильно заскрежетал зубами, вспомнив скольких

своих людей, он тогда потерял. Туранцев было втрое больше. Они напали внезапно, и прежде чем разбойники обнажили мечи, успели вырезать половину его отряда. Зуагиры — храбрые воины, но силы были слишком неравны.

Спасая остатки людей, Конан приказал отступать и бросился искать спасения в пустыне, куда, как он надеялся, туранцы сунуться побоятся. Но и тут он ошибся, противник стремился к полной победе и в течение нескольких дней преследовал разбойников по пятам.

Дважды Конан с горсткой отчаянных храбрецов оставался в засаде, давая остальным своим людям и раненым возможность оторваться от погони. Дважды туранцы попадались на его хитроумные уловки, но для них это были лишь комариные укусы, болезненные, да, но не настолько, чтобы остановить их порыв.

И только приказав разбросать по дороге все вырученное от продажи золота, Конану удалось задержать преследователей.

Он разделил отряд на две группы, отправив раненых к ближайшему селению, а сам сделал все, чтобы привлечь к себе внимание туранцев. Их командир благоразумно не стал разъединять свои силы и продолжал настойчиво преследовать киммерийца, с упорством охотничьей своры, идущей по следу загнанной добычи. Конан принял решение — его люди поодиночке рассыпались по горячим пескам, и только тогда туранцы прекратили погоню. Заранее обговорив место сбора, условились о встрече в оазисе Хамра —

мало кому известном местечке, затерянном среди океана песков.

Конан добрался сюда первым и вот уже три дня ждал появления своих людей. Недобрые предчувствия не давали киммерийцу покоя, бездействие раздражало. И он бы не сидел здесь, сложа руки, если бы лошадь его не пала, на самом подходе к Хамре.

Зато теперь у него было мясо. Он нарезал конину тонкими ломтиками и завялил на солнце, приготовив запас себе впрок, — кто знает, сколько еще ему придется здесь пробыть...

Конан подцепил кинжалом с углей запеченный кусок конины и впился в него зубами. Мясо было уже с душком, но варвар не обращал на это внимания. Он отрешенным взглядом уставился на угли костра, погрузившись в невеселые размышления.

«Неужели все мои люди погибли... Все — и Хоэдин, и Абусин, и Рамани... Нет! В это невозможно поверить — пустыня их родной дом, и даже тысяча туранцев не сможет поймать в этих барханах одного зуагира... Наверное, им пришлось уводить за собой погоню и делать огромный крюк, чтобы добраться сюда. Но три дня — срок достаточный?..»

Конан и не заметил, как съел весь свой ужин. Раскалившаяся за день от солнечного зноя земля, стремительно отдавала тепло непроглядной ночной темноте. Яркие звезды на фоне чернильного небосвода казались переливающимися россыпями драгоценных камней, с холодной безучаст-

стностью подмигивающих киммерийцу с высоты поднебесья.

Конан встал, сходил умыться к озеру и решил лечь пораньше спать.

«Сон лучшее лекарство от дурных мыслей», — справедливо рассудил он.

Устроившись на кошме, поближе к теплу костра, киммериец закрыл глаза и мгновенно заснул.

Он проснулся с рассветом, но не оттого, что не хотел больше спать, а от странного беспокойного чувства тревоги. Даже сквозь сон Конан уловил этот звук — то ли приглушенный конский всхрап, то ли неосторожное позвякивание удилами, но, чтобы то ни было, оставить его без внимания он не мог. С нечеловеческой быстротой варвар оказался на ногах, и встал во весь свой исполинский рост, не скрываясь, оглядывая предрассветный горизонт. Таиться и осторожничать не имело смысла, все равно бежать ему некуда. Разумнее сразу себя показать, не вызывая подозрения соглядатаев. Пусть знают, что он здесь один и не имеет враждебных намерений.

Кровавый солнечный диск показался краешком над ближайшими барханами. Тяжелые облака, словно слитки червонного золота, повисли над пламенеющим востоком. Почти сразу Конан заметил чеканный черный силуэт лошади с всадником на вершине песчаного холма, резко выделяющийся на фоне рассвета. Повернув головы, лошадь и человек пристально всматривались в оазис — животное, почуяв близость воды, а че-

ловек в упор из-под руки смотрел на киммерийца. Затем к всаднику присоединилось еще двое верховых. Они о чем-то коротко посоветовались и, подхлестнув коней, скрылись за противоположным склоном бархана.

Конан, в напряжении ожидавший развязки этой сцены, вздохнул с облегчением и принялся раздвигать подернутые пеплом угли костра.

Их было трое — он один, если бы ему угрожала опасность, они бы непременно напали. Но кто были эти внезапно появившиеся здесь всадники, киммериец не успел рассмотреть. Это точно не его люди и вообще не зуагиры, хотя, судя по одежде, кто-то из жителей пустыни, возможно, хауранцы — тогда он мог рассчитывать на помощь.

Сейчас Конан ждал появления каравана, поскольку не сомневался, что трое верховых были разведчиками — проводниками. Но как мог забрести караван в эти гиблые, проклятые богами пески, вдали от торных обжитых путей, оставалось для киммерийца загадкой?

Он не ошибся в своих предположениях.

Сначала киммериец слышал привычные звуки, что непременно сопровождают передвижение караванов: перекличку верблюдов, тяжелое похрапывание лошадей, утомленных долгим ночным переходом, бряцание оружия и амуниции, редкие гортанные окрики погонщиков, Конан даже узнал несколько слов на шемском и хауранском языках. Затем над барханами за клубилось облако пыли и показалась голова каравана.

Впереди шел вожак стада, громадный одногорбый самец с гордо поднятой головой, широкой мощной грудью, не обремененный тяжестью поклажи. Рядом с ним суетился маленький хауранец в длинном полосатом халате. Он прыгал вокруг величественно шествующего верблюда, хлопал в ладоши и звонко покрикивал, думая, наверно, что тем самым заставляет гиганта идти, но сильно ошибался на этот счет. Вожак уже давно почувствовал близость оазиса и ускорил шаги, а вслед за ним потянулся и весь караван. Оазис — это вода, пища и долгожданный отдых, и старого опытного верблюда не надо было лишний раз подгонять.

Придерживая по бабки утопающих в песке лошадей, вперед вырвалась группа верховых, направляя коней прямо к Конану.

Киммериец поднялся им навстречу, в приветственном жесте вскинув руку, открытой ладонью наружу — в знак мира и гостеприимства. Не доезжая шагов десяти, наездники придержали коней, четверо спешили, но остальные остались в седле. Кони беспокойно переступали ногами и нервно постригивали чуткими ушами, при виде чужака. Их неудержимо тянуло к воде, но крепкие, безжалостные руки наездников удерживали их на месте. Четверо шагнули вперед, открывая ладони в ответном жесте.

Двое шемитов с резкими обветренными чертами лиц, смуглокожих и черноглазых, и двое хауранцев с обтянутыми кожей, выступающими скулами высушенных солнцем мумий, с лицами,

полуприкрытыми полотняными масками от песчаных бурь. От внимательных глаз киммерийца не ускользнула ни одна деталь: и то, что большинство воинов носили на себе следы свежих ран, усталость и скованность движений, их воспаленные покрасневшие от недосыпания глаза — все говорило о том, что они лишь недавно вышли из боя и провели всю ночь в седле.

Хотя в отряде было равное число хауранцев и шемитов, командовал караваном шемит, выступивший вперед. Он держался увереннее своих спутников и смотрел на Конана открытым изучающим взглядом, остальные лишь ждали, что скажет их командир.

— Да будут долгими твои годы, незнакомец, и пусть позаботятся боги об удаче на твоём пути, — произнес шемит на наречии жителей пустыни традиционную формулу приветствия, приняв Конана по одежде за одного из кочевников-зуагиров. — Мое имя Варух, я командир охраны этого каравана, — и вслед за этим шемит по очереди представил остальных.

Варвар порадовался в душе, так как плохо знал язык шемитов и почти не мог связно изъясняться на гортанном наречии хауранцев.

— Пусть же и твой путь будет легким. Живи сто лет, почтеннейший Варух. Меня зовут Конан, но я не зуагир, я родом из далекой Киммерии — страны, что далеко на севере Хайбории, — соблюдая все правила вежливости, учтиво ответил варвар и жестом пригласил воинов к своему коustru.

Шемит о чем-то быстро заговорил с верховыми, махнув рукой в сторону приближающегося каравана, а сам вместе с тремя своими помощниками принял любезное приглашение киммерийца. Всадники с гиканьем понеслись навстречу верблюдам.

Гости чинно расселись на кошмах напротив хозяина огня. Конан взял глиняную чашу и, наполнив ее водой из тыквенной баклаги, отпил сам и передал в руки шемита.

Он проделал это еще трижды, пока каждый из воинов не испил воды из его рук. Пили они с достоинством, маленькими глотками, словно смаковали изысканное вино, но Конан видел, как предательски дрожали их руки, принимая от него воду.

«Да, немало им пришлось натерпеться в последние дни»,— с жалостью подумал киммериец.

Затем последовало угощение, но вяленая конина не произвела на гостей впечатления, хотя каждый из них, чтобы не обидеть хозяина, сделал вид, что остался доволен. Зато сам Конан уплетал с аппетитом, которого не было у него уже несколько дней.

Наконец, с церемониальной частью было покончено и пришло время поговорить открыто.

— Да не сочтут почтеннейшие назойливостью мое любопытство. Но я был бы счастлив услышать рассказ о вашем путешествии,— первым заговорил Конан.— Как вы здесь оказались, ведь караванный путь в Туран лежит за много лиг к северу от этих мест?

— Ты прав, любезный хозяин. Мы сбились с пути из-за непогоды. Истинно, что это был гнев богов, наславших на нас ужасную песчаную бурю. Мы шесть дней шли по пескам, не ведая дороги, и только чудо привело нас в этот дивный оазис,— охотно отозвался Варух.

Его спутники согласно закивали головами.

— Прости нашу невежливость, Конан из Киммерии, но сейчас нам нужно идти и позаботиться о людях и животных,— продолжил Варух с низким поклоном.— Когда мы разобьем лагерь, приходи в мой шатер и будь нашим гостем.

— Понимаю,— Конан вежливо ответил на поклон шемита.— Надолго ли вы собираетесь остановиться в Хамре?

Гости уже поднялись и собирались уходить.

— Мои люди измотаны и истощены. Думаю дать им отдых два-три дня,— ответил Варух.— Я пришлою за тобой человека.

Шемит и его помощники ушли, не сказав больше ни слова. Конан устроился в тени финиковой пальмы и стал наблюдать, как расторопные шемиты и хауранцы разбивают лагерь.

Караван оказался большим, больше двух сотен верблюдов и сотни верховых. Их было так много, что маленький оазис едва смог всех в себя вместить. Возницы заставляли животных ложиться на землю и снимали с их натруженных спин громадные тяжелые тюки, разбивали шатры и расседывали лошадей. Все это они проделывали четко и слажено, так что на их работу было приятно смотреть.

Кто-то уже разводил костры, используя как топливо сухой лошадиный и верблюжий помет.

Небольшая группа воинов столпилась возле колодца, наполняя водой все имеющиеся в наличии емкости. Сперва люди напились сами, затем, когда животные остыли от скачки и изнурительной работы, напоили и их. Лошадей стреножили и пустили пастись на чахлой, пожелтевшей траве оазиса.

Верблюдам задали корм из запасов, привезенных с собой. Восемь человек, попарно, немного отдохнув, разъехались в пустыню по сторонам света, охранять подступы к лагерю.

Но больше всего Конана поразила старый слепой жрец, который, опираясь на плечо девочки-подростка, лишь только лагерь заперел шатрами, обошел его вокруг с пением и молитвами.

Пока он пел, шемиты с опущенными к земле головами стояли на коленях, хауранцы, уважая традиции своих спутников, на время побросали работу и молчаливой группой столпились в центре лагеря.

Такой странный обычай Конан видел впервые и никогда не слышал ни о чем подобном. При случае он решил обязательно расспросить о нем Варуха.

Когда обряд закончился, все вернулись к своим делам. Истрадавшихся животных тянуло к воде, но хауранцы-погонщики строго следили, чтобы к озеру никто из них не приближался. Над кострами установили большие котлы на медных треногах, и вскоре Конан почувствовал

щекочущий запах ароматной мясной похлебки с душистыми пряностями, отчего рот его тут же наполнился слюной.

Киммериец судорожно слотнул и потянулся к вяленой конине, но сейчас вкус ее показался ему отвратительным.

Солнце неподвижно повисло над барханами и сразу стало нестерпимо жарко, даже в тени было трудно дышать от палящего знойного воздуха. Но Конан, не двигаясь с места, сидел и терпеливо ждал. Он сидел, наблюдая, как укорачиваются отбрасываемые пальмами тени, и как неистовее переливается марево над песками.

Люди в лагере потянулись к котлам, рассаживаясь вокруг костров тесными группами. Конан заметил, как между шатров с суровым видом прошел Варух и скрылся в своей палатке.

К полудню за киммерийцем пришел человек, низко поклонился и предложил варвару проследовать за ним.

Конан с высоко поднятой головой прошел за шемитом сквозь весь лагерь, провожаемый пристальными взглядами караванщиков, и оказался в просторном шатре Варуха.

Старший поднялся ему навстречу и с любезной улыбкой предложил место рядом с собой. В шатре из сборного деревянного каркаса, обтянутого верблюжьими шкурами, было на удивление прохладно. Свежий воздух проникал сквозь открытый дверной полог и круглое отверстие под потолком. На земле лежали обычные у кочевников кошмы, а в центре красовался пестрый

туранский ковер, который заменял гостям стол на время пира.

Поджав под себя ноги, в шатре сидело четверо мужчин: помощники Варуха и слепой жрец. К своему искреннему удивлению, за одним столом с мужчинами на шелковых подушках расположилась молодая девушка-шемитка, одетая, как воин.

— Входи же, Конан, и чувствуй себя среди друзей, — подбодрил киммерийца шемит. — Позволь представить тебе моих спутников — жреца Товия и принцессу Мерову. С остальными ты уже знаком. Наш гость — Конан из Киммерии, страны, о которой я только и знаю, что она где-то очень от нас далеко.

Конан неловко поклонился слепому жрецу и девушке, и устроился по правую руку от Варуха. Присутствие женщины, пусть даже принцессы, за мужским столом немного смущало киммерийца, привыкшего к иным обычаям, бытующим у зуагиров. Девушка сидела слева от шемита, и варвар не мог ее рассмотреть, чтобы не показаться невежливым.

Принесли еду: огромное деревянное блюдо с еще дымящейся вареной бараниной, не первой свежести ячменные лепешки, горячий ароматный бульон со специями в глиняных кружках, немного овощей и фруктов и здоровенный кувшин верблюжьего молока.

— Почтенный Товий, благослови нашу пищу, — смиренно попросил Варух, приложив руку к сердцу.

Жрец, а был он человеком крепким и тучным, наверняка, любящим хорошо покушать, не заставил себя уговаривать. Возведя слепые глаза к потолку, он быстро прочитал молитву на незнакомом киммерийцу языке, провел рукой над столом, и на этом ритуал был закончен.

Все, сбросив на время свой важный вид, с аппетитом набросились на еду, орудуя руками и кинжалами. Маленькая девчушка, которую Конан и не заметил, ухаживала за слепым жрецом, впрочем, не забывая и о себе. Конан ел за троих, ничуть не стесняясь своего обжорства: принимать в своем жилище гостя с таким завидным аппетитом — большая честь для хозяев.

Наконец, все наелись и устало отвалились от стола. Хауранцы, как это у них заведено, выражая свой восторг, сыто рыгали. Под фрукты появилось легкое вино, и все удобно разлеглись на кошмах, с наслаждением потягивая прекрасный напиток.

Набитые тугие животы развязали гостям языки, и вскоре между Конаном и караванщиками завязалась непринужденная мирная беседа.

— Признаться, встретив человека в этом оазисе, Конан, мы приняли тебя за демона пустыни, — дружелюбно хохотнул Варух. — Один, здесь, за много лиг от людей. У тебя нет ни коня, не верблюда — что случилось с тобой, киммериец?

— Здесь нет тайны — конь мой пал. Я долго жил среди зуагиров, и боги были милостивы к нам, пока на селение не напали туранцы. Мы

сражались, но врагов было больше... Погибли все, остался я один. За мной гнались, и я все дальше и дальше уходил вглубь пустыни, стараясь сбить преследователей со следа. Наткнулся на этот оазис, о котором уже слышал раньше, и ждал три дня, пока не появились вы.

— Что ж ты теперь собираешься делать? — спросила принцесса по-зуагирски.

Конан жалел только, что не успел поймать ее взгляд.

— Я видел — у вас много свободных лошадей. Продайте мне пару и немного зерна, — напрямик предложил киммериец, вызвав оживление среди хауранцев и, не зная как истолковать набежавшую на лица шемитов тень.

— Обсудим позже этот вопрос, — ушел от ответа Варух.

— Это значит — нет? — Конан гордо вскинул голову и обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Если бы я сказал нет, у тебя бы не было причин повторять свой вопрос, Конан из Киммерии, — в голосе шемита варвар почувствовал железные нотки. — Ты хорошо знаешь местность?

— Я знаю пустыню на сто лиг вокруг, — правдиво ответил киммериец.

— Тогда мы вернемся к этому разговору, — пообещал Варух, смягчившись. — Где, по-твоему, сейчас могут быть те туранцы, что напали на вас?

— Они гнались за мной, но потеряли. Думаю, их отряд где-то недалеко отсюда. В дневном пе-

реходе к западу есть оазис Азмавет, оттуда начинается караванный путь в Замбулу. Не сомневаюсь — они сейчас там.

— Их много?

— Было сотни две, — просто ответил варвар.

Когда Варух перевел слова Конана хауранцам, меж караванщиками завязался оживленный разговор, и по тону проводников киммериец почувствовал их недовольство.

— Почтенный Варух, — отбросив церемонии, встрял Конан в их беседу. — Ты задал свои вопросы, позволь и мне тебя спросить.

Шемит смерил киммерийца долгим пристальным взглядом и согласно кивнул головой.

— Ты ведешь большой караван. Могу ли я узнать, откуда и куда вы идете?

— Мы вышли из Эрука и следуем в Замбулу с грузом соли, — коротко ответил шемит.

— Хороший товар. — Конан одобрительно покачал головой. — Сейчас, когда Туран готовится к войне, вендийцы запретили купцам ввозить соль в страну. Вас ждет богатая прибыль. Но ответь мне еще на один вопрос — кто напал на вас по дороге?

— Ты наблюдательный человек, Конан, — с плохо скрываемым раздражением отметил Варух, — и задаешь слишком прямые вопросы.

— Если здесь есть какой-то секрет, то прошу меня извинить. Но мудрецы говорят, что умные люди не обижаются на слова, если они идут от разума или от сердца, — с вызовом парировал киммериец.

Варух побледнел, и тяжело задышал. Даже без перевода хауранцы догадались, что происходит что-то неладное. В шатре повисло напряженное молчание.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в разговор не вмешалась принцесса:

— Варух, наш гость прав. Прости нас, Конан. Какие тут еще секреты: на нас напали разбойники, и как ни грустно — они были нашими соплеменниками, шемитами. Я удовлетворила твое любопытство? — сухо спросила Мерова.

Принцесса повернулась к киммерийцу, и варвар невольно залюбовался ею.

Смуглая кожа казалась нежнее шелка, словно солнце и ветер щадил ее, живые карие глаза алмазным блеском сверкали из-под тонких дуг бровей, очерченные линии девичьих алых губ и совершенная форма высокой груди зажгли огонь в душе киммерийца.

Конан почтительно поклонился.

— Варух, я хочу, чтобы ты немедленно извинился перед гостем за свою вспыльчивость, — строго потребовала она.

Не слишком довольный шемит, что-то неразборчиво промывал себе под нос и в знак примирения протянул киммерийцу руку. Конан пожал сухую крепкую ладонь воина.

«Очень необычно — здесь всем командует женщина! Теперь понятно, почему она в этом шатре.»

Он с самого начала не воспринимал принцессу всерьез. Ну, везут девушку, наверняка, бога-

тую невесту, чтобы выдать за какого-нибудь заморского принца — дело житейское. Но походы и войны — занятие мужчин, тем более у жителей пустыни.

— Если у тебя нет больше вопросов, Конан из Киммерии, — продолжала принцесса, — то могу ли я просить тебя рассказать нам о твоей далекой стране?

— С удовольствием, госпожа, — с готовностью откликнулся варвар. — Только накинь на себя что-нибудь потеплее.

— Это зачем? — девушка удивленно вскинула длинные ресницы. И все присутствующие с вытянутыми физиономиями застыли в ожидании ответа варвара.

— Просто, когда речь заходит о моей родине, где зимы продолжительны и суровы, а лето так скоротечно, что его почти не замечаешь, о глубоких снегах и не тающих высокогорных ледниках — людям часто становится холодно, — с учтивым поклоном пояснил киммериец.

Принцесса смущенно улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

— Такой гость — честь хозяину, — добродушно посмеиваясь, вступил в беседу слепой жрец. — Ты нас заворожил своим предисловием — каков же тогда будет рассказ?

И Конан рассказал, сам удивляясь своему красноречию, заставив слушателей с открытыми ртами ловить каждое его слово.

Так пролетел этот день, в конце которого Конан со своими нехитрыми пожитками, перебрал-

ся в шатер Варуха и стал его гостем на все время отдыха каравана.

Прошло три дня. Люди отдохнули, повеселели. Конан все еще ждал своих зуагиров, но с каждым днем надежды его таяли и таяли. Он бездельничал, досыта ел и не тяготился положением гостя. Вечерние беседы в шатре Варуха всегда собирали известное по первой встрече общество и скрашивали его скуку.

Он ладил с караванщиками, заводил с ними разговоры, пытался расспрашивать, но на большинство его вопросов шемиты и хауранцы лишь виновато улыбались и вежливо уклонялись от ответов.

Немало времени Конан проводил со слепым жрецом и принцессой, и с момента первого знакомства даже усилил их впечатление о себе.

Мерова нравилась киммерийцу — смуглая, чернокошая, с огромными карими глазами дикой серны, стройная с изящной походкой, что даже мужской костюм не мог скрыть всех ее женских прелестей. Живая, умная и любознательная — хотя на людях всегда строгая и рассудительная. Ее тянуло к киммерийцу, но девушка боялась открыто показывать свои чувства.

Лишь одно казалось Конану необычным — фанатичная набожность караванщиков. Каждый день начинался с молитвы и ей же заканчивался. Шемиты собирались все вместе, падали на колени и Товий своим густым сочным голосом распевал гимны над их непокрытыми головами, благословляя на дневные труды. А каждый ве-

чер в честь неизвестного божества — Конану не удалось выяснить, кому поклоняются эти люди, — приносились жертвы на ритуальном костре и пелись благодарственные гимны за еще один подаренный день.

Как-то Конан выразил свое желание присутствовать на утренней службе, но Товий строго воспротивился, объяснив, что их бог запрещает посвящать в таинство обряда иповерцев.

Солнце уже клонилось к закату. Киммериец сидел на берегу озера и пытался соскоблить щетину отточенным, как бритва, лезвием меча.

Вдруг с северной стороны, нещадно нахлестывая лошадей и что-то еще издали крича, показали двое разведчиков. Люди бросали свои дела, выскакивали из шатров и замирали в суровом молчании, ожидая их приближения.

Вскоре все разъяснилось — большой конный отряд туранцев на рысях шел в сторону оазиса.

Караванщики бросились за оружием, и лагерь превратился в базарную площадь.

Шем находился в состоянии мира с владыкой Турана, но жители пустыни не доверяли Илди-зу. Конные отряды туранцев нередко совершали глубокие рейды в эти погибельные места, и при случае не брезговали разбоем на караванных путях. Да кто осудит победителя, если о нем будет некому рассказать. Пустыня быстро уничтожит все следы.

Люди спешно седлали лошадей и загоняли недовольных верблюдов внутрь лагеря. Слепой жрец, Мерова и Варух стояли у центрального

шатра, шемит резким криком отдавал приказы, которые караванщики выполняли с невероятной быстротой. Двадцать верховых хауранцев ушли на восток и скрылись в барханах. Конан встал и широким шагом направился к ним.

— Собираетесь драться с туранцами? — спросил он.

— Нет. Просто мы принимаем меры предосторожности, — ответил шемит, стараясь не встретиться с ним взглядом. — Сперва узнаем, что им нужно.

— Не сомневаюсь — они ищут меня. — Варух и принцесса старательно отводили глаза, и только Товий смотрел в сторону киммерийца безучастным взглядом.

Конан догадался, что его ждет, если туранцы потребуют его выдачи. Законы гостеприимства тоже имеют свои границы.

— Дайте мне коня и я исчезну...

— Нет. Это ничего не изменит. Мне жаль, Конан, — Варух решился заглянуть в глубину его льдистых глаз и с облегчением вздохнул, встретив спокойный беззлобный взгляд варвара. — Ты должен нас понять...

— Я понимаю.

— С тобой будут наши молитвы, хоть это и слабое для тебя утешение, — вставил жрец, с сожалением покачав головой.

Конан невесело усмехнулся.

— Не вмешивайтесь, когда это начнется.

Ответом ему было молчание.

Но судьба распорядилась по иному.

Колонна туранцев — около сотни верховых, словно серебристая змейка, переливаясь на солнце начищенной сталью доспехов, показалась из-за барханов. Их командир, ехавший впереди, заметил оазис и лагерь, расположившийся в нем. Он поднял руку, и колонна послушно замерла. Тут же от отряда отделились десятники и направили лошадей к голове колонны. Недолго длился их совет.

Десятники вернулись к своим людям, резкий взмах руки старшего начальника, и конница рассыпалась по равнине, точно ожившая вода, охватив оазис широким железным полукольцом.

Сначала всадники пустили коней шагом, но постепенно перешли на рысь и, наконец, расстелились по пескам в неудержимом галопе, опустив копыта с тонкими жалами наконечников.

Знаменитые на всю Хайборию луки оставались в чехлах, притороченных к седлам — зачем портить товар и рисковать жизнью вьючных животных.

Шемиты с мрачными лицами спокойно наблюдали за приближением конной лавины. Они рассредоточились по периметру лагеря, прячась за шатрами и ничего не подозревающими верблюдами.

Глаза их светились холодной решимостью. Руки привычно накладывали стрелы на тетивы, будто караванщики не ведали другого ремесла, кроме воинского.

Варух, принцесса и Товий ушли к своим людям. Киммериец в одиночестве остался стоять в

центре лагеря. Противоречивые чувства боролись в его душе.

«Вскочить на коня и бежать — никто меня не осудит,— думал он.— Но украсть лошадь у людей, которые были ко мне добры? Нет! Что с того, что они могли выдать меня, на их месте я поступил бы также...»

Он знал, что не сможет остаться в стороне от общей драки.

Конан с презрением посмотрел на грозную с виду конницу туранцев и посмеялся в душе.

«О чем только думает их командир? Любый мальчишка знает, что лошади не переносят дух верблюдов. На что же они рассчитывают?»

Киммериец окинул лагерь взглядом опытного воина — подступы надежно защищены, только с правой руки, где хауранцы держали своих лошадей, оставался свободный проход. Именно туда Конан направил свои шаги.

Случилось все так, как и предполагал варвар. Кони туранцев почувствовали верблюжий запах и заупрямились, не желая повиноваться своим седокам. И в этот момент их накрыло волной шемитских стрел. Несколько человек и животных свалилось на горячий песок. Но прочные доспехи надежно защищали всадников, а их мастерство наездников, поражало даже искушенных в этом деле знатоков.

Сотник тут же понял свою ошибку. Над молчаливой пустыней завибрировал высокий звук сигнального рога. Лавина конницы послушно развернулась и пошла по кругу, огибая лагерь с

двух сторон. Резко щелкали луки шемитов, но слишком редко их каленые стрелы находили лазейку в стальных туранских доспехах, и каждый удачный выстрел приветствовался караванщиками радостными криками.

Безразличные к человеческим забавам верблюды почувствовали близкий запах крови и сперва лишь тревожно вертели головами, но уже скоро заволновались серьезно. Туранцы подняли невообразимый гвалт, их вопли пугали ничего не понимающих животных. Верблюды во главе с вожаком предприняли попытку уйти подальше от такого шумного соседства, и шемитам лишь с превеликим трудом удалось удержать их на месте. В обороне лагеря появились провалы, куда незамедлительно хлынули потоки стальной туранской конницы.

В этот момент первые всадники достигли прохода, где занял место Конан и резко развернули коней в его сторону. Варвар без тени страха встал на их пути, пытаясь заглянуть в глаза несущемуся прямо на него туранцу. Он не спеша достал свой меч и отвел клинок за правое плечо для удара.

Расстояние между ним и противником стремительно сокращалось. Всадник с лошастью казались слившимся воедино громадным чудовищем, длинный зазубренный наконечник копья злое еще покачивался в такт безудержному галопу, на уровне груди киммерийца.

И вот уже их разделяет только миг — миг между жизнью и смертью. Канан не стал его

ждать — удача улыбается тому, кто сам берет судьбу за горло.

Он упал на одно колено, ускользая из-под удара, и рубанул лошадь по ногам. Благородное животное с отчаянным ржанием перевернулось через голову вместе с седоком, чуть не задев копытом киммерийца, и с хрустом ломающихся костей рухнуло на песок, подминая всадника под себя. Второй туранец был вырван из седла, нанизанный на меч киммерийца, словно баран на вертел. Еще бившаяся в агонии лошадь и заминка, вызванная гибелью второго воина, заставила остальных нападающих попридержаться скакунов.

Туранцы сгрудились в проходе беспорядочной толпой, сляясь обуздать разгоряченных скачкой, закруживших на месте коней.

Конан выиграл несколько мгновений и получил преимущество для атаки. Он рубил, как заправский мясник, разя врагов в незащищенные спины, не обращая внимания на глубокие царапины, оставляемые на его теле копьями всадников. Просторные белоснежные одежды варвара стали пурпурными от пролитой крови, своей и чужой. В один миг проход оказался завален грудой человеческих и конских тел, казавшейся огромным клубком сцепившихся змей.

Стонущие раненые пытались отползти в сторону и попадали под копыта обезумевших животных. Хриплое конское ржание, человеческий вой, звон стали и причитания раненых, слились в одну ужасную мелодию, сладостную для слуха

варвара. Эта музыка битвы — древняя как сам человеческий мир — пьянила киммерийца сильнее лучших аквилонских вин. И, не осознавая того, он подпевал ей на родном языке.

Киммериец издал боевой клич, и от крика варвара, содрогнулись грозные раскаленные барханы, испуганно прянули прочь обезумевшие кони, унося потерявших над ними контроль седоков.

Конан остался один посреди десятка изрубленных конских и человеческих тел. Если бы только у него был конь — он, не задумываясь, пустился бы в погоню за врагом. Кровь бешено колотилась в висках киммерийца, шум битвы все еще стоял у него в ушах, но вот, постепенно, в сознание варвара стали проникать и другие звуки — бой еще не закончен, хотя свою часть Конан выиграл.

Шемиты дрались с волчьей яростью: только смерть могла вырвать их из боя. С огромным трудом и потерями туранцам удалось прорвать их оборону в нескольких местах и ворваться внутрь лагеря. Десятка полтора всадников носилось между шатров в погоне за ищущими спасения людьми. Но большая часть шемитов стойко удерживала свои позиции, хоть и истекала кровью.

Конан поднял обрубок копья и бросил в ближайшего туранца. Наконечник пробил шею воина и всадник, широко раскинув руки, неуклюже повалился на круп лошади, а киммериец уже подбирался к следующему.

В сплошном кольце врагов отчаянно бились Варух и принцесса во главе небольшого отряда шемитов. Вокруг них вырос настоящий вал из мертвых тел. Лицо караванщика пересекал длинный шрам, и кровь заливала ему глаза, но руки все еще крепко сжимали два меча, без устали разящие своих врагов. Мерова, словно тигрица, защищающая тигрят, с тонким изогнутым немедийским клинком, уже вкусившим туранской крови, прикрывала спину шемита.

Конан сделал всего шаг в их сторону, но внезапно замер, услышав знакомое пение Товия. Громкий чистый голос жреца рвался к лазурному своду небес, перекрывая все другие звуки.

Он стоял возле входа в свою палатку и голыми руками душил туранского десятника, тщетно пытающегося вырваться из медвежьих лап жреца. У ног сцепившихся бойцов лежало бездыханное окровавленное тело девочки, присматривавшей за старым Товием.

На помощь своему командиру бросилось сразу трое спешившихся туранцев, и быть бы тому изрубленным на куски, если бы не Конан. Он так внезапно появился перед ними, что двое умерли раньше, чем успели заметить своего нового противника.

Третий громко закричал, призывая кого-нибудь на подмогу, и смело бросился на киммерийца. Мечником он оказался ни на что негодным — сила туранцев в конном строю.

Конан свалил его парой ударов и оглянулся по сторонам в поисках врагов.

И тут с диким гиканьем в оазис ворвалась орда хауранцев, ударив неожиданно по рассеявшимся по всему лагерю и уже предвкушающим победу туранцам. Слишком поздно взревел рог, собирая под командирским значком занятых грабежом солдат.

В следующий миг сигнальщик упал, захлебываясь собственной кровью. В один момент победа туранцев стала их полным разгромом.

Со смертью сотника битва превратилась в жестокую бойню, где туранцам отводилась роль жертвенного скота.

Ни один из них не ушел живым с поля боя.

Шемиты были угрюмы и далеки от мысли ликовать по поводу победы — их осталось так мало. Пока караванщики занимались своими ранеными, хауранцы развлекались грабежом.

С серьезным, деловитым видом они, как трудолюбивые пчелы, переходили от тела к телу, если надо, то добивая раненых туранцев коротким ударом кинжала по горлу, и раздевали трупы почти догола.

За добрые туранские доспехи всегда можно получить хорошую цену. Они обрезали большие пальцы рук своих врагов, нанизывая их, словно бусы, на длинные нити — свидетельство их воинской доблести.

Шемиты отводили взгляды, но с терпением относились к дикарским обычаям своих союзников. Немногочисленных раненых соплеменников, если те не могли подняться на ноги, хауранцы добивали с тем же холодным равнодушием.

— Ты жив, киммериец? — Конан медленно повернулся на голос Товия. — Благодарю, ты спас мне жизнь.

— Как ты узнал, жрец, что это я? — хрипло спросил его варвар.

Старый Товий печально улыбнулся.

— Ты что-то кричал на своем языке.

Конан кивнул, теряя к разговору интерес, заметив приближение Варуха и принцессы в окружении нескольких воинов.

— Ты храбрый человек, Конан, — отплевываясь кровью, сказал шемит. — Я видел, как ты дрался... там, один. — Он неопределенно махнул рукой. — Возьми любых трех лошадей, Конан из Киммерии, и зерна, сколько смогут они унести. Чем еще мы можем тебя отблагодарить?

— Этого будет достаточно, — коротко ответил варвар.

— Куда ты отправишься, Конан? — спросила Мерова, и голос девушки предательски дрогнул.

— Пока еще сам не знаю... Сперва доберусь до ближайшего селения зуагиров, а там будет видно.

Принцесса и Варух многозначительно переглянулись.

— Ты мог бы пойти с нами, Конан. Помоги нам доставить груз в Замбулу. Клянусь, мы не пожалеем золота, чтоб расплатиться с тобой. Нас осталось так мало, а впереди еще столько опасных переходов. На счету каждый меч, но о таком великом воине, как ты, мы не смели бы даже мечтать.

Конан серьезно задумался над предложением шемита, взвешивая все за и против.

«Сейчас меня по всей пустыне ищут туранцы и будут искать еще долго. А меньше всего, где меня могут ждать — это в Замбуле. Отличная мысль!»

— Если ты согласишься, Конан, то кроме золота я смогла бы добавить и кое-что от себя... — вставила Мерова с загадочной улыбкой.

«Звучит многообещающе», — ухмыльнулся про себя киммериец.

— Хорошо, вы можете рассчитывать на мой меч, — ответил он.

— Рад, что ты с нами, Конан. — Варух протянул руку, и варвар крепко сжал ладонь шемита, под одобрительный гомон караванщиков.

Стервятники сидели поодаль на барханах, и нетерпеливый вид хищников, никак не вязался с низкими свинцовыми облаками. Убитых вывели в пустыню — пройдет совсем немного времени, и пески надежно спрячут их тела, об остальном позаботятся солнце и ветер.

Эту ночь и последующие Конан провел в шатре принцессы, тайно проникая туда под покровом темноты.

Два дня таинственная улыбка не сходила с лица киммерийца, на что Варух неодобрительно что-то ворчал и не спускал с варвара подозрительных глаз, но, несмотря на все старания, поймать Конана с поличным так и не смог.

Два дня ушло на сборы и заживление ран. Но вот, наконец, караван смог выступить, и

длинная цепочка верблюдов еще задолго до рассвета потянулась из оазиса.

Рассвет застал их в пути, когда уже скрылись из виду сиротливые силуэты стройных пальм. Удивительно чистое высокое небо излучало сухой нестерпимый зной. Солнце отражалось от раскаленных белых песков и слепило глаза. Рассеявшаяся к полудню облачность над горизонтом открыла вид на бескрайнее море пустыни, где край земли сливался с небосводом через зыбкое, постоянно меняющее форму и потому обманчивое, призрачное море.

Огромные волны барханов, словно океанские валы, накатывались друг на друга и мерно дышали раскаленным жаром, обжигаящим ноги даже сквозь подошвы сапог. Люди укрывали от палящих лучей солнца лица, так что из-под масок сверкали лишь одни глаза, и смазывали руки верблюжьим жиром, иначе кожа в два счета покрывалась ожогами. От нестерпимой жары лошади нервничали и не желали повиноваться. Только верблюды, равнодушные к зною, покорно брели за вожакom и с бесстрастными мордами пережевывали свою жвачку.

Работы было много, а людей не хватало. Из всего отряда шемитов осталось меньше половины. Нескольких тяжело раненых привязали к седлам и вели их лошадей в поводу. На первом же переходе одного из них потеряли, и хмурые шемиты унесли тело в пустыню, проститься со своим соплеменником. Хауранцы, вышедшие из битвы почти без потерь, были заняты разведкой

и поиском торных дорог, надолго исчезая в песках и появлялись только в случае важного сообщения.

Конан нашел свое место среди разведчиков. Он немного знал эту часть пустыни и точно помнил, что если идти строго на восток, они должны достигнуть караванного пути, где есть колодцы и пригодные для стоянок места.

Хауранцы хотя и честно выполняли свою долю работы, с некоторым презрением относились к шемитам. Киммерийца они сразу приняли за равного, уважая его как воина и благородного по их диким понятиям человека. Вековая вражда с зуагирами ограничивалась у них взаимной резней и набегами, но никогда не перерастала в продолжительные войны.

Они умели ценить мужество и храбрость своих врагов, к тому же Конан не был зуагиром, хотя и жил среди них. Варвар с благодарностью принял дружбу хауранских вождей и сразу стал одним из них. Ходить в глубокие рейды в пустыню было приятней его свободолюбивой натуре, чем скучная размеренная жизнь среди погонщиков и верблюдов. Немного огорчали разлуки с принцессой, но тем приятнее случались их встречи.

Тропу разведчики обнаружили вечером, когда уже померкло на западе полыхающее огненное зарево, сбежали краски с низких облаков и небо стало фиолетовым в преддверии ночи. Ноги тысяч и тысяч людей, лошадей и верблюдов за века утоптали песок, превратив его в грубый

наст, будто неведомые строители специально пробили дорогу среди гордых барханов.

Неправильными темными пятнами на фоне белых песков пустыни выделялись участки с чахлой растительностью, свидетельствующие о близости воды. Толстые и тонкие, уродливо кривые ветви верблюжьей колючки лежали прямо на земле, и только желтизна коры отличала живые растения от пепельно-серых погибших собратьев.

Через пару-другую сотен шагов нашли и колодец — то была обложенная грубым камнем яма, заботливо прикрытая деревянной крышкой, обитой выцветшей на солнце кожей. Рядом на длинной волосяной веревке валялось кожаное ведро, полузасыпанное песком.

Отправили двух человек поторопить караван и сообщить Варуху о богатой находке. Дорога позволит им двигаться втрое быстрее и избавит от долгих и изнурительных поисков воды. Хауранцы оживленно болтали и с наслаждением пили немного солоноватую теплую воду. Караван пришел лишь в середине ночи. Конан даже не догадывался, что они так далеко оторвались вперед.

Если бы на него напали разбойники, им было бы чем поживиться. Человек тридцать шемитов и столько же хауранцев-погонщиков, и тех немногих разведчиков, что без усталости кружили вокруг каравана, предупреждая любые опасности, едва ли могли представлять собой серьезную силу.

Но теперь, когда найдена дорога им больше нет нужды разделяться.

На пятый день пути их нагнала разбойничья шайка шемитов и попыталась отбить товар. Это случилось во время перехода, и прежде чем удалось собрать всех людей, разбойники успели зарезать несколько десятков верблюдов и перебить погонщиков, находившихся с ними. Летучий отряд конных хауранцев, с которым был и Конан, обрушился на них во время бойни. Бой был короточен и дорого стоил обеим сторонам. Киммериец дрался в первых рядах и во многом благодаря ему караванщикам досталась победа. Ни с чем разбойники убрались в пустыню, ушли не спеша и гордясь собой, выкрикивая проклятия и угрозы, ведь все равно их никто не преследовал. Поклажу с погибших животных распределили по оставшимся верблюдам, и караван продолжил свой путь.

Очень скоро выяснилось, что разбойники повисли на хвосте каравана и, словно стая голодных волков, идущая за обессиленной антилопой, шли по их следу.

Все предпринятые Варухом попытки отогнать их прочь не увенчались успехом. Негодяи избегали вступать в честный бой и прятались в барханах, но всякий раз возвращались и продолжали преследование. Несколькими днями позже к ним присоединилась еще одна шайка, более многочисленная, и ночью они вновь атаковали лагерь караванщиков. На этот раз шемиты приготовились к бою и встретили разбойников градом

стрел. Нападение отбили, но аппетит бандитов от этого не убавился.

Конан с двумя хауранцами выехал на вершину бархана и сразу увидел разбойничий отряд.

— Клянусь всей водой в пустыне, их стало еще больше! — удивленно воскликнул киммериец.

— Ты прав, Конан,— встревоженно отозвался один из его товарищей.— Надо уходить, они нас заметили.

От огромного отряда бандитов, примерно в двести сабель, с сотнями сменных лошадей, отделилась группа всадников и с гиканьем помчалась к разведчикам. Еще несколько мгновений Конан наблюдал за приближающимися разбойниками, а потом подхлестнув коней, разведчики пустили их в галоп по мертвой пустыне, не обращая внимания на усилившуюся жару.

К вечеру, когда спал дневной зной и караван готовился встать на ночевку их снова атаковали. И лишь благодаря самоотверженности шемитов и храбрости хауранцев грабителей удалось отбросить. Но этот бой стал началом гибели каравана на его кровавом пути.

Разбойники пошли на крайние меры. Разделившись, они продолжали терзать набегами караван, довольствуясь короткими стычками. Второй отряд ушел вперед и отравил источники воды на расстоянии трех дней пути — неслыханное и самое ужасное преступление, по мнению жителей пустыни. Такими подлыми способами ведут войны только захватчики, и нередко сами

становятся жертвами своей недалекости. На долю караванщиков выпали тяжкие испытания.

Конан еще после первой же схватки с разбойниками глубоко задумался над случившимся. Он никогда не слышал о шемитских шайках, никогда не слышал о том, чтобы шемиты с такой яростью дрались друг с другом. И то, с каким упорством преследовали они караван, отравленные колодцы, наконец,— все наводило варвара на странные мысли.

Поведение преследователей удивляло и беспокоило киммерийца. Грабители не старались захватить добычу, они пытались уничтожить караван, остановить любой ценой, не дать уйти... Нет, это не простые разбойники! Но кто же тогда?

Он пробовал делиться своими мыслями с Варухом и Меровой, но ничего нового от них не узнал. Однако вряд ли киммериец дожил бы до своих лет, если бы жизнь не научила его разбираться в людях. Шемит не слишком умело скрывал свою озабоченность, посмеивался над подозрениями варвара и всякий раз уводил разговор в сторону, а женский арсенал принцессы был так богат и разнообразен... Против нежности и ласк Конан не возражал, но неотвязное беспокойство покидало варвара лишь на время.

Варух дал приказ оставить торный путь, и караван, повернув на юго-восток, углубился в пустыню. Конан считал это настоящим безумием, но к великому удивлению киммерийца, оказалось, что шемиты хорошо знают дорогу и все источ-

ники воды наперечет, чего нельзя было сказать о преследователях. Для них этот маневр явился полной неожиданностью. Постоянные набеги на караван стали реже, целыми днями разбойники рыскали по пустыне в поисках воды. Но эти редкие атаки становились все продолжительнее, яростней и кровопролитнее. Человеческих рук не хватало ни для ухода за животными, ни для того чтобы держать мечи и луки. Все устали и просто валились с ног, и даже верные своему слову хауранцы открыто начали роптать.

Чем дальше уходил караван, тем яснее становилось варвару, что идут они вовсе не в Туран и тем более не в Замбулу. Даже вынужденно, ни один человек, будучи в здравом рассудке, не стал бы давать такой крюк. Там впереди были горы — такие далекие и гиблые места, что люди боялись говорить о них вслух. Но не это беспокоило киммерийца. Он чувствовал, что шемиты что-то скрывают, и упорно не хотят выдавать своих тайн. Конан был не из тех, кто любит совать нос в чужие секреты, но не мог терпеть лжи, ложь — первый шаг на пути к предательству. Конечно, тяжелая седельная сумка, набитая доверху мелодично звенящим серебром, весьма веский довод в пользу того, чтобы держать язык за зубами, но быть куклой в чужих руках, киммериец не привык. В конце концов, он каждый день рискует своей жизнью, а это дает ему право знать правду!

Разбойники напали под утро. Выкатившееся из-за барханов солнце било защитникам лагеря

прямо в глаза, и не давало вести прицельную стрельбу. В дело пошли мечи и кинжалы. Кажется, бандиты бросили на караван все свои силы. Их было так много, что в один миг они захлестнули весь лагерь, и вся оборона шемитов распалась на отдельные участки ожесточенного сопротивления.

Люди с самозабвением резали друг друга на куски. Тысячелетняя пустыня со страхом внимала ревущему шуму битвы, который распугал всех змей и скорпионов на много лиг вокруг. Горячие белые пески покраснели от изобилия пролитой крови.

Караванщики дрались отчаянно и умирали один за другим, под натиском превосходящего их противника. Даже лошади заразились безумием людей, кусая и давя копытами всех, кто только попадался у них на пути, не разбирая своих и чужих.

Конан тоже рубил и колот, пока вдруг неожиданно не остался совсем один среди стонущих изувеченных людей, корчащихся на песке. Он издал свой боевой клич, и вызов был услышан. От ближайшей группы намертво сцепившихся воинов отделился огромный шемит в разодранном халате и с громким криком бросился на киммерийца. Глаза разбойника налились кровью, изо рта текла пена и падала ему на голую грудь, разорванные полы халата, словно крылья, развились за его широкой спиной.

Варвар отступил в сторону и нанес рубящий удар в незащищенный живот шемита. С захле-

бывающимся стоном разбойник перелетел через меч и неподвижно рухнул у ног киммерийца.

Следующих двоих Конан просто скосил, как траву, и замер с поднятым над головой окровавленным мечом, готовый отразить новую атаку.

Но охотников помериться с варваром силой больше не нашлось.

К великому изумлению и разочарованию киммерийца бандиты спешно отступали.

Они так торопились спастись, что готовы были бежать пешком, забыв о лошадях, которых во множестве бродило по разоренному лагерю. Но их никто не собирался преследовать, даже воинственные хауранцы. Немногие оставшиеся в живых защитники просто попадали на песок от усталости и бесчисленных ран.

Конан увидел Мерову, склонившуюся над окровавленным телом Варуха и поспешил к ним.

— Жив? — еще издали спросил варвар.

Варух с трудом приоткрыл один глаз и посмотрел на киммерийца, вторая половина лица была превращена в ужасное месиво. Шемит счастливо улыбался.

В это время призывно запел Товий, собирая верующих на утреннюю молитву. Шатаясь, превратившиеся в тени люди, потянулись к жрецу. Четверо подняли Варуха на руки и понесли с собой.

С ними ушла и принцесса, лишь раз оглянувшись на Конана через плечо.

Хауранцы тоже зашевелились и занялись привычным грабежом. Они не резали больше боль-

ших пальцев с рук убитых врагов, на шнурках уже не оставалось свободного места.

Киммериец подошел к сваленным в кучу тюкам с товаром. Здесь битва кипела с особой силой, тела павших громоздились друг на друга стеной. Конан видел с какой лютой ненавистью дрались за мешки разбойники и с каким упорством защищали свой груз караванщики, преимущественно шемиты. Варвар долго смотрел на тюки и, наконец, решился.

Коротко блеснул меч, и сталь распоролла холщовую ткань вместе с опутавшими тук веревками. Из рваной прорехи хлынул серым потоком песок.

Конан подставил под струю раскрытую ладонь и, набрав целую пригоршню серого вещества, поднес его поближе к глазам. То, что это была не соль, варвар увидел сразу.

«О, Кром! Да это же обычная земля!»

Варвар был озадачен. Глубоко задумавшись, он медленно перевернул ладонь и, словно замороженный, смотрел, как тонкая струйка серого праха смешивалась с горячим песком, мотнул головой и решительно направился к шатру Варуха.

Пришлось немного подождать, пока не закончился молебен. Шемиты унесли вождя в его палатку, туда же ушла принцесса. Остальные расселись на корточках у входа и стали ждать.

— Конан? — Варвар и не заметил проходившего мимо Товия. Его всегда удивляло, как слепой жрец безошибочно узнавал всех по именам.

— Да, это я,— нетерпеливо буркнул он в ответ.

— Ты, кажется, чем-то встревожен? Хочешь поговорить с Варухом? — участливо спросил Товий.— Боюсь, это сейчас невозможно... Могу ли я его заменить?

— Можешь,— тут же накинулся на него варвар.— Что за дрянь вы везете в тюках? Это вовсе не соль.

— Как ты об этом узнал?! — заволновался жрец.

— Я распорол один из них и ...

— Умоляю, потише! — Товий на ощупь нашел руку варвара и крепко сжал.— Не дай создатель, чтоб кто-нибудь тебя услышал. Пойдем в мою палатку и там поговорим.

Заговорщический тон жреца насторожил киммерийца и разбудил любопытство. Они прошли к шатру слепого. Жрец пропустил киммерийца вперед и плотно задернул за собой полог.

— Присаживайся, Конан... Раз уж ты впутался в это дело, я расскажу тебе все. Ох, лучше бы ты этого не делал.— Товий сокрушенно покачал головой, устраиваясь рядом с варваром. Они немного помолчали.— Все это связано с нашим богом Таримом, пророком огненного Эрлика,— повел Товий рассказ.— Далеко на севере Шема был когда-то красивый и богатый город Левис, жители которого поклонялись Тариму и славили его имя в прекрасных храмах. Но правитель Шема считал эту веру ложной и приказал отречься нам от своего бога. С огромной армией он подступил

к стенам города и осадил его. Я говорю мы, ибо сам был свидетель тех событий. Фанатичная вера левисцев в силу и мудрость Тарима погубила нас всех. Город исчез в огне, солдаты разграбили храмы, но не смогли найти нашей главной святыни — усыпальницы Тарима, что спрятана глубоко под землей. И тогда захватчики-изуверы ослепили всех оставшихся в живых жрецов, чтобы и они никогда не нашли дорогу в святилище. И я был в числе тех несчастных. Наместник Айя погиб, храбро сражаясь за город. Его жена Раав с остатками верных людей, среди которых были женщины и дети, увела всех в пустыню. Мы долго скитались в песках, умирали от жажды и полученных ран, и только вера помогла людям выжить. В горах мы набрали на дивную долину и построили там новый город, которому дали прежнее имя. Раав стала первой нашей королевой, Мерова, кстати, ее дочь. Воздвигли храм, но чтобы Тарим обрел былую мощь и силу, нужна была священная земля из его усыпальницы. К тому времени я остался единственным служителем старого культа, и когда мне предложили принять участие в этом походе, чтобы отыскать дорогу в подземелье, то прежде чем согласиться, очень долго думал.

— Но все-таки пошел! — восхитился Конан.

— Пошел, а разве я мог отказаться,— вздыхая, подтвердил жрец.— Ты сам видел, с каким мужеством сражаются наши люди. Я пошел ради них, ради их веры... Нас было более трехсот, а сейчас осталось чуть больше десятка. Весь путь

каравана устлан телами погибших левисцев, и мы вынуждены драться со своими же соплеменниками.

— Я не ослышался? Ты сказал, что пошел ради веры этих людей? — Конан кивнул в сторону входа, забыв, что говорит со слепым. — Но разве она такая же и не твоя? Ведь ты жрец Тарима?

— Ты умный человек, Конан из Киммерии, и задаешь правильные вопросы. Да, ты не ослышался. Это была моя вера, до тех пор, пока мой бог нас не предал. Они мечтают возродить его силу, но где она была, когда захватчики грабили город, резали беззащитных людей и жгли его храмы. Почему он не вмешался, не встал на нашу защиту? Один мудрец поведал мне, будто, на самом деле, Тарим вовсе не был божеством, но просто святым человеком, пророком Эрлика, и никогда не требовал кровавых жертв. И только мои соплеменники обожествили его. Может статься, под именем Тарима, они ныне поклоняются какому-то демону. Или же их Тарим — попросту жалкий идол.

Внезапно снаружи налетел крутящийся песчаный вихрь, откинул полог шатра и унесся, завывая, в пустыню. Жрец поспешно нарисовал перед входом таинственный знак и снова заговорил, понизив голос до шепота:

— Мой совет тебе, Конан, беги отсюда. Беги, пока еще есть возможность. Мы все умрем в этой пустыне. Тарим будет только доволен новой жертвой. Ты достаточно уже сделал для нас.

— Значит в мешках земля из усыпальницы бога? — спросил киммериец, пропуская последние слова жреца мимо ушей.

— Да, — согласился Товий. — Был ли услышан мой совет?

— Я слышал его, жрец. Но данное мной слово, моя честь? Мне было заплачено вперед, а я привык доводить дела до конца. Ты советуешь предать людей, что честно поступили со мной и были добры?

— Упрямец! — воскликнул Товий. — Бери же свои деньги — ты их заслужил. Спасай жизнь, Конан, если она тебе хоть капельку дорога.

Снаружи послышались быстрые шаги, и в шатер, не спрашивая разрешения, вошла Мерова.

— Варух покинул нас, — бесцветным голосом объявила она с порога. — Тарим взял его душу...

Но тут девушка увидела киммерийца, и глаза ее удивленно расширились.

— Конан? Что вы здесь делаете? — обратилась она к жрецу, на лице ее явственно проступили испуг и досада.

Усталость и напряжение последних дней, как бы разом обрушились на нее и превратили в маленькую беззащитную девчонку, нуждающуюся в помощи и опеке. Непомерное напряжение и тяготы похода истощили ее силы. Конан смотрел на нее и видел только тень от человека, которого еще недавно он любил и уважал за мужество и твердость духа. Она казалась вся полупрозрачной, отсутствующий взгляд беспечно блуждал по шатру.

— Не бойся, госпожа моя, я рассказал ему о нас и нашей вере, — успокоил ее Товий. — Конан нам друг. И будет верен данному им слову.

Слова жреца вернули ее к жизни. Принцесса долго и с недоверием вглядывалась в глаза киммерийца, словно пыталась заглянуть ему в душу. Варвар не отвел взгляда и честно выиграл поединок. Девушка тяжело вздохнула, как бы смирившись с непоправимым и присела напротив мужчин.

— Прости, Конан, но наша вера вне закона в Шеме. Мы вынуждены скрываться. Я верно поняла, что ты не намерен бросать нас в беде?

— Так поступил бы всякий честный человек, — с достоинством ответил киммериец. — Мой долг — довести караван до цели.

Принцесса с благодарностью улыбнулась ему грустными глазами.

— Я так устала, особенно сейчас, когда погиб Варух, — призналась она, но неожиданно глаза девушки полыхнули огнем, преобразив ее в ту самую Мерову, которой восхищался варвар. — Послушай, Конан, ты лучший воин из всех, кого я когда-либо знала. Тебя уважают наши люди и хауранцы, прими командование над караваном, стань нашим вождем. Все пойдут за тобой.

— Прекрасный выбор, госпожа, — подал голос Товий. — Конан, в самом деле, лучше тебя с этим делом никто не справится.

Киммериец, не ожидавший такого поворота в разговоре, слегка растерялся. Но долго думать он не мог, от него ждали немедленного ответа.

А эти черные глаза, смотревшие на него с немой мольбою...

— Ты можешь рассчитывать на меня, госпожа. — Варвар слегка поклонился, тут же встал и покинул шатер.

Через миг снаружи раздался его громкий голос, отдающий первые распоряжения.

Киммериец со свойственной ему предусмотрительностью взялся за неотложные дела, главным из которых, как он считал, было избавиться от преследователей.

Вызвав к себе проводников, Конан подробно расспросил их обо всех колодцах, впереди по маршруту. Затем он приказал шить меха, много новых мехов для воды и готовить караван к походу, намереваясь выступить уже сегодня.

На военном совете он изложил план, который возник у него в голове. Суть его казалась очень проста, но, в случае удачи, обещала караванщикам избавление от бед, связанных с их гонителями.

Увеличив запас воды, достаточный для двух-трех дней, за счет свободных лошадей, Конан намеревался сделать крюк по самым безводным местам, где нет ни источников, ни родников.

Преследователям придется искать воду, а это расстояния, равные нескольким дневным переходам, либо они попытаются отобрать ее у каравана. Вопрос в том, хватит ли у них для этого сил?

Как раз это Конан и собирался выяснить. Ночью они выступают, с караваном пойдет не бо-

лее десяти человек. Он с остальными воинами навестит лагерь шемитов.

— Но это же безумие! — возразил один из левисцев, заменивший погибшего помощника Варуха.

— Возможно, да. Но этого от нас они не ждут. Разбойники привыкли к роли охотника, считая нас беспомощной дичью. Пришла пора и нам показать свои когти.

— Бесспорно, риск велик. Но я согласна с командиром, — поддержала киммерийца принцесса. — Удивительно, что Варух, такой опытный воин не догадался о столь простом решении раньше, когда нас было в три раза больше.

— Он, несомненно, поступил бы так, — заступился Конан за своего предшественника. — Но вынужден был ждать, приучая преследователей к мысли о своей неуязвимости. Я уверен, что благодаря его «бездействию» их бдительность ослабла, и мы возьмем их голыми руками. Уважаемый Варух просто не успел довести этот план до конца. Печально... Ну что ж, мы сделаем это за него.

Доводы киммерийца убедили даже самых осторожных маловеров, и на этом совет был закончен. В лагере закипела работа.

Под покровом темноты караван выступил в путь. Конан подождал, пока он не скроется в ночи. И только после этого во главе небольшого отряда направил коня совсем в другую сторону. Еще днем разведчики отыскивали разбойничий лагерь в нескольких лигах к северу.

Все было спокойно. Отправленные вперед хауранцы подтвердили, что лагерь охраняют всего шестеро человек и не слишком усердствуют на своих постах. Лучше напасть на них с запада, там, где содержатся кони и верблюды, и попытаться угнать животных.

Хауранцы, в предвкушении схватки, не могли усидеть в седлах от возбуждения. Варвар похвалил их за удачную мысль и принял решение. Он разделил отряд и объяснил людям свой новый план. Сам Конан с десятком шемитов нападет первым с востока, чтобы привлечь внимание к себе. Поднявшийся в лагере шум послужит сигналом для хауранцев. Их задача — увести животных, но гнать табун через лагерь, чтобы усилить сумятицу в стане врага. Клич киммерийца — сигнал к общему отступлению, место сбора здесь же, на этом месте. Конан выждал какое-то время, пока не уверился, что хауранцы не вышли на исходную позицию и отдал команду к атаке...

Еще звезды перемигивались на небе и растущий серп луны воровато выглядывал из-за туч, а варвар со своим отрядом уже догнал караван. Хауранцы и шемиты все еще были возбуждены ночным набегом и, не стесняясь, бахвалились перед товарищами своими подвигами. Почти полсотни лошадей и столько же верблюдов привели они с собой и при этом потеряли лишь двух человек. Караванщики застали лагерь разбойников врасплох: словно смерч пронесся между палаток и догорающих костров, сея смерть и ужас.

на своем пути. Люди весело обсуждали события ночи, шутили над беспечность бандитов и громко смеялись над неправдоподобными рассказами своих товарищей.

Конан остался доволен. Пустив лошадь шагом, он ехал рядом с принцессой и Товием во главе каравана. Ему было приятно видеть восхищение и благодарность в глазах Меровы и слушать хвалебные речи жреца. Он уверился в мысли, что отвел беду от каравана.

Прошло четыре трудных дня — о разбойниках уже никто и не вспоминал. Караван достиг предгорий и теперь шел гораздо медленнее, огибая невысокие холмы голого камня. Внезапно изменилась погода: порывистый ветер с севера принес низкую свинцовую облачность, и солнце целыми днями пряталось за тучами, но облегчение людям и животным это не принесло. Жара не спала, зато усилилась духота, и все живое усыхало на глазах. Тяжелые грозовые тучи проносились над головами путников в образе фантастических чудовищ, а за ними налетали песчаные бури, и приходилось надолго останавливаться, пережидая стихию.

Теперь они шли хорошо знакомой шемитам дорогой, отмеченной выбеленными солнцем и ветром скелетами погибших во время скитаний левисцев.

Ураган ушел на юго-восток, снова появилось солнце, и стало еще жарче, чем прежде.

Конан с проводником поднялся на вершину плоского гранитного холма. Едва кони останови-

лись, как палящий зной окутал всадников. Отсюда открывался вид на тихую широкую долину. В глубокой межгорной впадине, огражденной голыми неприступными хребтами, у подножия отвесных скалистых круч стоял прекрасный белокаменный город, обнесенный крепкой крепостной стеной. В центре города, прячась в зелени пирамидальных тополей, блестело искусственное озеро, окруженное высокой насыпной дамбой. От озера во всех направлениях разбегались тонкие нити акведука, поддерживаемые ажурными арками.

Маленькие одноэтажные домики из желтой глины с плоскими крышами теснились вдоль узких улочек, по спирали огибающих город. С высоты холма город напоминал большую желтую черепаху с круглым глиняным панцирем. Только два дома резко отличались от остальных: один — здание дворца, хоть и был одноэтажным, но зато гораздо больших размеров, с невысокими круглыми башенками по углам; и другой — с двумя этажами, круглым основанием, поддерживаемым мощными колоннами, и небольшим домиком, поставленным на него сверху.

Но Конан смотрел на долину и не мог понять, что происходит с городом. Он мерцал — то вдруг бесследно исчезая вместе со стенами и домами, то появлялся снова, как будто и не пропал. Прямо на глазах варвара город менял очертания, словно его накрывало палящее марево, формы домов искажались, стены становились прозрачными и, наконец, он совсем растворялся

прямо в воздухе, чтобы возникнуть вновь через какое-то время во всей своей белокаменной красе.

Сперва варвар принял его за мираж и даже потер глаза, чтоб разогнать видение. Но видение не исчезло — город прятался и появлялся, словно жил сам по себе. Киммериец вопросительно обернулся к своему спутнику, серьезно за себя опасаясь — уж не слишком ли перегрелся он на солнце. Конан открыл было рот, намереваясь задать терзающий его вопрос, но шемит опередил киммерийца.

— Левис,— сказал проводник с искренней теплотой, и широко улыбнулся варвару.— Красивый город, правда?

Конан выдавил глупейшую улыбку и что-то неразборчиво буркнул в ответ.

«Если для него все выглядит естественно, то почему я должен удивляться?» — подумал киммериец.

— Ты видишь то же, что и я, или только мне пустыня высушила мозги? — все-таки не выдержав, спросил киммериец.

— Успокойся, Конан, это не мираж. Новые жрецы Тарима используют тайную магию, чтобы прятать город от врагов. Но для полного обречения силы нужна земля из древнего храма. За ней мы и ходили в старый город.

— Опять магия,— недовольно скривился Конан, разворачивая коня.

Навстречу каравану высыпала толпа ликующих горожан, в сопровождении вооруженного

отряда верховых и процессии поющих жрецов. Народ восторженно что-то вопил, но из всех криков Конан лишь разобрал часто повторяющееся имя принцессы. Путь каравана был устлан дорогими коврами и усыпан просяным зерном. Счастливых караванщиков-шемитов, напустивших на себя гордый вид, и растерявшихся хауранцев народ с великим почетом внес в город на руках.

К принцессе и Конану подъехал командир верховых и низко склонился в седле.

— Я счастлив приветствовать вас, госпожа,— обратился он к Мерове.— Дни и ночи народ Левиса и ваш преданнейший слуга молились за ваше скорейшее возвращение. И Единственный услышал наши мольбы. Я вижу путь ваш был тернист?

— Благодарю, любезный Ледий, дорога в самом деле была не из легких,— ответила принцесса, лишь кивнув в ответ.— И если бы не этот храбрый воин, лежать бы нам в песках пустыни. Он вел караван после смерти Варуха. Зовут его Конан, и родом он из далекой Киммерии. Отважней и мудрее командира нам было бы не найти во всех известных странах мира. Он настоящий герой, и своей жизнью мы все обязаны только ему.

Молодой шемит, явно породистых кровей, услышав из уст принцессы столь лестный отзыв о могучем варваре, сразу переменялся в лице, и между нахмуренных бровей залегла ревнивая складочка. Он вежливо, но с подчеркнутой над-

менностью кивнул киммерийцу и снова повернулся к принцессе.

— Надеюсь, госпожа, ваш спутник погостит в Левисе.— Шемит старался казаться радушным, но голос выдавал его недовольство.— Ну что же мы стоим здесь и болтаем! Королева Раав ждет с нетерпением вас во дворце, чтобы заключить в свои объятия и услышать рассказ о походе. Поспешите, принцесса. Я лично прослежу за грузом и позабочусь о проводниках

— Ты очень добр, Ледий. Надеюсь скоро увидеть тебя во дворце,— улыбнулась ему принцесса, и от этой улыбки шемит сразу просиял.— Поедем, Конан, королева будет рада отблагодарить тебя лично.

Вблизи и внутри город ничем не отличался от сотен ему подобных, что видел раньше киммериец, а главное никуда не исчезал. Если бы не толпа горожан, то суеверных хауранцев сюда бы не заманили даже богатствами всего мира. Подбочившийся Конан ехал по улицам Левиса бок о бок с принцессой.

Шея варвара разболелась, устав отвечать на бесконечные приветствия, поэтому он поднял руку в традиционном жесте и не опускал ее до самого дворца, рука занемела, но это было лучше, чем острая боль в затылке.

Левис не произвел на варвара впечатления: немощные улицы, убогие дома, тощие бараны во дворах, нехватка древесины, тканей и железа. Город был отрезан от мира, и это чувствовалось буквально во всем.

«Вот, куда нужно приводить караваны с награбленным,— размышлял киммериец,— а не гонять их в Туран, постоянно рискуя жизнью».

Со слов Меровы, Конан знал, что левисцы нашли недалеко в горах серебряные жилы и немного меди — прекрасный товар, чтобы отправиться в Стигию.

«Интересно, чем они кормят свою скотину?»

Пару раз он заметил крохотные клочки огородов и восхитился трудолюбием горожан — варвар был далек от забот землепашцев, но знал, что сами по себе овощи на песке не растут.

Город разрастался и строился, Конан видел множество новых домов и фундаментов, а это вселяло надежду, что Левис не умрет и не станет еще одной жертвой пустыни.

Обилие мелких лавочек и мастерских поразило киммерийца, но он не мог себе представить, чем стали заниматься их владельцы в условиях нехватки самых простых материалов.

Дворец тоже не отличался роскошью — во всех деталях обстановки и незатейливых украшений безраздельно господствовал камень, прикрытый кое-где коврами и шкурами диких зверей. В светильниках горел топленый жир, запах которого уже въелся в вещи и стены. Но все-таки было видно, что это королевское жилище. Здесь слонялось без дела и шепталось по углам огромное количество народа в весьма заношенных, но дорогих нарядах, сновали озабоченные слуги, с неприступным и бесстрастным видом за суетой двора следили стражники — по два у каждой

двери. Конан насчитал их двенадцать, прежде чем перед ними распахнулись тяжелые медные створки просторного тронного зала.

Королевский трон, простой деревянный стул без спинки с резными подлокотниками, стоял на невысоком подиуме посреди помещения.

Зато, увидев женщину на троне, у киммерийца перехватило дыхание. Это было настоящее творение богов.

Раав оказалась изящна и стройна, не уступая юной принцессе ни в свежести нежной кожи, ни в плавности линий лица, ни в мягкости черт. Ее формы выглядели более совершенными, по сравнению с девической угловатостью Меровы, а в черных, словно крылья ночи, глазах, сверкали звезды мудрости и силы.

Волосы, заплетенные в косу, были закреплены на затылке золотой заколкой, словно на голове королевы свернулась толстая змея. Но это зрелище не отталкивало, наоборот, оно притягивало киммерийца, словно манящая тайна, прикрытая покровом колдовства.

При их появлении Раав порывисто сорвалась с кресла и с открытыми объятиями бросилась навстречу дочери. Мерова упала ей на грудь, не скрывая счастливых слез радости.

Варвар почувствовал себя здесь лишним, да и придворные, что находились в зале, не знали, куда деть глаза.

Дочь и мать, не ослабляя объятий, не могли насмотреться друг на друга, о чем-то вкрадчиво шепчась.

— Конан из Киммерии, подойди к нам! — вдруг обратилась к нему королева, так что варвар даже вздрогнул от неожиданности.

Он приблизился, поклонился и замер в немом ожидании.

— Благодарю тебя за то, что ты сделал для Левиса и за то, что спас мою дочь, — сказала Раав, пристально изучая киммерийца с ног до головы. — Я прикажу увеличить твою награду.

— Я только выполнял свою работу, — с достоинством поклонился Конан, и вспомнив, что он во дворце поспешно добавил. — Ваше Величество...

— Прекрасный образец мужества и бескорыстия, — по достоинству оценила его ответ королева. — Сейчас ты можешь отдохнуть с дороги, а вечером устроим пир в вашу честь. Я хочу, чтобы ты был моим личным гостем, и поселился во дворце. Слуги покажут твои комнаты.

Голос Раав был слаще музыки, но по лицу ее блуждала загадочная улыбка, насторожившая варвара — когда женщина смотрит так на мужчину... Радость погасла в глазах Меровы, она рассеянно переводила взгляд с матери на киммерийца, и королева, почувствовав тревогу дочери, мягко взяла ее за руку и успокаивающе прибила:

— Будь нашим гостем...

На этом церемония представления была закончена. Лопочущиеся от гордости за свое поручение слуги отвели киммерийца в его покои — прекрасные светлые комнаты, затем проводили

в горячую парную, против чего Конан ничуть не возражал. Темнокожие девушки-рабыни поливали его тело щелоком и тщательно скоблили кусочками пемзы. Конан пребывал на вершине блаженства и мурлыкал, как довольный кот, но странное чувство, будто кто-то тайно наблюдает за ним, ни на миг не покидало киммерийца.

Впрочем, он был настолько счастлив, что не придавал этому большого значения.

Под вечер в пиршественной зале собрался цвет левисской знати. Были приглашены все шемиты и хауранцы, принимавшие участие в походе, рассеявшиеся на почетных местах, недалеко от королевы и принцессы. Только теперь караванщики по-настоящему почувствовали себя героями, и сидели с важным, напыщенным видом, принимая дорогие подарки и пространные речи вельмож в свою честь. Товий благословил трапезу короткой молитвой, и пир начался.

Разнообразные кушанья с аппетитными запахами сменяли друг друга на столах, прекрасная музыка улаживала слух гостей, а танцовщицы в просторных полупрозрачных одеяниях развлекали мужчин искрометными плясками.

Но Конан чувствовал себя в роли осла, разрывающегося между двумя охапками сена: едва успевал ответить на страстный взгляд принцессы, как тут же приходилось вымучивать улыбку на лице в ответ на подчеркнутое внимание королевы.

Гостям подавались чудесные вина, хотя Конан знал, что сами левисцы не выращивают виног-

рад. Непривыкшие к таким крепким напиткам хауранцы очень быстро охмелели и под восторженное одобрение шемитов исполнили воинственный танец с завидным мастерством, отразив в буйной пляске все трудности недавнего похода.

Чествование героев затянулось далеко за полночь. А после слуги сбились с ног, разводя по домам и покоям, не в меру подгулявших гостей.

Хауранцы нагло приставали к танцовщицам и девушки, получив строгий приказ королевы ни в чем не отказывать героям, поломавшись для виду, охотно поддавались их настойчивым уговорам.

Конан вернулся к себе в комнаты и с блаженством повалился на чистое мягкое ложе. Он был рад подчиниться настойчивым нашептываниям сна, как вдруг в дверь его спальни тихонько постучали.

Раздраженный киммериец поднялся с постели. На пороге стояла черная рабыня и робко улыбалась.

— Ты послана ко мне украсить эту ночь? — увидев стройную фигурку, смягчился варвар. — Входи же...

— О, нет, мой господин, такая честь не для меня, — смутилась девушка, благодарно сверкнув жемчужной белозубой улыбкой. — Прошу вас, идите со мной.

— Но кто послал тебя, красавица?

— Не нужно задавать вопросов, — укорила его рабыня. — Идем же, вас кое-кто ждет.

Конан пожал плечами, принимая ее игру в загадочность, и покорно последовал за рабыней. Шли они тайным путем, где их никто не мог заметить, даже стража, и киммериец догадался, куда они идут. Но вот какая из двух пожелала увидеть его?

Рабыня приоткрыла перед ним незаметную дверцу в стене и посторонилась с полупоклоном, пропуская киммерийца вперед.

— Прошу вас, господин.

Конан с трудом смог протиснуться в крошечный лаз и оказался в затемненной спальне. Задрапированные коврами стены и пол, маленький резной столик с большим серебряным зеркалом, круглое просторное ложе под балдахином, слабо освещенное светом свечей из горного воска. У кровати стояла маленькая медная жаровня и затейливая курильница, наполняющая спальню ароматом сандала. Полуприкрытая шелками и утопая в мраморе подушек, на кровати возлежала Раав. В тусклом свете свечей она выглядела еще прекрасней, намеренно демонстрируя округлые прелести своего восхитительного тела, не стесняясь своей наготы. Томная улыбка играла на влажных губах королевы, приглашая варвара отведать их сладостный вкус.

— Ты удивлен, киммериец? — спросила она, и лукавые лучики зажглись в колодцах ее глаз. — Что ж ты молчишь?

Конан проглотил комок в горле.

— Я восхищен твоим совершенством, королева, — правдиво ответил он.

— Раав, зови меня просто Раав... Иди же ко мне, киммериец, — она чарующе улыбнулась, оставшись довольна его ответом. — Ночи так коротки...

— Зато жизнь длинная, — мудро заметил варвар, сбрасывая с плеч халат...

Рано утром всю ночь вздыхавшая у дверей королевской спальни темнокожая рабыня тем же тайным путем проводила варвара в его покои.

После завтрака к нему явился мальчишка-шемит.

— Меня зовут Аром, господин, сын смотрителя королевских бань, — с важным видом представился паренек. — Я должен выполнять твои приказы.

— Прекрасно, а мое имя Конан. Ты можешь показать мне город, Аром?

— С большим удовольствием, Конан, — сбросил он свой напыщенный вид.

Весь день они гуляли по Левису: ходили на городской пруд, побывали на рынке и в королевском зверинце. Повсюду киммерийца узнавали и оказывали самый радушный прием. Конан поражался изобретательности шемитских мастеров, создававших из глины все необходимые в обиходе вещи.

А уж о причудливости многообразной керамики с затейливыми орнаментами и говорить было нечего. Люди трудились в поте лица, чтобы хоть как-то улучшить свой быт и украсить город.

Аром привел его на храмовую площадь, и варвар уже собирался войти внутрь святилища, но мальчик вовремя поймал киммерийца за рукав.

— Тебе туда нельзя, Конан. Ты чужеземец и не нашей веры,— предупредил мальчишка.

— И что с того? Дверь открыта,— удивился варвар, останавливаясь на ступеньках каменной лестницы.

— Откуда мне знать?! Нельзя и все... Жрецы не велели пускать в храм чужеземцев,— надулся парнишка.

Конан пожал плечами, но спорить не стал.

Перекусив свежеиспеченными лепешками в какой-то лавке, они пошли к крепостной стене, и стражники разрешили им подняться на башню, откуда открывался прекрасный вид на горы и заливные поля, где под палящим солнцем работали и горожане, и рабы.

Ближе к вечеру их прямо на улице разыскала Мерова.

Рядом с киммерийцем остановились шестеро шемитов, опустивших на землю позолоченный паланкин, и из-за занавески выглянуло недовольное личико принцессы.

— Отправь домой мальчика и быстро садись! — коротко приказала она.

Прощавшись с пареньком, Конан забрался в носилки, и паланкин тронулся вверх по улице. Не дожидаясь пока варвар устроится поудобнее, принцесса бросилась к нему на шею и стала горячо целовать.

— Бессовестный,— надулась Мерова, когда страсть ее немного улеглась.— Как ты можешь спокойно гулять по городу, когда я просто горю от желания.

Конан промолчал, но Мерова и не ждала ответа. Измученная разлукой, она была счастлива, вновь обретя его, и говорила за них двоих.

— Можешь не рассказывать, где ты был прошлой ночью. Я все знаю... Тебе было с ней хорошо?

— Да,— честно признался Конан, не боясь вызвать гнев своей спутницы.

— Моя мать знает, как доставить радость мужчине.— Она, казалось, совсем не обиделась и добавила с легким волнением: — Но сегодняшнюю ночь ты будешь со мной, если, конечно, этого пожелаешь.

Вместо ответа Конан закрыл ее уста долгим и страстным поцелуем.

— Я хочу, чтобы ты остался со мной и принял нашу веру,— попросила принцесса, прощаясь утром с киммерийцем.

Конан ничего не ответил — те же самые слова сказала ему королева Раав прошлой ночью.

После полудня за ним пришел слуга и проводил в маленький садик, где в окружении придворных прогуливалась королева.

— Оставьте нас,— строго приказала она, и по жесткости в ее голосе, Конан догадался, о чем пойдет разговор.

— Я для тебя недостаточно хороша? — напустилась на него Раав чуть ли ни с кулаками.

Она была восхитительна в своем благородном негодовании, и варвару с большим трудом удалось не поддаться ее колдовским чарам.

— Разве я мог отказать? — ответил он вопросом на вопрос. — Чего здесь стоит жизнь чужеземца?

Раав, понимая его правоту, закусила губу от досады и нервно заходила по аллее.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Но сегодня не обещай ничего принцессе. Ты согласен?

— Как же я могу отказать королеве? — усмехнулся варвар, но женщина не заметила его иронии.

— Раав, мы, кажется, договорились, — смягчилась она. — До вечера, мой друг.

Так прошло несколько скучных дней, а по ночам Конана рвали на части две прекрасные женщины, которые никак не могли поделить его между собой. Накануне он простился с хауранцами и остался совсем один. Воины пустыни покинули город, получив богатые дары, щедрую награду чистейшим серебром и выгодно продав лишних лошадей и верблюдов. Они звали его с собой, но варвар решил немного подождать, не желая огорчить сразу двух любовниц.

Он погулял по саду, затем вернулся к себе, надел лучшие свои одежды и решил навестить Раав. Каково же было удивление киммерийца, когда стражники остановили его перед дверью на королевскую половину, которую он уже привык открывать ногой.

— Сейчас туда нельзя. — Воин мягко придержал Конана за плечо. — Королева совещается с принцессой.

Из-за двери слышались визгливые женские крики и звон бьющейся посуды.

— Серьезный разговор, — варвар заговорщически подмигнул шемиту. Стражник понимающе улыбнулся в ответ, но тут же вновь посерьезнел.

Конан вздохнул и ни с чем вернулся к себе.

Заметные перемены произошли тем же вечером. Мимо дворца, поднимая за собой клубы пыли, пронесся отряд верховых. Киммериец долго глядел им вслед и никак не мог понять, что вдруг ему показалось в них столь поразительным. А потом понял, и ответ варвару не понравился: воины были облачены в туранские доспехи. Кстати, стражники во дворце тоже одели кольчуги!

В городе что-то происходило. Потом над северными окраинами занялось багровое зарево, а через какое-то время запылал и запад. Пожар — понял Конан и решил отправиться в город, посмотреть, в чем там дело. Коридоры были забиты охраной, и из дворца киммерийца не выпустили, попросив не покидать своих комнат, любезно, но очень настойчиво.

По улицам в сторону северных кварталов шли отряды стражи, разгоняя толпы зевак по своим домам.

Принесли ужин. Конан пытался расспрашивать слуг, но вразумительных ответов от них не добился.

«В городе мятеж, беспорядки», — только и мог понять он.

Ни в эту ночь, ни в последующие за ним не посылали, и это очень беспокоило киммерийца.

Три дня варвар просидел взаперти и в полном неведении, довольствуясь лишь видом из окна. Нередко он наблюдал, как целые семьи горожан выбирались на крыши своих домов, падали на колени, обратясь лицами в сторону храма, и глава семейства немилосердно хлестал веревкой обнаженные плечи и спины своих домочадцев. Потом они менялись местами, и тут уж доставалось кормильцу.

— Что это они делают? — спросил удивленный варвар слугу, приносившего ему еду.

— Молят Тарима ниспослать мир на город, — разъяснил шемит. — Левисцы так часто поступают, когда есть крайняя нужда.

— И что же, помогает? — Конан заинтересовался всерьез.

— Очень редко, — неохотно признался слуга. — Но не сомневайтесь, господин, это проверенный способ. Страдая, человеку проще докричаться до бога.

«В жизни не видел глупее обычая», — скептически подумал киммериец.

Он собрался уезжать из Левиса, но не мог добиться приема ни у королевы, ни у принцессы и получить высочайшее на то позволение. От праздного безделья Конан не находил себе места, а между тем, в городе полыхали пожары и шли бои.

На четвертые сутки мятеж был подавлен. Над Левисом повисла тяжелая напряженная тишина. Горожане, напуганные волнениями, сидели по домам и боялись показаться на улице. Казалось, что город вымер.

Конан стоял у окна, когда в дверь громко постучали.

Он обернулся на стук и увидел в дверях переминающегося с ноги на ногу стражника.

— Чего тебе? — грубо бросил киммериец.

— Господин, вас желает видеть какой-то бродяга. Прикажете прогнать, или... — За эти дни охрана уже успела познакомиться с крутым характером варвара, а кое-кто и с его кулаками.

Рука киммерийца уже тянулась за глиняным кувшином с водой, чтоб запустить им в голову стражника, дерзнувшего беспокоить его по таким пустякам, но внезапно Конан задумался и изменил свое решение.

— Пусть войдет, — распорядился он: «Друзей у меня в этом городе нет, кто это может быть?»

В комнату бочком вошел горбатый, согнувшийся пополам человек в разорванном черном балахоне с глубоко надвинутым на глаза капюшоном и клюкой в руках.

— Ты что еще за пугало? — уставился на него киммериец.

— Важные новости, господин. Прикажи страже выйти, — прогнусавил бродяга.

Конан коротко кивнул, и стражники быстро ретировались за дверь.

— Ну, — поторопил варвар.

Но незнакомец сперва запер дверь на засов и лишь потом сбросил капюшон с головы.

— Товий! — подскочил к жрецу варвар. — Что за балаган? Почему ты в таком мерзком виде?

— Тише, никто не должен знать, что я — это я. — Жрец поднес палец к губам.

— Надеюсь, хоть ты мне расскажешь, что здесь происходит?

— Всею виной ты, Конан. Да-да, именно ты. — Товий тяжело вздохнул и продолжил. — Раав с Меровой передрались из-за тебя, как две кошки из-за кота. Полгорода сторело. А сколько крови невинных пролито...

— Скверная новость, — согласился варвар.

— Это еще не все, — подбодрил его жрец. —

Они уже помирились и залогом их мира стала твоя жизнь. «Нет киммерийца — нет причин для раздоров», — так сказала принцесса. Это ее подлинные слова, я сам слышал.

— Не думай, что ты ранишь мне сердце. Я этого ждал, — варвар был ироничен. — Но продолжай, прошу тебя.

— И последнее, наверное, худшее из всего. Твоих хауранцев заперли в темнице, они вовсе не покинули город, да и наивно было думать, что вас выпустят отсюда живыми. Никто не должен знать, где находится Левис. Тебя и их принесут в жертву Тариму на торжествах освещения храма. После чего город превратится в призрак, и никто больше не сможет не выйти из него не войти. Такова сила магического заклятия, составленного новыми жрецами.

— И ты пришел рассказать мне об этом? — Конан посерьезнел, сжав от гнева кулаки.

— Я пришел помочь, — снова вздохнул Товий. — Эх, Конан, Конан, говорил тебе — беги, не внял ты доброму совету... Ладно, еще не поздно. Слушай меня внимательно, киммериец. Постарайся выбраться из дворца, здесь я не в силах тебе помочь, действуй сам, но шум лучше не поднимай. Иди к храму. В городе сейчас тихо, никто тебя не остановит. Найдешь на площади тюрьму, охраны там не много. Попытайся вызвать хауранцев... Рядом гвардейские конюшни. Берите лошадей, я уже отдал приказ, чтобы кони были готовы, и уходите через Северные ворота. Если ты освободишь хауранцев, то у вас будет шанс прорваться, в одиночку там не пройти. Это все, что я могу для тебя сделать... Теперь мне пора уходить... Беги через окно, в коридоре полно стражи.

— Спасибо. — Конан стиснул руку жреца. — Я не забуду тебя Товий.

— Не мешкай, времени мало. Как только дверь за мной закроется... Удачи тебе, Конан, и да пребудет с тобой сила богов, — обернулся он уже с порога.

Киммериец так и сделал. Выбрав из многочисленных подарков Раав невзрачный серенький халат, варвар быстро переоделся и выглянул во двор. Улицы по-прежнему казались пустынными, но вдоль дворцовой стены попарно прогуливалось четверо мечников. Пройти незамеченным мимо них было невозможно.

Он выпрыгнул в окно и с самым беспечным видом пошел прямо к воинам. Стражники сразу его заметили и ускорили шаги навстречу: Конан приветливо помахал им рукой и улыбнулся.

— Что ты здесь делаешь, киммериец? — спросил сбитый с толку начальник стражи, но варвар не дал ему рта раскрыть.

— Вы проводите меня в храм, — не терпящим возражения тоном приказал он, — где я должен принять истинную веру.

— Но никто не отдавал такого распоряжения, — возразил нахмурившийся стражник.

— Тебе приказывает будущий король! — развивал наступление Конан. — Это одно из условий мира принцессы и королевы.

Обескураженная таким напором охрана вытянулась перед ним по струнке.

— Ну что, вы идете или мне позвать на помощь Раав?

Весь город знал о любовных похождениях варвара, и его уверенная, наглая ложь вконец сломили сопротивление мечников.

В сопровождении почетного караула из четырех человек Конан благополучно добрался до площади. Здание тюрьмы располагалось напротив святилища.

Конан направился прямо к нему.

— Осмелюсь заметить, э... Ваше Величество, храм в другой стороне, — робко подал голос один из стражников.

— По-твоему, у меня нет своих глаз! Мы идем к тюрьме! — рывкнул на него Конан, и во-

ин счел за благо не лезть со всякими глупостями к этому опасному человеку.

— Ждите здесь! — приказал киммериец и решительно вошел в здание.

Прежде, чем часовой у внутренних дверей успел поднять тревогу, кулак Конана промял его шлем, и воин со счастливой улыбкой присел отдохнуть в уголке.

«Жаль не успел его спросить, где держат хауранцев», — запоздало пожалел киммериец, но задерживаться здесь не стал.

Из-за дверей караульного помещения слышались голоса отдыхающей охраны.

Варвар вернулся к мирно спавшему часовому и забрал меч. Аккуратно, без шума он просунул его через ручку и намертво заклинил дверь снаружи.

Коридор повернул налево. В десяти шагах маячила одинокая фигура скучающего тюремщика.

— Эй, где тут держат хауранцев? — подступил к нему варвар. — Кажется, их время пришло. — Конан зловеще засмеялся.

— Хвала Тариму! — заржал солдат. — В конце коридора... Но... — Глумливая рука судьбы в последний миг жизни стражника решила приоткрыть ему глаза.

Конан, все еще улыбаясь, грубо схватил шемита под мышки и с силой припечатал к стене, а затем помог прилечь на каменный пол. Дверь в конце коридора оказалась не заперта. Конан вошел в пустую камеру и тут же увидел железную решетку в полу и деревянную лестницу

рядом с ней. Он сбил замок и откинул крышку. В колодце царила вечная ночь.

— Амаль, Саади... вы здесь? — крикнул он в темноту и еле успел увернуться от комка грязи, брошенного ему в лицо. — Значит, я не ошибся... Вы что, не рады меня видеть?

— Конан?! Ты?! — снизу послышались удивленные и радостные голоса.

— Тише, сейчас я вас вытащу, — варвар спустил вниз лестницу и через миг уже был в объятиях грязных, оборванных, но счастливых хауранцев. — Как вы сюда попали?

— Мы покинули город, но дальше первой же стоянки не ушли. Шемиты что-то подмешали в воду, и всех нас сморил сон... Они взяли нас голыми руками! Проклятье Сета на их головы!

— Ясно. Теперь слушайте. Мы должны бежать. Здесь рядом есть конюшни, охраны немного. Уйдем через Северные ворота, — на ходу ввел их варвар в план действий.

Когда прохладжающиеся на улице мечники увидели высыпавшую из тюрьмы свирепую толпу хауранцев с грозным киммерийцем во главе, то благоразумно решили не сопротивляться и покорно отдали свое оружие беглецам. Их заперли в здании, вполне довольных, что им вообще сохранили жизнь.

Конюшню взяли почти без боя, конюхи в панике разбежались, а несколько стражников, попавшихся под руку жаждущим крови хауранцам, умерли быстро и без мучений. Как и говорил Товий, кони были уже наготове: верхо-

вые оседланы, запасы воды, продовольствия и оружия навьючены, и на каждого беглеца приходилось еще по несколько сменных лошадей. Конан в сотый раз мысленно поблагодарил слепого жреца и вскочил в седло. Беглецы помчались по затаившему дыханию городу в сторону Северных ворот. Вскоре они достигли окраины со следами прогремевших здесь боев.

Целые кварталы Левиса были разрушены огнем, улицы завалены мусором и обломками колесниц, а на земле виднелись высохшие пятна крови.

Через открытые ворота стражники выводили из города повозки, груженные мертвыми телами. Хауранцы, как вихрь налетели на них и в считанные мгновения вырезали всю охрану. Путь к спасению был свободен.

Один из чудом выживших шемитов, шатаясь, поднялся с земли, и Конан направил к нему коня, намереваясь добить счастливику. Раненый заметил приближающегося киммерийца и застыл на месте, а затем резким движением сдернул с головы глухой туранский шлем.

— Мерова?! — удивился варвар, осаживая коня. — Достойная работа для принцессы. — Киммериец кивнул на повозки.

— Ты ничего не знаешь, Конан... Это... — она презрительно обвела взглядом процессию, — всего лишь видимость. Под трупами серебряные слитки... Жрецы готовят какой-то обряд, но сами не знают, что из этого выйдет. Я решила на время покинуть город, пока все не выяснится, и

прихватила королевскую казну. Помоги мне, и все это богатство будет нашим!

— А королева, она знает?

— Какая разница? — отмахнулась принцесса.

— Что ж, пожалуй, я возьму их с собой, — засмеялся варвар. — Кажется, город мне кое-что задолжал. А ты возвращайся во дворец и передай королеве Раав, что я благодарю ее за столь щедрый подарок.

И Конан отдал команду хауранцам. Лицо Мерovy покрылось мертвенной бледностью.

— Именем Тарима, Конан, умоляю тебя, не бросай меня здесь! Возьми с собой, я согласна быть кем угодно — наложницей, рабой — все равно! — в отчаянии вскричала принцесса, повиснув на стремях его коня.

— Будь проклят твой жалкий бог и этот город вместе с ним! Прочь с дороги, змея! — Конан грубо оттолкнул принцессу и, подхлестнув коня, догнал веселых и счастливых хауранцев...

Конан больше никогда не вспоминал прелестную принцессу Мерову и королеву Раав, не думал, что случилось с ними и с Левисом. Его вела по жизни своя судьба.

Пылая мстью, через год хауранцы с большим войском пришли в левисскую долину, но не нашли в ней ничего.

Город исчез без следа вместе с богом Таримом, и вскоре даже память о них превратилась лишь в призрак.

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Локнит
ПРЕСТОЛ НЕМЕДИИ

5

Джей Болтон
ЖРЕЦ ТАРИМА

369

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художник Владислав Асадуллин
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.05.2000.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1532.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:

«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время овладеть
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА

29

КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ

30

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ

31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ

32

КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ

33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ

34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ПРЕЗАМИ

35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ

36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ

37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ПЛОТИ

38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКЛЯТЫХ

39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ

40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС

41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ

42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ

43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ

44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЬМЫ

45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА

46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ

47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ

48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ

49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ

50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ

51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА

52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА

53

КОНАН
И ПОСЛАНИК
СВЕТА

54

КОНАН
И СТИЩЕЕ
ЗЛО

55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАРА

56

КОНАН
И СКЛЕП
ХАОСА

57

КОНАН
И ЖРЕЦ
ТАРИМА

58

ISBN 5-93698-012-X

9 785936 980121